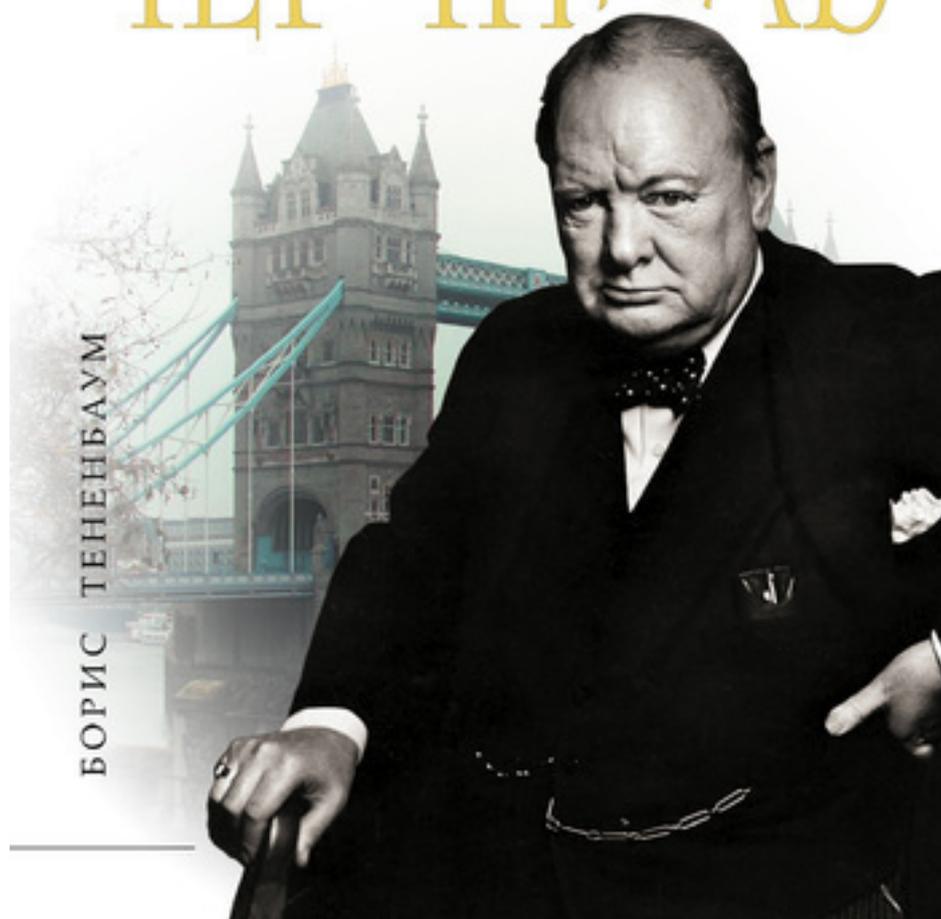

ГЕНИИ ВЛАСТИ

ВЕЛИКИЙ ЧЕРЧИЛЛЬ

БОРИС ТЕНЕНБАУМ

Гении власти

Борис Тененбаум
Великий Черчилль

«Яуза»

2011

Тененбаум Б.

Великий Черчилль / Б. Тененбаум — «Яуза», 2011 — (Гении власти)

Уникальная серия о величайших правителях всех времен и народов – настоящих гениях власти, которые меняли ход истории и определяли судьбы мира. Уроки борьбы за власть и секреты их личной жизни. Мастер-класс от гроссмейстеров «игры на мировой шахматной доске»: как пробиться на политический олимп и главное – удержаться на его вершине? Лучшая современная биография одного из крупнейших политиков XX века – Уинстона Черчилля. Потомок древнего рода, он не имел состояния и зарабатывал на жизнь пером, написав больше, чем Вальтер Скотт и Диккенс вместе взятые, и даже – единственный из всех политиков – получил Нобелевскую премию по литературе за свои знаменитые мемуары. Увлекался живописью, под чужим именем участвовал в парижских выставках. Много пил, широко играл. Скандальные детали личной жизни его матушки, невестки и одной из дочерей в течение трех поколений служили пищей для «желтой прессы», но за самим Черчиллем великосветским хроникером, при всем старании, ничего найти не удалось – его единственной страстью была политика. За свою долгую политическую жизнь сэр Уинстон занимал в правительстве едва ли не все возможные посты и дважды его возглавлял, а о «бульдोजьей хватке», неукротимой воле и негибачем мужестве премьера ходили легенды. Он ненавидел коммунизм – но любил кубинские сигары и, по слухам, армянский коньяк. Он считал Сталина «исчадием ада» – но был вынужден заключить с ним военный союз (именно Черчиллю приписывают самый знаменитый афоризм о кремлевском диктаторе, который якобы «приняв Россию с сохой, оставил ее с атомной бомбой»). А сам Сталин, видевший в Черчилле «злейшего врага СССР», тем не менее дал ему самую лестную характеристику: «Никогда еще не было случая, когда храбрость одного человека так влияла бы на ход истории...»

© Тененбаум Б., 2011

© Яуза, 2011

Содержание

Молодой человек со сложными семейными обстоятельствами	7
I	7
II	10
Конец La Belle Epoque	12
I	12
II	14
III	16
IV	17
V	18
VI	19
VII	20
VIII	21
IX	23
X	24
XI	26
XII	27
XIII	29
XIV	30
XV	31
XVI	33
XVII	35
XVIII	37
XIX	39
XX	41
XXI	43
XXII	44
XXIII	46
XXIV	48
«Гражданская война европейцев»	50
I	50
II	52
III	54
IV	56
V	58
VI	60
VII	62
Противник революций и делатель королей	64
I	64
II	66
III	68
IV	70
V	72
VI	74
VII	76
VIII	78
Политические качели на английский лад	80

I	80
II	82
III	84
IV	86
V	88
VI	90
Сельский джентльмен на покое	92
I	92
II	94
III	96
IV	97
V	98
VI	99
VII	101
VIII	102
IX	104
X	105
XI	108
XII	109
XIII	110
XIV	112
XV	114
XVI	115
XVII	117
Конец ознакомительного фрагмента.	118

Борис Тененбаум Великий Черчилль

Молодой человек со сложными семейными обстоятельствами (1874–1900)

I

20 июля 1900 года пассажирское судно «Dunnotar Castle», прибывшее из Южной Африки в Англию, в Саутхэмптон, доставило в числе прочих и молодого человека, который страшно торопился. Поэтому он и выбрал именно «Dunnotar Castle» – «Замок Даннотар». Пароходная линия «Castle Line» благодаря этому судну срезала время пути от Кейптауна до Саутхэмптона с 42 дней до 17 дней и 20 часов, а у молодого человека каждый час был на счету.

Он боялся опоздать – его кандидатура была выставлена на выборах в парламент в округе Олдхэм, куда он немедленно и отправился. 25 июля он произнес там пылкую предвыборную речь перед десятью тысячами своих потенциальных избирателей, а на следующий день выступил с еще одной речью, на этот раз – в Королевском театре Олдхэма. Принимали его замечательно, с шумом и аплодисментами. Увы, матушки молодого человека в зале не было: она собиралась замуж, и свадьба была назначена на 27 июля, так что выкроить время на то, чтобы приехать и послушать речь сына, она никак не могла.

27 июля 1900 года леди Черчилль, вдова лорда Рэндольфа Черчилля – матушка нашего героя, обвенчалась с капитаном полка шотландских гвардейцев по имени Джордж Корнуэллис-Уэст.

Отважный капитан был старше ее сына Уинстона Черчилля – который родился в 1874 году 30 ноября – всего на 16 дней. Это нуждается в некоторых комментариях.

Наверное, наиболее точным определением леди Черчилль было бы «веселая вдова» – в духе оперетты Ференца Легара, которая так и называлась. Беда была только в том, что в 1900 году до написания оперетты оставалось еще 5 лет, и если «вдовой» леди Дженни Черчилль стала относительно недавно, то «веселой» ее можно было называть с полными на то основаниями уже добрых 20 лет.

Свои золотые женские годы она проводила довольно весело. По крайней мере, отцовство ее второго сына, Джона, приписывали вовсе не официальному супругу, лорду Рэндольфу, а ее «близкому другу» виконту Фэлмоуту.

Что касается старшего сына, Уинстона, то он родился 30 ноября 1874 года, его отцом бесспорно был лорд Рэндольф, и сейчас он возвращался в Англию из Южной Африки в надежде успеть на свадьбу матери.

К его неполным двадцати шести годам Уинстона уже немало поносило по свету: в качестве военного корреспондента он побывал на Кубе, в качестве лейтенанта гусарского полка успел повоевать в Индии, в качестве сверхштатного офицера уланского полка – в Судане, а вот сейчас возвращался после сенсационного побега из плена, куда он угодил во время бурской войны. Буры с его статусом «представителя прессы» не посчитались, объяснив Уинстону, что к ним в плен сыновья лордов попадают не часто и они предпочитают его задержать как ценный материал для обмена. Он с их доводами не согласился и умудрился не только удрать из-под

стражи, что само по себе было не так уж и трудно, пленных охраняли не строго, но и забраться тайком в товарный поезд и добраться таким образом до португальской колонии в Анголе.

Его побег наделал в Англии шуму – война шла неудачно, и романтическая история о храбром и предприимчивом молодом человеке грела сердце публики, что было на руку и самому юному удайцу: он собирался заняться политикой.

Это последнее замечание – *«решил заняться политикой»* – тоже нуждается в комментариях. Дело тут в том, что лорд Рэндольф лордом был, если можно так выразиться, условным. С одной стороны, ну как еще можно именовать человека, родителями которого были 7-й герцог Мальборо и его супруга, дочь 3-го маркиза Лондондерри? У этой любящей пары было 11 детей, и лорд Рэндольф был их пятым ребенком и третьим по счету сыном. Это последнее обстоятельство – то, что он был третьим из сыновей, – было решающим. Титул и состояние по законам майората наследовал старший сын, его сестер выдавали замуж за достойных их знатного имени супругов, а его братьям надо было делать карьеру самим. Старший оставался хранителем имени, семейного состояния и титула, своего рода живым памятником основателю рода, и не случайно следующие обладатели титула нумеровались.

Джон Черчилль, 1-й герцог Мальборо, был национальным героем Англии во времена королевы Анны и войн, которые вела Англия против Людовика XIV. А лорд Рэндольф Черчилль был его потомком в восьмом поколении, но, к сожалению, только в качестве *«младшего сына седьмого герцога Мальборо»*.

Для таких *«младших сыновей»* знатнейших родов Англии, впрочем, открывались неплохие перспективы в политике, или в юриспруденции, или в военной сфере. Наконец, к последней четверти XIX века появилась и еще одна возможность: жениться на наследнице какого-нибудь американского нувориша, соединив таким образом в одной семье и знатное имя, и приличные деньги. Лорд Рэндольф, кстати, так и сделал. Он женился на Дженни Джером, дочери американского миллионера, и молодые супруги весьма скоро стали родителями – что на месяц отличалось от ожиданий и вызвало потом некоторые толки.

Как бы то ни было, лорд Рэндольф не ограничился браком с богатой наследницей, а занялся и политикой. И, надо сказать, поначалу очень успешно. Будучи младшим сыном пэра, он не имел права на наследование титула, но имел право быть избранным в палату общин, где могли выразить свою волю *«простые люди Англии»*. Конечно, не все эти простые люди были так уж просты, попадались и честолюбивые отпрыски аристократических родов, вроде самого лорда Рэндольфа, и богатые воротилы индустрии, торговли, банковского дела, но хватало и адвокатов, и социальных реформаторов, и деятелей, связанных со всевозможными общественными и церковными организациями.

Некоторые из них и вправду выходили из самых низов, что придавало английской социальной системе большую гибкость: самые талантливые люди из числа тех, кто отважно шел на штурм *«крепостной стены сословных привилегий»*, при наличии успеха немедленно принимались в ряды тех, кто на стене уже стоял. Скажем, попавший в парламент в 1890 году Дэвид Ллойд Джордж – сын учителя, выбившийся в юристы.

Что до лорда Рэндольфа, то ему, конечно, помогали и семейные связи, и громкое имя, так что в парламент он попал легко. И начал двигаться вверх и вверх, пока не занял пост министра финансов. В Англии, тщательно соблюдающей старинные традиции, министр финансов официально назывался не министром финансов, а *«Chancellor of the Exchequer»*, что в принципе можно перевести как *«Канцлер Клетчатой Доски»*. Но функции его, конечно же, к *«клетчатой доске»* отношения не имеют, а состоят в основном в формировании государственного бюджета и управлении им.

Все по той же традиции пост этот уступает по значению только посту премьер-министра.

Дело, в общем, шло к тому, что лорд Рэндольф и сам сможет со временем притязать на роль премьера – но что-то в его жизни сломалось. Он наделал глупостей и долгов, ушел

в отставку и вскоре умер. Брак его фактически развалился задолго до его смерти, и все, что от него осталось, был его старший сын Уинстон, для которого отец был героем и чей путь в политике он собирался повторить.

II

Сделать это, однако, было не так-то легко даже и внуку 7-го герцога Мальборо. Ну, для начала – ни у Уинстона, ни у его матушки не было никаких серьезных средств. Американский дедушка был натурой увлекающейся и тратил на скаковых лошадей и на балерин столько, что дочери много он уже не оставил. Леди Черчилль сыну серьезно помочь деньгами не могла – во-первых, у нее их было немного, во-вторых, тратила она их широко, в-третьих, чувства ставила выше материальных соображений, что видно и из заключенного ею второго брака – ее новый муж был моложе ее на 20 лет, но средств не имел.

Правда, не имея денег, она имела завидные социальные связи. Викторианское общество на многие вещи смотрело широко, так что леди Черчилль считалась особой если и не вполне уважаемой, то и уж никак не парией. А так как она была к тому же очень красива, дружелюбна и обаятельна, то с ней дружили очень многие – даже жена принца Уэльского, с которым у Дженни Черчилль был недолгий роман. В общем, первые газетные заказы на статьи своему сыну устроила именно она.

Пытаться пробиться в журналистику его вынудила нужда. Денег не хватало просто отчаянно – служебное жалование молодого офицера элитного полка не покрывало и половины того, что ему требовалось тратить для поддержания социального статуса. Решение зарабатывать деньги пером было весьма отважным – формальное образование было у Уинстона Черчилля если не нулевым, то весьма близким к этой печальной отметке.

По заведенным порядкам викторианского общества, юные аристократы должны были учиться в частных школах, где они жили на полном пансионе. Учился Уинстон отвратительно. В классе из одиннадцати учеников он занимал прочное одиннадцатое место.

Когда его забрали из школы и перевели в другую, он в классе из 21 ученика столь же твердо встал на 21-е место.

Отчаявшийся лорд Рэндольф решил, что ни политика, ни юриспруденция его болвану-сыну не подходят, и предложил ему попробовать военную карьеру. В итоге Уинстон поступил в военное училище Сэндхерст, в кавалерию – экзамены туда были легче, чем в пехоту. Ну, в науках он и там не блистал, но хорошо занимался в классах истории и английского, даже стал, как ни странно, чемпионом училища по фехтованию. Честолюбие у него было бешеное, он всячески старался привлечь на себя внимание, и в результате стал весьма непопулярен среди собратьев, гусарских офицеров, которые прозвали его «ловцом медалей». Он, можно сказать, лез на рожон и так норовил показаться на всеобщее обозрение в самом опасном месте, что это вполне можно было посчитать позерством.

В защиту юного гусара следует сказать, что под огнем он никаких героических истерик не устраивал, а, напротив, вел себя весьма разумно и хладнокровно. Когда в Судане, в сражении под Омдурманом, он оказался лицом к лицу с полудюжиной противников, он не стал полагаться на свои способности фехтовальщика, а попросту вытащил из кобуры револьвер и пустил его в ход. Угодив вместе с остальными в Южной Африке в засаду, остановившую их бронепоезд, он занялся не стрельбой по невидимому противнику, а до последнего старался убрать препятствия с рельсов, чтобы бронепоезд мог попытаться уйти назад. А когда это не получилось, не сдался в плен вместе с остальными, а попытался бежать. Неудачно – его поймали. Но поскольку в итоге молодому корреспонденту Уинстону Черчиллю бежать все же удалось и на волне этого успеха даже приобрести значительную известность, он решил немедленно превратить этот успех во что-то осязаемое и попытаться пройти в парламент.

Он, собственно, уже пробовал это сделать в 1899 году, когда выставил свою кандидатуру на досрочных выборах на освободившееся в парламенте место, но проиграл. Он вернулся на войну, сумел получить лейтенантский чин в полку Легкой Южно-Африканской Кавалерии, в

числе первых ворвался в завоеванную наконец Преторию – и теперь твердо рассчитывал, что военный опыт улучшит его шансы у избирателей.

Так и вышло. В 1900 году Уинстон Черчилль получил место в парламенте и немедленно отправился в лекционный тур по Англии, США и Канаде.

Во-первых, ему тогда – как, впрочем, и всегда – были очень нужны деньги, а его лекции, как оказалось, собирали много народу.

Во-вторых, у него появилась основательная тема для бесед на политические темы – опыт бурской войны.

В отличие от обычных стычек по периметру колониальных границ Британской империи, в этот раз англичанам пришлось воевать с людьми, вооруженными на европейский лад.

Да еще и в условиях ссоры Англии с Германией.

Конец La Belle Epoque (1895–1914)

«The French called the era from 1895 to 1914 La Belle Epoque. It was an epoch of beautiful clothes and the peak of luxury living for a select few – the very rich and the very privileged through birth».

«Французы называли эру между 1895 и 1914-м «Прекрасной Эпохой». Это было время восхитительных костюмов и пика роскоши и комфорта для немногих избранных – очень богатых и очень привилегированных просто по праву рождения».

Из энциклопедии

*Словно в зеркале страшной ночи
И беснуется, и не хочет
Узнавать себя человек,
А по бережливой легендарной
Приблизился – не календарный —
Настоящий двадцатый век.*

А. Ахматова

I

Ссора началась вроде бы с пустяка. Ну что, собственно, было такого в том, что император Германии Вильгельм II отправил телеграмму президенту республики Трансвааль? Император поздравил президента «с восстановлением законного порядка» в стране, не слишком заметной на карте Африки, – вот и все.

Рейд в Трансвааль, столь успешно отбитый бурами, вообще-то имел целью захват новооткрытых и весьма перспективных золотых приисков. Он был организован английскими подданными, среди которых были и весьма заметные люди, вроде знаменитого Сесилия Родса, но поддержки правительства не имел. В Англии неудача была встречена вполне равнодушно, и идея, что «так разбойникам и надо», была выражена в Лондоне даже и полуофициально.

Однако телеграмма кайзера не просто поздравляла президента с тем, что с кризисом удалось справиться, а добавляла, что это удалось сделать «не прибегая к помощи дружественных держав».

Как следовало понимать это неосторожное выражение? Конечно, одна суверенная держава вполне может помочь другой суверенной державе. Однако Трансвааль был не вполне суверенной державой – Англия по договору с ним имела право утверждения его международных договоров, и Германия этого права вроде бы не оспаривала?

Если же оспаривала – то по какому праву? И в какой форме она была бы готова «оказать дружественную помощь» бурской республике?

Все это очень походило на угрозу, а Великобритания в 1896 году не привыкла к тому, чтобы ей угрожали.

Взрыв негодования в Англии был всеобщим. Королева Виктория сделала кайзеру Вильгельму – своему внуку – строгое письменное внушение. Он ответил ей письмом довольно покаянным.

Тем дело и кончилось, если не считать двух дополнительных обстоятельств.

Во-первых, британское Адмиралтейство сочло нужным отправить в Северное море собранную на скорую руку так называемую «летучую» эскадру.

Во-вторых, Германия в том же 1896 году направила в Китай небольшой отряд крейсеров. Командовал отрядом адмирал флота Германской империи по фамилии Тирпиц.

II

Мир на пороге начала нового, двадцатого века имел центр. Центром этим была Европа. К вышеуказанному определению «*центром мира была Европа*» не следовало даже добавлять особых дополнений вроде: *весьма вероятно, скорее всего* или даже «*бесспорно*». Они только ослабляли бы ясный и неоспоримый для современников факт: центр мира – Европа. Все, что было связано с наукой, с технологией, с управлением, с государственными законами, с судом – все это имело один-единственный стандарт – европейский.

Термин «европейский» не обязательно замыкался в границах собственно Европы. Россия, чья территория простиралась от Балтики и до Тихого океана, уже двести лет как входила в европейскую систему, и сама Российская империя была одной из великих европейских держав. Америка, отделенная от Европы Атлантическим океаном, была населена выходцами из Европы и управлялась по принципам, которые они принесли с собой. Театры в Бостоне и в Нью-Йорке показывали свежие постановки, привезенные из Лондона. Старина Джером, дед Уинстона Черчилля, завел у себя в Нью-Йорке, в «Доме Джерома», театр на 600 мест, и пела в нем шведская певица, которая нравилась ему не только своим пением и стоила, пожалуй, не меньше, чем весь театр.

В тысячах километров не то что от европейских, но даже и от ближайших больших американских городов, в глухом захолустье Скалистых гор, шахтерском городке Эспене, было выстроено здание оперы – и оно не пустовало. Китайские дипломаты носили сшитые в Париже фракы и изъяснялись по-французски. Мундиры турецких генералов копировались с европейских образцов.

Европа безусловно ощущала себя чем-то единым. Кроны, марки, франки, рубли – все приводилось к единому для всех золотому стандарту. Границы были проницаемы – и для торговли, и для путешествий. Человек со средствами мог прокатиться от Норвегии до Сицилии без особых бюрократических проблем.

С другой стороны, континентальная Европа состояла из могущественных и вооруженных государств, военных империй, зорко следивших друг за другом, ибо преимущество, полученное одной из них в одностороннем порядке, немедленно расстраивало весь хрупкий баланс сил, на котором и держалось европейское равновесие.

После разгрома Франции в 1870 году одной из главных забот новообразованной Германской империи было недопущение ситуации, при которой французские вооруженные силы были бы в состоянии помериться силами с германскими.

Но новый разгром Франции поставил бы под угрозу уже безопасность восточной соседки Германии, России, и она твердо решила не допустить этого.

С другой стороны, бесконечные споры России и Австрии за турецкое наследство на Балканах не могли оставить в стороне Германию. Если бы Австрия потерпела поражение – усилившаяся Россия представляла бы угрозу Германии с востока.

Все эти соображения понемногу приводили к созданию «перестраховочных» военных союзов: России с Францией, Германии – с Австрией.

Единственной великой державой Европы, не озабоченной кознями врагов и не ищущей симпатий возможных союзников, была Англия. Внешнеполитическая линия страны называлась – вполне исчерпывающе – «*блестящей изоляцией*», а внутреннее ее управление было лучшим в Европе.

Уильям Макнил в своей знаменитой книге «*The Rise of The West*» утверждает, что «*качество управления страной напрямую связано с количеством общественных групп и граждан, заинтересованных в участии в управлении*». Там, где эти группы, состоящие из торговцев, финансистов, владельцев компаний, представителей сложных, требующих долгого обучения

профессий, *«богаты, многочисленны и уверены в себе и в своем праве»*, там и достигаются наилучшие результаты. Наилучшие результаты на пороге двадцатого века достигались в Англии.

В качестве своего рода «моментального снимка» Англии той поры можно привести книжку Дж. Джерома «Трое в лодке, не считая собаки». В ней повествуется о трех молодых балбесах, решивших взять себе короткий отпуск и прокатиться на лодке вверх по Темзе. Один из них *«...спит в банке, когда притворяется, что он там работает...»*, что делают остальные его приятели, из книжки не ясно. Тем не менее описание их похода оставляет впечатление, что и скромный уровень доходов этих молодых людей был достаточен для наличия у них пледов и носовых платков, осознания необходимости в зубных щетках, возможности остановиться при случае в недорогих гостиницах – и полной готовности следовать следующему рецепту для поддержания здорового образа жизни:

«Один фунтовый бифштекс мяса и одна пинта горького пива – каждые 6 часов, одна 10-мильная прогулка – ежедневно по утрам, одна кровать ровно в 11 часов вечера. И не забивать себе голову вещами, в которых ничего не понимаешь».

Короче говоря, на Раскольникова эти молодые люди походили очень мало.

Англия в конце девятнадцатого века жила в полном согласии с собой и в дружелюбном безразличии к окружающему ее миру.

Единственный иностранец, появляющийся в книжке Джерома, – комичный германский профессор Шлоссен-Бошен, исполняющий *«меланхоличную германскую балладу, выслушав которую германский император расплакался, и его пришлось увести, чтобы он успокоился»*. Книжка Джерома вышла в свет в 1889 году, так что, по всей видимости, имелся в виду император Вильгельм I, дед Вильгельма II.

Качества его внука, к сожалению, любовью к искусству не исчерпывались.

III

Если рассматривать Вильгельма II как частное лицо, то, пожалуй, главной чертой его характера было желание угодить. Для зрелого мужчины, подходившего к сорока, номинально – суверенного повелителя могущественной военной империи, это было, пожалуй, странновато. Конечно, при некоторой снисходительности, полагающейся при суждении об августейших особах, это могло бы рассматриваться даже как *«похвальное честолюбие»*, – но проблема была в том, что он никак не мог определиться с тем, кому же он в конце концов хотел понравиться. Скажем, знаменитая телеграмма президенту Крюгеру вызвала явное раздражение его английских родственников, включая бабушку, королеву Викторию, которую он искренне почитал. И то, что английская родня посчитала его *«неотесанным тевтоном»*, ему было явно неприятно.

Но, с другой стороны, германское общественное мнение твердо стояло на стороне буров и обвиняло своего кайзера как раз в недостаточно сильной реакции, ставя ему в вину именно то, что он – полуангличанин. И он начинал оправдываться и в разговоре со своим канцлером говорил, что *«надо же что-то сделать, чтобы ограничить невыносимую наглость англичан»*. Правильной мерой такого ограничения он считал *«объявление Трансвааля протекторатом Германии»*, а на замечание, что это поведет к войне с Англией, браво отвечал, что «да, но это будет наземная война» – и в конце концов государственный секретарь Маршалл согласился на посылку телеграммы, полагая, что это – наименьшее зло.

Трения вокруг Трансвааля, однако, и не думали утихать. Бурам, надо сказать, горячо сочувствовали – и не только в Германии, но и в России, и во Франции. История бурской войны даже попала в российскую литературную традицию – три или четыре поколения подростков в России зачитывались переводом романа Луи Буссенара *«Капитан Сорви-Голова»*, в котором беззаветно храбрый и несметно богатый юный французский миллионер со своими друзьями героически бьется с англичанами за свободу Трансвааля, делая это почему-то верхом на велосипеде. Романтические красавицы были в этой истории совершенно излишни, поскольку героям (и их аудитории) было предположительно 15 или 16 лет. А вооружены храбрые французские подростки были скорострельными немецкими винтовками «маузер». В той каше вздора, который представляла собой книга, эта деталь была едва ли не единственным элементом, совпадающим с реальностью.

IV

Будь Германия такой, какой она была в момент своего образования в 1870 году, дело ее конфронтации с Англией вряд ли пошло бы дальше литературных упражнений в духе Буссенара. Другие европейские страны находились в таком же положении. Франция, например, не только Трансвааль, но и вообще все английские колониальные предприятия весьма и весьма не одобряла, но она и помыслить не могла о том, чтобы выразить это свое недовольство в каких-то практических мерах.

Однако всего за одно поколение положение изменилось. Германия росла как на дрожжах. К началу нового века одним из самых ясных показателей развития страны служил размер добычи угля. На угле двигались корабли и паровозы, на угле работали паровые двигатели фабрик и шахт. И всего за тридцать лет Германия, отставая от Англии в 1870 году втрое, добилась с ней в этом практически полного равенства, а по выплавке стали даже и обогнала.

Это имело самые непосредственные практические последствия. Скажем, Англия еще при Дизраэли отказалась от идеи самообеспечения себя продовольствием, и так называемые «хлебные законы» были отменены в пользу «свободной торговли». Мера эта была разорительна для крупных землевладельцев, но выгодна индустриалистам, потому что обеспечила жителей растущих промышленных городов дешевой едой. Теперь, с развитием промышленности, такие же процессы шли и в Германии – теперь ей надо было продавать свою промышленную продукцию для того, чтобы прикупить продовольствие. Такого рода обмен осуществлялся, например, с Россией – но и от морской торговли Германия стала зависеть весьма ощутимо.

Когда после столь неудачной по формулировкам телеграммы Крюгеру у германских берегов появилась английская эскадра, это оказало самое серьезное влияние на общий ход мыслей в Берлине. Намек был, что называется, предельно ясен: германские торговые суда ходили по морю только потому, что англичане им это разрешали. Взгляд на «глубоко родственную» Англию в Германии в результате сильно изменился.

Но и в Лондоне взгляд на Германию начал меняться. Скромные и слегка деревенские «родственники нашей королевы Виктории» стали выглядеть как соперники и конкуренты, и тот факт, что в разразившейся вскоре бурской войне буры воевали оружием, закупленным в Германии, выглядел уже отнюдь не забавным.

Обе стороны сделали из происшедшего недоразумения свои далеко идущие выводы. В Англии в 1900 году на волне вспыхнувшего патриотизма прошли так называемые выборы «хаки» – названные так по цвету новой защитной формы британской армии, оказавшейся необходимой в период бурской войны.

Они привели в парламент новое поколение политиков, куда более озабоченных обороной страны, чем их предшественники.

Одним из них оказался 26-летний Уинстон Черчилль.

А в Германии было принято решение сделать англичанам ответный намек. Было решено построить серьезный линейный флот. Осуществление этого проекта было возложено на адмирала Тирпица.

Вряд ли Черчиллю в 1900 году приходило в голову, что когда-нибудь они померяются силой.

V

Вообще говоря, решение Германии о приобретении морской мощи было вовсе не очевидным. Старые прусские короли, случись им обзавестись военным кораблем, немедленно продали бы его с целью получить деньги на вооружение еще одного батальона. Пруссия был небольшим государством, все могущество которого проистекало из наличия сильной армии, и в нее вкладывалось все, что имелось.

Однако теперь, после афронта с Трансваалем, кайзер вознамерился обзавестись крейсерским флотом, который при случае мог бы послужить интересам его империи и на морях.

Это намерение было оставлено после содержательного разговора с адмиралом Тирпицем. Тот обратил внимание своего государя на то обстоятельство, что без глобальной сети баз – то есть без возможности пополнять запасы угля и боеприпасов вне Германии – крейсера через весьма небольшое время утратят всякую силу.

На довод суверена: *«Но ведь Нельсон всегда требовал больше и больше фрегатов – а не линейный флот»*, – адмирал резонно ответил: *«Не требовал, потому что имел»*.

В общем, уговорить обладающего пламенным воображением Вильгельма II оказалось нетрудно. Тирпиц в 1897 году был назначен министром флота.

Проблема, однако, была в том, что сам по себе император ничего не решал. Германский Рейх – такой, каким он существовал – был создан гением одного человека, Отто Бисмарка, и создан он им был «под себя». Первый канцлер империи обладал огромной властью – и она перешла и к его политическим наследникам. Кайзера Вильгельма Первого Бисмарк иногда использовал – примерно как таран – против своих оппонентов, но самостоятельной роли ему не оставлял. Однако даже Бисмарк не мог бы управлять Германской империей самодержавно и безраздельно – она была создана не завоеванием, а объединением многих составных частей, включая независимые королевства вроде Баварии. Для того, чтобы здание было прочным, оно должно было иметь широкий фундамент – и таким фундаментом стал Рейхстаг. В нем были представлены промышленники Рура, католики Юга, элиты Вюртемберга и Саксонии и даже социал-демократы – рабочее законодательство новой Германии было весьма передовым.

Все, связанное с деньгами, обсуждалось в Рейхстаге – и отнюдь не формально. А флот должен был стоять внушительных денег.

Наконец, в новообразованной Германской империи немалую и весьма независимую роль играло учреждение, унаследованное от старой Пруссии, – Генеральный штаб.

Военные вовсе не горели желанием разделять денежные фонды, государственные приоритеты, карьерные возможности продвижения и многое-многое другое с новым родом войск, польза которого в их глазах была весьма сомнительной.

Так что первой битвой адмирала Тирпица стало сражение за сердца его соотечественников.

VI

Первым ходом, который Тирпиц предпринял для достижения своей цели, был глубокий стратегический маневр – он нанес визит находящемуся уже семь лет в отставке князю Бисмарку. Он надеялся быть принятым. Тирпиц был первым министром императорского правительства, который решился посетить бывшего канцлера, расставшегося с новым императором не в лучших отношениях. Официальной целью визита было приглашение великому человеку посетить Киль, где должен быть спущен на воду новый военный корабль, названный его именем. Но, конечно, на самом деле Тирпиц просто хотел бы заручиться поддержкой Бисмарка: несмотря на отставку, он сохранял немалое влияние, особенно в прессе. Князь принял посетителя неласково. Он был слишком стар и слишком умен, чтобы быть восприимчивым к лести, так что трюк с *«новым кораблем»* пропал даром.

Однако то, что он услышал, в конце концов показалось ему интересным, и он – неслыханная милость – пригласил своего гостя сопровождать его в прогулке по парку. В открытом экипаже, куда князь пригласил министра флота, они и побеседовали. Беседу вел Бисмарк. Он изругал последними словами и Каприви, своего непосредственного преемника, и Гогенлоэ, теперешнего канцлера, да и самого кайзера, на долю которого достались наиболее отборные ругательства.

Тот факт, что объектом столь неллицеприятной критики был его суверен, император Германской империи, а человеком, которому надо было все это выслушивать, был министр императора и его ближайший сотрудник, князя Бисмарка отнюдь не смутил. Однако разговор с Тирпицем он вел на английском – кучеру знать все это было совершенно ни к чему. Бисмарк на прогулку захватил с собой две большие бутылки пива и к концу ее выпил обе, гостя своего не угостив. Однако тот не был разочарован ни столь откровенной беседой, ни угощением – или его отсутствием.

Князь согласился *«поддержать умеренную программу строительства военно-морского флота»*. На церемонию спуска на воду корабля своего имени он поехать не захотел, но главное было сделано. Пресса Бисмарка отреагировала на новую *«программу флота»* именно так, как ей было указано – умеренной поддержкой.

Дипломатическое наступление в пользу строительства флота было продолжено. Тирпиц повидался и с королем Саксонии, и с принцем-регентом Баварии, и с муниципальными советами ганзейских городов. Наиболее серьезную работу пришлось проводить с военными и с влиятельными людьми из торгово-промышленных кругов. Им была предложена на рассмотрение обдуманная стратегическая концепция, в которой доказывалось, что *«гельголандская»* сделка с Англией при Каприви в 1890 году, по которой Германия уступила свои возможные права на Занзибар в обмен на маленький остров Гельголанд у собственного побережья, была вызвана горькой необходимостью: Германия просто не смогла бы защищать свои занзибарские владения – у нее не было флота. Но сейчас, в 1897 году, положение изменилось, заморская торговля Германии растет, у нее есть и колониальные интересы – и они должны быть надежно защищены. Не следует строить себе иллюзий – Англия вовсе не обязательно будет дружественно нейтральна, и следует иметь некие материальные основания для того, чтобы *«посоветовать ей соблюдать свой нейтралитет и дальше»*.

Наконец, вся предварительная подготовка была завершена. Тирпиц обратился к Рейхстагу за тем, что стало теперь наиболее существенным – за деньгами.

VII

В прохождении через Рейхстаг так называемого Первого закона о флоте можно было не сомневаться – слушанья были замечательно подготовлены. При всем неуклонном следовании закону, дававшему Рейхстагу полные финансовые полномочия, при дворе и в армии к германскому парламенту было принято относиться свысока: по мнению кайзера, штафирки и адвокаты и не заслуживали другого отношения. Тирпиц, однако, изменил традиционный подход – все, что было связано с законопроектом, было заблаговременно доведено до сведения и депутатов, и лидеров партийных фракций.

Специально учрежденное бюро в министерстве флота самым подробным и вежливым образом отвечало на все задаваемые депутатами вопросы.

Да, *«интересы Германии за морями не защищены должным образом».*

Да, *«оборона берегов Германии – и на Балтике, и на Северном море – совершенно недостаточна».*

Нет, *«Германия не собирается ни с кем состязаться в морских вооружениях».* Просто у Франции – 26 бронированных кораблей размером больше 5000 тонн, у России – 18, а у Германии – всего 12.

И уж конечно, *«Германия не думает об английском флоте»*, в котором таких кораблей – 62.

Поэтому запрос Тирпица о семилетней программе строительства флота в составе двух боевых эскадр *«следует признать вполне умеренным».*

Запрос, однако, не был умеренным. Две эскадры, вместе с флагманом и двумя резервными броненосцами, составляли бы в общей сложности 19 боевых кораблей, все новой постройки.

Далее, программа строительства предусматривала ассигнования на семь лет вперед, выключая Рейхстаг из обычного годового цикла финансирования программы. Министерство флота брало на себя все бремя решений, связанных с типом кораблей, темпами постройки и прочими сторонами проекта – Рейхстаг уже наперед со всем этим соглашался и тем отнимал у депутатов будущих созывов право на вмешательство. Именно это последнее обстоятельство – а не сама программа – вызвало в Рейхстаге наиболее бурные споры. Однако в конечном счете закон о флоте 1898 года был утвержден, и сделано это было значительным большинством.

Что было еще более важно – закон встретил огромное общественное одобрение. Возникший союз поддержки флота вырос с начальных 78 тысяч до более чем миллиона человек – за какие-нибудь два года. Страна была полна энтузиазма, начали издаваться журналы, посвященные морской тематике, – при поддержке пароходных, кораблестроительных и сталелитейных компаний.

А в 1900 году, на волне негодования против Англии с ее *«несправедливой и жестокой бирской войной»*, сразу после инцидента с задержанием германских почтовых судов, заподозренных в провозе оружия и контрабанды, в Рейхстаг был внесен Второй закон о флоте. Немецкие суда после обыска были англичанами отпущены с принесением извинений, – но закон прошел все равно. Он удваивал запланированные морские вооружения с двух боевых эскадр до четырех.

Более того, в преамбуле уже не говорилось о *«защите родных берегов»*. Там говорилось о том, что *«в случае необходимости флот должен быть готов вступить в бой даже против величайшей морской державы».*

Это был намек, и в Англии его поняли должным образом.

VIII

К началу двадцатого века примерно половина торговых судов мира ходила под английским флагом. Английские товары продавались по всему свету, и само определение «английский» служило синонимом высокого качества. Англия имела самый высокий процент городского населения в мире – 54 % ее населения жили и работали в городах, производя эти товары. В обмен покупались многие вещи, в частности – сырье для промышленности и продовольствие, две трети потребления которого покрывались поставками из-за рубежа.

Превосходство Великобритании в отношении прочих европейских держав рассматривалось в самой Великобритании как данность, не требующая доказательств. Английский военный флот – по формуле, освященной временем, – *«превосходил два следующих европейских флота, вместе взятых»*.

Колониальные войны выигрывались без особых усилий. Чуть ли не главным предметом в кавалерийском училище Уинстона Черчилля было обучение будущих офицеров тонкостям игры в конное поло – они обязаны были хорошо понимать в выездке лошадей.

Разумеется, время от времени в колониях случались трения и с европейцами, например, с французами в Фашоде, но их всегда можно было уладить, полагаясь на флот и на незыблемое преимущество в технологии и финансах.

Грянувшая в 1899 году бурская война, однако, поколебала очень многие представления о британской мощи. Оказалось, что в войне против противника, располагающего европейским оружием и выучкой, английские полки могут продемонстрировать храбрость и верность долгу, но не умение. Ввиду нехватки качества войск победу пришлось добывать их количеством: в конце войны в Южной Африке оказалось 450 тысяч английских солдат против примерно 40-тысячной армии буров. Даже такое гигантское сосредоточение силы сразу не помогло – в изнурительной партизанской войне, которая шла до 1902 года, англичане применили весьма крутые средства – блокпосты, концентрационные лагеря для населения, и добились в конце концов капитуляции буров и мирного договора, включившего Трансвааль и Оранжевую Республику в британскую колонию Южно-Африканский Союз.

Помимо огромных недостатков армии – плохого стрелкового оружия, плохой тактики, полного отсутствия опыта во взаимодействии армейских подразделений, слишком нарядной формы, из-за ярких цветов оказавшейся настолько опасной для солдат, что ее пришлось в срочном порядке заменять на мундиры цвета хаки, оказалось, что в глазах общественного мнения Англия повсюду, от Франции и России и до Америки – выглядела неправой. Оказалось также, что наплевать на это – как было бы естественно в период «блестящей изоляции» – уже нельзя. Англия больше не была бесспорным индустриальным, финансовым и технологическим лидером – у нее появились конкуренты. Если Франция все еще отставала от Великобритании в индустриальном развитии едва ли не втрое, то США и Германия уже начали ее в этом отношении обгонять.

В этой связи угроза появления в весьма недалеком будущем мощного германского флота в европейских водах действительно оказала влияние на политику Британии.

Тирпиц в разговорах с кайзером и с военными утверждал, что *«британский флот не сможет быть сильным повсюду, поэтому англичанам волей или неволей придется согласиться не противоречить германским интересам»*.

Англичане не согласились со второй частью этого утверждения германского адмирала – они не любили, когда с ними разговаривали по принципу *«волей или неволей, но вы с нами согласитесь»*. Однако признали справедливость первой части его заявления – да, британский флот не может больше быть силен повсюду.

Английское правительство начало сложные, поистине хореографически скоординированные политические действия.

IX

Первый шаг Англии, который из сферы рассуждений и расчетов переходил к практике, был сделан 17 января 1902 года. В этот день был подписан англо-японский союзный договор. В преамбуле этого документа, разумеется, было сказано, что *«Высокие Договаривающиеся Стороны, движимые исключительно желанием поддержать статус-кво и всеобщий мир на Дальнем Востоке»* – и так далее. И конечно же, несмотря на обязательную в дипломатии благочестивую формулу о поддержании мира, это был в первую очередь договор о военном союзе. Было также совершенно очевидно, что направлен он был против России.

Однако под этим первым, видимым смысловым слоем документа скрывались и другие, далеко не столь явные. Прежде всего, японская дипломатия могла записать в свой актив колоссальный успех – первой из всех азиатских стран она заключала равноправный договор с великой европейской державой, и не с какой-нибудь, а с повелительницей морей Великобританией.

Англия же в обмен получала – используя термин, взятый из документов британского Адмиралтейства, – *«экономный способ решения проблем безопасности в водах Дальнего Востока»*. Простое слово – «экономный» – весило тонну. Во времена «блестящей изоляции» очевидным способом решить *«проблемы безопасности в водах Дальнего Востока»* было бы удвоение английской эскадры в Гонконге.

Ныне, в 1902 году, Адмиралтейство, казначейство и Foreign Office (как по традиции называлось министерство иностранных дел Англии) пришли к согласованному выводу, что сделать это невозможно и что в деле защиты британских интересов на Дальнем Востоке *«необходимо искать помощь союзника»*. У Англии появились слишком уж сильные соперники. Уже в 1897 году Адмиралтейство пришло к выводу, что *«Англия не сможет соперничать с США в морских вооружениях в Западном полушарии»*, и начало понемногу выводить свои корабли из Вест-Индии и из вод Канады, предоставив заботу о британских интересах в этом районе дипломатам.

Было начато осторожное сближение с Францией. Чуть было не дошедшее до стрельбы столкновение с французами на Ниле, у Фашоды, в сентябре 1898 года привело обе стороны к осознанию того, что в будущем подобных случаев следует избегать. Усилия, предпринятые в этом направлении французским министром иностранных дел Делькассе, в апреле 1904 года увенчались успехом – Франция и Англия подписали соглашение о *«сердечном согласии»*, *L'Entente Cordiale*.

Это было меньше, чем союз – англичане были очень осторожны во всем, что могло бы вовлечь их в свары на континенте Европы – но много лучше, чем ничего. Обе стороны договорились и уладили свои разногласия в колониях полюбовно. Центральным пунктом соглашения был отказ Франции на все притязания в долине Нила в обмен на такой же отказ Великобритании на все свои колониальные притязания в Марокко. Никаких возражений от других стран Европы и не предполагалось, и не последовало.

До тех пор, пока Германия вдруг не ударила кулаком по столу, требуя свою долю.

Х

Ну, положим, это было не совсем вдруг. Когда в конце марта 1905 года кайзер Вильгельм нанес неожиданный визит в марокканский порт Танжер, где произнес резкую речь, направленную против англо-французского договора по Марокко, это было куда более серьезным делом, чем просто речь сумасбродного монарха. Начать с того, что плыть в Танжер кайзер не хотел – он полагал, что *«эта грязная дыра кишит анархистами»* и что там его могут убить.

Однако на визите настаивал его канцлер, Бернхард фон Бюлов, и он же подготовил речь кайзера. На своего августейшего повелителя он в этом смысле не полагался – тот был крайне шаток и импульсивен. Совсем недавно, в январе 1901 года, будучи в Англии во время кончины его бабушки, королевы Виктории, он получил в качестве подарка от вежливых хозяев церемониальный чин фельдмаршала британской армии. В порыве благодарности кайзер произвел в германские фельдмаршалы лорда Робертса – генерала, командовавшего войной в Трансваале, чем вызвал просто взрыв негодования на родине. Бюлов был полон решимости не допустить повторения такого конфуза. Поэтому речь по тону была тверда, но очень выдержанна. Кайзер сообщил султану Марокко, что он рассматривает его как независимого государя и что от Франции он ожидает уважения такого своего мнения.

Но главным моментом в речи кайзера было не ее содержание, а международный контекст, в котором она прозвучала.

Союзица Франции, Россия, ввязавшись в войну с Японией, терпела поражение за поражением. В январе 1905 года пал Порт-Артур. Весь русский тихоокеанский флот погиб вместе с крепостью. Все надежды теперь были возложены на так называемую Вторую тихоокеанскую эскадру, которая двигалась на Дальний Восток с Балтики, но даже в случае ее успеха – весьма проблематичного – было понятно, что в ближайшее время руки России связаны и в европейские дела она мешаться не будет. Бюлов увидел открывающиеся возможности. Германия начала дипломатическое наступление на обоих направлениях – и против России, и против Франции.

Русским – в самых мягких тонах, при непрерывных излияниях самых дружеских чувств кайзера в его письмах к Николаю Второму, где говорилось, что *«оборону западных границ России он берет на себя»* – был предложен новый торговый договор, крайне невыгодный для России. И договор этот в итоге пришлось принять – у охваченной революционными беспорядками России не было выхода.

Против Франции был избран другой подход. Никакой значительной торговой выгоды тут извлечь было нельзя, поэтому упор был сделан просто на подавление, а «цеплялка» была изобретена буквально на ходу – Марокко. Интересно, что кайзер буквально за пару месяцев до марокканского кризиса выражал мнение, что Германии выгодна вовлеченность Франции в Северной Африке – *«чем больше французы будут смотреть в сторону Марокко, тем меньше они будут смотреть в сторону Вогез»*.

Однако канцлер Бюлов думал иначе, и Вильгельм моментально поменял свое мнение, став ярким защитником *«свободы Марокко»* и *«права равного доступа всех заинтересованных держав к торговле в этой стране»*. Эта тема была выбрана не случайно: совершенно то же самое говорили американские дипломаты. Разница заключалась в том, что США выражали свою точку зрения, так сказать, на общефилософском уровне, а вот Германия грозила Франции войной и делала это совершенно недвусмысленно.

Собственно, Бюлов войны не хотел. Он просто желал продемонстрировать Франции, как она слаба и одинока, а в качестве символа такой демонстрации избрал в высшей степени оскорбительное требование отставки французского министра иностранных дел Делькассе. Он обвинил его в *«недружественных чувствах по отношению к Германии»*. Переговоры возможны

только *«с честным и искренне расположенным к соглашению министром»*, а со скомпрометированным политическим деятелем Германия дела иметь не будет. В итоге под огромным давлением и ввиду явной угрозы войны (начальник Генштаба Германии генерал Шлиффен настаивал на военной операции, вне зависимости от того, уйдет Делькассе в отставку или нет) Франция капитулировала. Делькассе был вынужден уйти. Германия продемонстрировала всему миру, что может по желанию смещать французских министров. Кайзер был в восторге и буквально на следующий день одарил Бюлова княжеским титулом, а успех было решено закрепить.

Вопрос о Марокко по настоянию Германии был поставлен на обсуждение специальной европейской конференции. В ней приняли участие все значительные державы Европы – даже Швеция и Испания, а также США. Германия намеревалась получить своего рода «мандат держав» на преобладание в Марокко.

Делегаты съехались на конференцию в испанском городе Альхесирас, неподалеку от Гибралтара.

XI

Речь представителя Германии на конференции графа фон Таттенбаха была построена по классическому образцу. Он копировал волка из известной басни о волке и ягненке – главной темой речи было *«полное поправление Францией достоинства и практических интересов Германии»*. Германия, согласно ее послу, *«будет настаивать на защите своей чести»*. Прочие державы приглашались последовать примеру Германии, отвергнуть исключительные права Франции в Марокко и следовать политике «открытых дверей», позволяющей развивать там свои коммерческие интересы, торговые порты и угольные станции, необходимые для поддержания свободного судоходства.

После этого слово взял посол Англии сэра Артур Николсон, маленький человек, согнутый артритом. Речь его была короткой и сводилась к двум пунктам.

Во-первых, сэра Артур был уполномочен заявить, что *«соглашение по Марокко, ранее достигнутое между Англией и Францией, пользуется полной поддержкой правительства Его Величества»*.

Во-вторых, он предложил делегатам сделать перерыв в заседаниях и посетить корабли английской эскадры, стоящие в Гибралтаре.

Визит действительно состоялся, и командующий адмирал Бересфорд в высшей степени любезно принимал иностранных дипломатов на борту своего флагманского корабля. На рейде Гибралтара стояло 20 британских броненосцев, пара дюжин крейсеров, множество вспомогательных судов. Дело было в том, что помимо средиземноморской эскадры сюда прибыл и атлантический флот.

Несомненно, это не было случайно. По числу тяжелых орудий собравшиеся тут английские суда превосходили несчастливую русскую эскадру, погибшую в 1905 году под Цусимой, примерно вчетверо.

Конференцию в Альхесирасе после столь дружественного визита можно было закрывать. Англия не просто встала на сторону Франции – она встала на ее защиту. Сэр Николсон в вежливой форме, не повышая голоса и не прибегая к угрозам, довел до сведения Германии, что Великобритания не допустит создания германской базы на атлантическом побережье Марокко.

Бюлову надо было выбирать между войной и немедленным отступлением – и он предпочел отступить. Не очень понимавшая суть дела публика в Германии бурно негодовала. Ее разочарование было тем полнее, чем больше горделивых надежд было возбуждено еще столь недавним триумфом германской дипломатии в ее противостоянии с Францией.

Но Бюлов, конечно, понимал ситуацию лучше. Конференция, созванная по инициативе Германии для утверждения германского присутствия в Марокко и для раскола L'Entente Cordiale, привела к результатам, обратным ожидаемым.

Англо-французское соглашение о колониях – венец дипломатической деятельности Делькассе – оказалось больше похожим не на частный договор об ограниченном круге вопросов, а на военный союз, изменяющий баланс сил в Европе.

XII

Примерно к концу 80-х годов XIX века в Европе сложилась стройная теория, объединившая теорию Дарвина и германскую философскую идею об «*органическом государстве*». Но государства не только рассматривались как «организмы» – им приписывалась также роль инструментов, «*созданных расами для борьбы за место под солнцем*». Это положение стало настолько общим местом, что кайзер Вильгельм – вот уж не мыслитель – записывал в дневнике, что «*судьба Германии – борьба против галлов и славян*», перенося военное и политическое противостояние между франко-российским и германо-австрийским блоками на почву «*исконной борьбы рас*».

В Англии на этот вопрос теоретически смотрели точно так же, но вот оценки практических следствий принятой теории были весьма трезвыми. И смотрели при этом не столько на «*расовые различия*», сколько на неоспоримые факты. Например, признавалось, что роль английского флота как инструмента мощи сравнительно уменьшилась. Если еще в 1883 году Англия располагала 38 крупными военными кораблями против 40 у всех остальных стран мира, вместе взятых, то уже в 1897 году против 62 английских военных кораблей остальной мир мог бы выставить 96 – совсем другое соотношение сил. Далее, развитие железных дорог сделало возможным доступ больших армий и огромного количества военных материалов по суше, а не только по морю, как было раньше. Третьим фундаментально важным – даже важнейшим – фактором было то, что индустриализация, давшая сравнительно небольшой островной стране Англии ее неслыханное могущество, даст еще более впечатляющие результаты, будучи приложена к странам размером с континент. Из этого вытекало, что наиболее вероятным сосредоточением новой мощи будут две страны – США и Россия.

И с ними следовало поддерживать по возможности корректные отношения, потому что в случае атаки США против Канады или России – против северных подходов к Индии Англия ничего не смогла бы поделать. Однако и здесь следовало подходить к вопросу с долей должного скептицизма.

Между Америкой и Россией была большая разница. Если Соединенные Штаты увеличили свою добычу угля за период времени с 1870 по 1900 год в 8 раз, а Россия показала и вовсе феноменальный результат увеличения добычи в 16 раз, то абсолютные цифры выглядели совсем по-другому. В 1900 году Америка добывала 245 миллионов тонн угля, а Россия всего 16 миллионов тонн – по сравнению с 229 миллионами тонн Англии. Все остальные показатели индустриального развития – производство стали, стоимость произведенных продуктов машиностроения и так далее – соответствовали той же пропорции, что и уголь.

Если США в 1898 году имели 6 современных броненосцев, то к 1905 году эта цифра была доведена до 12, и еще 12 находились в постройке. Россия же к 1905 году потеряла весь тихоокеанский флот, а заодно и весь балтийский. Так что если Англии в отношениях с США следовало соблюдать всю возможную вежливость и предупредительность, то в отношении России можно было никаких особенных мер пока не предпринимать – в 1905 году ей поистине было не до внешнеполитических авантюр.

Германия, изо всех сил добивавшаяся примерно таких же отношений с Англией, как и США, и тоже строившая флот с целью заставить считаться с собой, никак не могла взять в толк, почему ее усилия в этом направлении встречают со стороны англичан не уважение и понимание, а все более и более открытую вражду.

Англичане, однако, понимали это очень хорошо. Любая страна Европы, которая стремилась к европейской гегемонии, была угрозой – и не английской торговле или промышленности, а самой жизни и независимости Англии.

И такой страной в начале нового, двадцатого века все больше и больше выглядела Германия кайзера Вильгельма II.

XIII

Закрытие конференции в Альхесирасе в еще большей степени, чем англо-японский договор 1902 года, знаменовало отход Англии от политики «блестящей изоляции». Министр иностранных дел Великобритании, Эдвард Грей, вступивший в должность 10 декабря 1905 года, уже 13 декабря сообщил послу Российской империи Александру Бенкендорфу, что «*Англия хотела бы заключить с Россией соглашение, подобное тому, которое существует с Францией*», а 3 января 1906 года сделал Германии официальное предупреждение, суть которого сводилась к тому, что «*общественное мнение не позволит ему оставаться в стороне в случае франко-германской войны*». Какая уж тут «изоляция»?

Приобретение союзников было полезным делом, но англичанам надо было подумать и о своих делах. Остин Чемберлен, глава Казначейства, в меморандуме, направленном коллегам, высказывал следующее предположение: «*Англия больше не в состоянии помочь европейскому союзнику деньгами – союзник потребует помощи войсками, и при этом – сразу*».

Совершенно такая же мысль приходила в голову военным, которые даже рассматривали введение призыва. Так далеко правительство не пошло – но был учрежден Генеральный штаб, без которого во времена «блестящей изоляции» вполне спокойно обходились. Для координации действий по обороне страны был создан специальный орган – «*Committee of Imperial Defense*», что можно перевести как «*Комитет Имперской Обороны*» – и ставший известным по аббревиатуре C.I.D. Очень быстро он приобрел большое влияние.

Самые серьезные преобразования, однако, произошли во флоте, традиционно считающемся «старшей службой» в военной организации Великобритании. Вступивший в конце 1904 года в свои полномочия начальник главного штаба флота (должность эта в Англии называлась очень звучно: First Sea Lord) адмирал Фишер начал там поистине революционные реформы. Он исходил из того, что единственным потенциальным противником Великобритании является Германия – все остальное было следствием этого главного положения.

Началось перераспределение сил – отряды ВМС, базировавшиеся на так называемые «станции» в портах Австралии, Китая и восточной Индии, были значительно сокращены, сведены в единый азиатский флот и перебазированы в Сингапур, а тихоокеанская эскадра была попросту и без всяких церемоний расформирована. Гордость английского флота – средиземноморская эскадра – была уменьшена в числе, выведена с Мальты и размещена в Гибралтаре. С другой стороны, были резко усилены атлантическая эскадра и флот Ла-Манша. Дело не ограничилось просто перераспределением имевшихся в наличии сил флота – Фишер начал безжалостное сокращение числа кораблей. Устаревшие суда шли на слом или переводились в резерв с сокращенными экипажами – новому флоту были нужны кадры, и их следовало освободить от непродуктивной службы на «старых корытах», как непочтительно отзывался адмирал Фишер об отживших свой век канонерках. Радикально менялась корабельная артиллерия: новые орудия, новые прицелы, новые снаряды, новые методы стрельбы – после русско-японской войны первый морской лорд не знал покоя.

Он предвидел «Армагеддон» – решающую битву с германским флотом, и он решил, что для этой битвы, помимо новых орудий, ему понадобится революционно новый корабль, несслыханной доселе мощи, который выметет с морей всех врагов Великобритании.

Корабль должен был называться «Неустрасимый», по-английски, и на старый лад – «*Dreadnought*», «Дредноут». Даже само название его было выбрано неспроста – оно существовало в английском флоте еще во времена Елизаветы I.

Во времена сражений с испанской Великой Армадой за саму жизнь Англии.

XIV

Опыт похода российской эскадры с Балтики на Тихий океан, закончившийся ее неслыханным по размерам поражением у Цусимы, стал предметом самого пристального внимания в штабах всех флотов мира. Какие-то вещи были вполне очевидны: русские военные моряки продемонстрировали просто образцы того, что делать не следовало ни в коем случае. Корабли эскадры никогда не плавали вместе. Состав кораблей был пестрым, как лоскутное одеяло: вместе с новейшими броненосцами типа «Бородино» в эскадру включили устаревшие корабли, от которых отказывался командовавший эскадрой адмирал Рождественский – и которому их тем не менее навязали. Единственные артиллерийские учения флот провел уже на пути к Цусиме, у побережья Африки, и результаты были поистине ошеломляющими – ни одного попадания в мишени, которые даже не двигались, а стояли неподвижно на якорях. Учения не были повторены, с целью сберечь снаряды.

Как ни чудовищно это звучит, приказ об экономии снарядов имел смысл – пополнить запасы было бы негде, эскадра шла в невероятно дальний поход – с Балтики, через Атлантику и вокруг Африки, через Индийский океан в Тихий океан, не имея ни одного порта, в котором она могла бы отдохнуть и привести себя в порядок. Уголь грузили в открытом море, и с избытком, потому что было неизвестно, удастся ли найти возможность дозаправки позднее. Необходимый ремонт мелких – и не очень мелких – неполадок не производился вообще, ввиду отсутствия необходимых мастерских. Днища кораблей, обросшие ракушками за время долгого похода через тропические воды, негде было очистить – и это замедляло ход флота, и так перегруженного углем и обремененного старыми тихоходными судами.

Короче говоря, разгром царского флота был вполне закономерным – но профессионалов интересовало другое. Они принимали во внимание безобразное управление эскадрой и ошибки при ее комплектовании, сделанные крайне некомпетентной береговой администрацией, и надеялись, что их адмиралтейства будут действовать лучше. Но не было ли ошибок и в доктрине, принятой всеми флотами мира?

Адмирал Фишер еще в 1904 году, в момент получения полномочий командующего операциями всего британского флота, решил, что существующие типы линкоров неудовлетворительны, и Цусима только подтвердила его предположения и расчеты. Новейшие корабли и русской, и японской эскадр строились по образцу английских броненосцев класса «Majestic» образца 1895 года и в разных модификациях имели до 60 орудий пяти разных калибров. Все они располагали 4 пушками 12-дюймового калибра – главной артиллерийской силой корабля, расположенными в двух двухорудийных башнях – на носу и на корме.

Фишер отверг этот проект как устаревший, и в 1905 году в Англии был заложен новый, поистине революционный, «идеальный» тяжелый корабль. Его-то и назвали «Дредноутом». Он имел 10 двенадцатидюймовок в пяти башнях. Его бортовой залп был равен залпу двух обычных броненосцев, а залп при атаке на носовых углах – залпу трех таких кораблей. Его скорость была намного выше – 21 узел вместо общепринятых 17 узлов. Поскольку скорость давала ему преимущество в инициативе, он мог по желанию или навязать бой, или уйти от противника, – один такой корабль стоил целой эскадры.

«Дредноут» вступил в строй в 1907 году и сразу стал новым классом линкоров. В бою один на один додредноуты, построенные совсем недавно, в 1904 году, не имели никаких шансов справиться с новым чудом, созданным английскими кораблестроителями. Германские броненосцы, с такими трудами и с таким тщанием построенные Тирпицем, сразу потеряли свою ценность. Теперь господство Англии на море было надежно утверждено.

Однако штаб германских военно-морских сил серьезно рассмотрел новую ситуацию и пришел к мысли, что она таит в себе не только опасности, но и некоторые возможности.

XV

Тирпиц и его сотрудники рассудили, что новый тип тяжелого корабля не есть монополия Англии и что шаг, который обесценил германские броненосцы, сделал то же самое и с английскими кораблями старых моделей. Конечно, адмирал Фишер обеспечил Англии преимущество, опередив Германию на шаг, – но, с другой стороны, он опередил ее только на один шаг. И уже летом 1907 года в Германии были заложены новые корабли типа «Нассау».

За неимением 12-дюймовых орудий они вооружались 11-дюймовками и были несколько меньше «Дредноута» – дело было в размерах Вильгельмсхафенских шлюзов, под величину которых пришлось подгонять новые корабли. Машины на них поставили тоже старых образцов, что сделало их более тихоходными, чем корабли нового английского проекта.

Но тем не менее это были суда, способные потягаться с «Дредноутом», а вслед за первой четверкой были немедленно заложены еще три, уже улучшенной модели. К 1908 году соотношение сил между Англией и Германией – если принимать во внимание и действующие, и строящиеся корабли класса «дредноут» – составило 8 к 7. В то время как соотношение сил по более старым моделям – 51 английский броненосец к 24 германским, как было в «до-дредноутную» эпоху – выглядело куда более выгодным.

Эта ситуация вызвала в Германии взрыв восторга. Новый германский флот в 1907 году получил гордое название – «Хохзеефлотте» – «Флот открытого моря». В Англии, конечно, на вопрос посмотрели иначе. На голову адмирала Фишера посыпались обвинения в том, что он своим непродуманным решением поставил свою страну в опасное положение. Адмирал, известный не только своим блестящим интеллектом и неумной энергией, но и чрезвычайной несдержанностью, объяснил, что именно он думает о людях, которые, зная, что проект, подобный «Дредноуту», технически осуществим, предоставили бы инициативу его внедрения немцам.

Однако споры о том, было ли мудро начинать гонку морских вооружений с Германией, стихли довольно скоро – надо было не обсуждать, каким образом Англия оказалась в опасном положении, а принимать меры для исправления ситуации.

Первым и важнейшим вопросом был вопрос денег. Налоговая схема Англии в том виде, в котором она существовала, не давала Казначейству достаточных средств для военного строительства. Это стало очевидным еще в 1903–1904 годах. Одной из предложенных мер улучшения положения стало предложение о введении так называемых «имперских преференций». Идея была позаимствована из канадского законодательства. В случае принятия этой системы все товары, приходившие в Англию не из ее доминионов, обкладывались налогом, что давало торговые преимущества Австралии и Канаде, но удорожало многие товары в самой Англии, например, продовольствие.

В правящей коалиции произошел раскол между «юнионистами», которые стояли за новый налог, и «либералами», которые настаивали на продолжении политики «free trade», то есть «свободной торговли».

Победили «либералы», на сторону которых – под свист его единопартийцев-«юнионистов» – перешел молодой, но уже успевший приобрести известность Уинстон Черчилль. Известен он был своим острым языком. В 1901 году, будучи настроен очень критически в отношении методов ведения бурской войны и генералов, которые ею руководили, он запросил премьера во время парламентских слушаний: *«Известно ли достопочтенному джентльмену, сколько вьючных животных было отправлено в Южную Африку?»* Он получил подробный ответ, в котором премьер не только сообщил, сколько вьючных животных отправлено армии, но и уточнил, что отправлено столько-то лошадей и столько-то мулов, на что Черчилль с самым

невинным видом и под хохот палаты общин поинтересовался: *«А как в этом случае учтены ослы?»*

Тут надо учесть, что, во-первых, он сделал себе из своей предполагаемой экспертизы в бурской войне политическое оружие, во-вторых, ему было всего 27 лет, а премьеру от его наскоков, право же, пришлось нелегко.

По-видимому, это была первая острота Уинстона Черчилля, которую широко подхватили газеты. Таланты молодого парламентария не остались незамеченными. Уже в 1905 году он получил пост заместителя министра колоний, а в апреле 1908 года становится и вовсе полноправным министром – министром промышленности и торговли в правительстве нового премьера Герберта Асквита.

В 31 год – хоть и младший, но член правительства. В 34 года – министр. Уинстон Черчилль явно делал большую карьеру.

Новое правительство решило, что оно нашло правильный способ поправить дела Казначейства – Дэвид Ллойд Джордж, министр финансов, предложил Парламенту новый бюджет, который вводил налог на землевладельцев.

XVI

Собственно, позицию Казначейства можно было понять: деньги были нужны до зарезу. Одновременно с военной реформой армии требовалось срочно подтянуть флот. В то же время правительство впервые в истории Великобритании решило ввести пенсии для неимущих. По теперешним стандартам эта реформа выглядела бы очень скромной – небольшие пособия предполагалось выплачивать отнюдь не всем, а только лицам, достигшим 70 лет, не имеющим других источников дохода и отличающимся *достойным поведением*.

Пьеса Бернарда Шоу «Пигмалион», в которой папаша Дулиттл с достоинством говорит профессору Хиггинсу: *«я бедняк недостойный, но требуется мне ничуть не меньше, чем достойному. Он ест, и я ем, но он не пьет, а я пью. Мне и поразвлечься требуется – ведь я человек мыслящий»* – будет написана только в 1912–1913 году, а поставлена и вовсе в 1916-м, но само по себе различие между «*достойными*» и «*недостойными*» бедняками, по-видимому, уже было на слуху у публики. Можно предположить, что под видом Альфреда Дулиттла, жулика и красная с примесью уэльской крови, Шоу пародировал самого автора законопроекта Дэвида Ллойд Джорджа, который был известен происхождением из низов, замечательным ораторским даром, имел репутацию совершенно бессовестного демагога – и был единственным известным политиком Англии, родившимся в Уэльсе. А поскольку в пьесе профессор Хиггинс говорит своему другу, полковнику Пикерингу, что *«если бы мы поработали с этим человеком три месяца, то он смог бы выбирать между министерским креслом и кафедрой проповедника в Уэльсе»* – то публика в театре при таком пассаже, вероятно, веселилась немало (особенно если учесть, что в 1916 году премьером стал Ллойд Джордж).

Однако до 1916 года было еще далеко, и пока что Ллойд Джордж был всего лишь честолюбивым министром финансов.

Короче говоря, будь он главным лицом, проталкивающим новый налог, дело было бы остановлено если не в палате общин, то уж наверняка в палате лордов, которая, собственно, состояла из крупных землевладельцев. Именно так и случилось. По обычаю, лорды не высказывались на темы, связанные с деньгами, но в данном случае новый налог напрямую задевал их интересы, и очень чувствительно. Бюджет в результате был провален – палата лордов обладала правом вето.

Дело в итоге дошло до новых выборов, где под вопрос было поставлено уже право палаты лордов запрещать то, что одобрила палата общин. После выборов закон об отмене права лордов на вето прошел в парламенте, но по закону и традиции должен был быть одобрен палатой лордов, которая, таким образом, голосовала бы за умаление собственных прав. Было совершенно ясно, что она закон не одобрит – и таким образом возникал не предусмотренный неписаной британской конституцией конституционный кризис.

Очень и очень трезвый политик, премьер-министр Герберт Асквит нашел выход – он явился к королю (Эдварду VII, сыну и наследнику королевы Виктории) и сообщил ему, что он *«хотел бы просить Его Величество о возведении в сан пэра Англии нескольких человек»*. Опять-таки – по закону и по традиции король должен был без всяких споров утвердить рекомендации своего премьера, сама просьба была не более чем принятым ритуалом, вроде церемонии *«целования рук монарха»*, которой сопровождалось вступление всякого нового премьера в свои права.

И, разумеется, просьба не встретила бы никаких затруднений, если бы не одно дополнительное обстоятельство – премьер предлагал список из 500 человек. Все они должны были автоматически стать членами палаты лордов, обеспечив ему большинство и гарантировав прохождение нового закона через палату.

Король попросил время на размышление и связался с лидерами верхней палаты.

Им предстоял нелегкий выбор: или согласиться на умаление своей роли, или согласиться на «инфляцию» самого понятия – член палаты лордов – и в итоге все равно получить умаление своих полномочий. В итоге Асквит переупрямил своих оппонентов – новый закон об отмене права вето верхней палаты и новый налог на землевладельцев были одобрены.

Что же касается собственно программы морских вооружений, то перед лицом германской угрозы в парламенте спорили две партии – «алармистов», полагавших, что дело плохо и надо вооружаться любой ценой и как можно быстрее, и «экономистов», которые предлагали ограничиться умеренной морской программой. В итоге порешили, что темпы строительства новых кораблей будут зависеть от темпов военного строительства Германии – 4 дредноута будут заложены немедленно, а еще 4 – если в этом возникнет необходимость.

Черчилль, сам относившийся в то время к «экономистам», объяснял ситуацию следующим образом:

«Мы долго спорили, «экономисты» предлагали 4 дредноута, Адмиралтейство – 6, но в итоге мы пришли к компромиссу и решили построить 8».

Шуточка была хороша, очень в его духе, и в прессе и в парламенте обсуждалась не менее оживленно, чем сам законопроект.

На фоне парламентских дебатов кризис 1908 года вокруг Боснии прошел в Англии незамеченным.

XVII

Вообще говоря – это было немудрено. Англии спор никак не касался. Суть же дела состояла в том, что Австро-Венгрия аннексировала Боснию, несмотря на протесты России, а когда Россия недвусмысленно пригрозила войной, на сторону Австрии встала Германия. Перед соединенной мощью этих двух держав России пришлось отступить – ее союзница, Франция, выразила нежелание *«вступить в общеевропейскую войну из-за спора на Балканах»*.

Шаг Австрии имел, с ее точки зрения, большой смысл. Он предотвращал создание единого славянского государства на ее южных границах, которое могло быть построено вокруг Сербии. У австрийцев уже был подобный опыт – объединение Италии. Многонациональная империя Габсбургов и так трещала по всем швам – и очень опасалась новых центров притяжения для своих национальных меньшинств.

Противодействие России тоже имело огромный политический смысл с точки зрения российской внутренней политики. Держава начала приходить в себя после цусимского разгрома. Стало ясно, что экспансия на Дальнем Востоке – дело нереальное. Центр российских политических интересов возвращался в Европу. И непопулярной монархии после позорно проигранной войны было остро необходимо показать себя защитницей дела, поистине важного в глазах общественного мнения в стране – спасения единоверцев на Балканах от национального гнета.

Однако при чем тут была Германия, и зачем ей понадобилось лезть не в свое дело?

У нее были на то весьма веские причины. Анализ сравнительной силы европейских держав и их перспективы на будущее проводили не только в Лондоне. И в Берлине тоже было отмечено, что *«методы индустриализации, приложенные к странам размером с континент, приносят впечатляющие результаты»* и что потенциальные центры силы будущего – это США и Россия.

В рамках общепринятой в ту пору теории социального дарвинизма, приложенного к государствам, вопрос для Германии стоял так: куда она могла бы направить свои силы для завоевания схожей позиции, сохраняющей ее могущество и в будущем?

Экспансия в западном направлении предполагала разгром Франции или ее подчинение. Экспериментальная попытка сделать это оказалась неудачной – в Альхесирасе Англия заявила, что разгрома Франции она не допустит.

Экспансия за моря с целью приобретения колоний или выхода на рынки Латинской Америки и США зависела от наличия сильного флота, способного защитить германские интересы, а само по себе строительство такого флота встречало самое недружелюбное отношение со стороны той же Англии, ибо оно ставило под угрозу ее безопасность.

Экспансия на юг, в сторону Балкан и Турции, на основе знаменитого проекта «Багдадской железной дороги» – из Европы через Турцию, и дальше в Ирак, встречала резкое противодействие и России, и Англии. Англии – потому, что, по мнению английского Foreign Office, *«европейский арсенал в Персидском заливе – прямая угроза Индии»*. России – потому, что германская железная дорога должна была пройти через Константинополь, привязать Турцию к Германии и сделать всю торговлю хлебом через порты Черного моря – главный источник валюты для российской казны – полностью зависимой от настроения германского кайзера.

Для германской дипломатии в принципе был возможен еще один курс действий – попытаться заключить дружеский союз Германии и России, направленный против Англии.

Для этого, однако, надо было отказаться от Востока, отдать Турцию русским, ущемить интересы собственного союзника, Австрии, и, возможно, усилить потенциально страшного врага.

Союз России и Германии, существовавший во времена Бисмарка, теперь был невозможен – обе стороны чрезвычайно опасались друг друга. Россия к 1908 году считала Германию своим

самым опасным врагом. Слишком велик был перевес Германии во всем, что касалось техники, науки и торговли. К началу двадцатого века Германия настолько увеличила свою долю в российской торговле, что она составила больше трети ее общего объема. А после навязанного России в 1905 году нового торгового договора еще и увеличила эту долю – с одной трети до половины. Британская торговля с Россией была вчетверо меньше германской, французская – еще меньше.

От Германии исходила ясно понимаемая в Петербурге опасность – превращение России в германского экономического сателлита.

В Германии же смотрели на вещи по-другому. Россия располагала громадным населением. Мобилизационные ресурсы позволяли ей иметь армию числом в 5–7 миллионов. Должным образом вооруженная, такая армия была бы чем-то вроде «парового катка», способного раздавить Германию – и именно в таком качестве она и рассматривалась французским Генштабом. Французские деньги текли в Россию и использовались казной, в частности, для постройки стратегических железных дорог – из глубины России к ее западной границе.

То есть к Бреслау и к Кенигсбергу. Отсюда и реакция Германии на кризис 1908 года – позволить русским разгромить Австрию и остаться без союзника на Востоке было бы смертельно опасно.

А поскольку оторвать Россию от ее союза с Францией оказалось невозможно, то общей линией германской политики стало противостояние русско-французскому союзу.

В такой ситуации в Берлине пришли к выводу, что любые усилия, направленные на то, чтобы Англия в случае столкновения осталась нейтральной, просто необходимы.

Лучшим средством для этого был признан флот, который строил Тирпиц.

XVIII

Усиление германского флота не осталось незамеченным в Англии – там было объявлено о досрочной закладке 4 новых dreadnoughtов. Новый канцлер Германии, Теобальд Бетман-Гольвег, сменивший Булова в 1909 году, решил позондировать почву на предмет замедления в гонке морских вооружений. Англичане были настроены вполне положительно – их собственная военно-морская программа стоила им так дорого, что Казначейство в лице Ллойд Джорджа начало протестовать, выступив со следующим заявлением:

«После того, как были выделены фонды на постройку 8 dreadnoughtов, и после того, как доминионы предложили свою помощь в постройке еще одного или двух, правительство – в ответ на расширение германской программы судостроительства – заказало еще 5 кораблей. Гонку вооружений следует ограничить какими-то разумными пределами».

Германия соглашалась замедлить темпы строительства своих военных судов в обмен на обещание Англии не вмешиваться в возможные конфликты на континенте Европы. Обещание, желательно, должно было быть выражено в письменной форме. Английский кабинет отказался наотрез.

Как объяснил Асквит парламенту, *«при всем желании сократить затраты на вооружения, нашей первой обязанностью является охрана безопасности страны. Если франко-российская коалиция будет знать, что ни при каких условиях она не сможет рассчитывать на помощь Великобритании, она, не имея другого пути к спасению, может пойти на широкое сотрудничество с Берлином. В этом случае мы останемся совершенно незащищенными, один на один с Германской империей».*

Переговоры, однако, тянулись вплоть до 1911 года, когда Франция после беспорядков в Марокко ввела свои войска в Фес, по официальной версии – *«для защиты своих подданных».*

Германский МИД решил повторить этот ход, и в южный порт Марокко, Агадир, был срочно отправлен военный корабль. Канонерка «Пантера» была не самым лучшим судном для того, чтобы представлять там Германию, но оказалась под рукой. Правда, в Агадире германские подданные не только не подвергались угрозе, но их там и просто физически не было. Более того – в городе не было вообще ни одного европейца.

Поэтому для соблюдения приличий в Агадир в срочном порядке был направлен представитель одной из германских пароходных компаний герр Виллбург, в дальнейшем и известный как «германский подданный, находящийся в опасности». Он прибыл туда 4 июля 1911 года – опоздав на три дня. «Пантера» уже стояла в порту, готовая защитить его жизнь, честь и достоинство. А МИД Германии еще 1 июля распространил циркулярную ноту, в которой, в частности, говорилось следующее:

«Ряд германских фирм, имеющих свои коммерческие интересы на юге Марокко, ввиду имеющих там место беспорядков обратились за помощью к германскому правительству. Германское правительство решило удовлетворить их просьбу и послало в порт Агадир свой военный корабль для их защиты».

В состоянии бурного патриотического восторга германские газеты обыграли название канонерки и окрестили это событие как «Panthersprung» – «Прыжок «Пантеры».

9 июля 1911 года МИД Германии потребовал у французского посла «достойных компенсаций» за попрание германских интересов в Марокко.

10 июля министр иностранных дел России С. Сазонов официально известил германское посольство, что *«в марокканском кризисе Россия поддерживает Францию».*

15 июля послу Франции в Берлине были сообщены условия возмещения ущерба, которые *«успокоили бы общественное мнение в Германии и гарантировали бы мир».* Передача Германии

французской колонии Конго могла бы быть компенсацией, на которую *«Германия посмотрела бы благосклонно»*.

21 июля Дэвид Ллойд Джордж, лорд-канцлер Казначейства, т. е. второе лицо в правительстве Великобритании, выступая в Лондоне, заявил следующее:

«Я готов на величайшие жертвы, чтобы сохранить мир... Но если нам будет навязана ситуация, при которой мир может быть сохранен только путем отказа от той значительной и благотворной роли, которую Великобритания завоевала себе столетиями героизма и успехов; если Великобританию в вопросах, затрагивающих ее жизненные интересы, будут третировать так, точно она больше не имеет никакого значения в семье народов, тогда – я подчеркиваю это – мир, купленный такой ценой, явился бы унижением, невыносимым для такой великой страны, как наша».

24 июля Германия начала крупные военные маневры – сразу и армии, и флота.

8 августа 1911 года послу Германии в Париже была передана совместная нота Англии и Франции, в которой германское правительство чрезвычайно вежливо извещалось, что *«если в течение восьми дней кризис вокруг Агадира не будет разрешен, они пошлют туда свои военные корабли»*.

Поскольку в ноте был оговорен определенный срок, она означала ультиматум.

XIX

Надо сказать, что вся эта история с Агадиром и «прыжком «Пантеры» выглядела несколько странно. Сам по себе «прыжок» был встречен германской прессой и германской публикой с огромным энтузиазмом. Газета «Rheinisch Westfallische Zeitung» вышла с огромным заголовком: «*Наконец-то!*». В редакционной статье говорилось, что «*это – акт освобождения. Теперь мы видим внешнюю политику поистине великой страны, которая не может ограничивать себя словами и проводить время в пассивном бездействии*».

Остальные газеты реагировали похожим образом, правительство просто купалось в волне популярности. Однако этот – весьма серьезный – внешнеполитический шаг был предпринят по инициативе государственного секретаря Кидерлена, а не канцлера, и при некоей оппозиции со стороны Вильгельма II, который популярности горячо жаждал, но очень беспокоился по поводу последствий.

Так что отбой в Германии стали трубить уже в августе. Помог делу и премьер Англии Асквит, который посоветовал французам «*пойти на некоторые уступки*». В итоге все, что Германия получила, оказалось относительно скромной территориальной добавкой к ее колонии в Камеруне.

Германский министр колоний подал в отставку – он сказал, что не в силах защищать такую позорную сделку перед Рейхстагом. Отправленный Вильгельмом в отставку бывший канцлер Бюлов назвал всю эту историю «*постыдным фиаско*» – и сделал это публично.

Сам канцлер Германии Бетман-Гельвиг, выступая в Рейхстаге, сказал, что «*правительство поставило перед собой задачу увеличения колониальных владений Германии – и оно эту задачу выполнило*».

Как написала в своем отчете газета «Berliner Tageblatt», «*речь канцлера была встречена полной тишиной. Как в могиле*».

Отвечая правительству, лидер консервативной оппозиции заявил следующее: «*Теперь совершенно ясно, кто в действительности является нашим врагом. Теперь мы знаем, кто встает на нашем пути, когда мы всего лишь пытаемся найти себе место под солнцем – это та самая держава, которая заявляет права на господство над миром. Мы знаем, как на это ответить. Мир будет обеспечен, но не нашими уступками, а нашим мечом*».

Метил он, понятное дело, в Англию. В Рейхстаге ему бурно аплодировали.

А в Англии в 1911 году Редьярд Киплинг опубликовал – в числе прочего – интересное стихотворение «Dane-geld». На староанглийском это означало «Дань Дании» – выкуп, который платили саксонские короли викингам за отказ от набегов.

Говорится в нем о том, что «*для нации новой формации соблазнительно предложить соседям уплатить ей выкуп – и тогда она вложит меч в ножны*».

Но «*для нации старой формации*» принять такое предложение означает позор и гибель.

В русском переводе стихотворение изрядно теряет, поэтому приведем последнее четверостишие в оригинале:

*We never pay any-one Dane-geld,
No matter how trifling the cost;
For the end of that game is oppression and shame,
And the nation that pays it is lost!*

В подстрочном переводе:

Мы никогда и никому не станем платить выкуп,

*Какой малой ни была бы цена;
Потому что конец этой игры – угнетение и позор,
И нация, которая заплатит, пропала!*

Британский кабинет, вероятно, испытывал похожие чувства. Во всяком случае, когда премьер Асквит 23 августа 1911 года собрал Комитет по имперской обороне на секретное совещание, он попросил и армию, и флот представить ему свои детальные планы на случай войны. Совещание длилось с 11:30 утра и до 6:00 вечера – доклады были долгими.

Планы армии были более или менее одобрены, доклад же «морских лордов» был признан неудовлетворительным. Комитет решил, что «*в планах флота нет должного фокуса*».

С целью придать им такой фокус в конце сентября 1911 года в Адмиралтейство был назначен новый человек с должным уровнем энергии.

Уинстон Черчилль.

XX

Профессиональное управление военно-морским флотом Великобритании осуществлялось лицом, которое в других странах называлось бы начальником штаба ВМС. В Англии члены такого штаба именовались «морскими лордами». Начальник штаба именовался Первый морской лорд и отвечал за операции флота, Второй лорд – за персонал и назначения, Третий – за проектирование кораблей и оружия, Четвертый – за снабжение флота. Все они, разумеется, были находящимися на активной службе офицерами и выходили из рядов военной иерархии.

Помимо профессионального органа управления флотом существовал и государственный, на уровне министерства флота в какой-нибудь другой стране.

В Англии он назывался Адмиралтейством, а его глава носил титул Первого Лорда Адмиралтейства – именно на этот пост Черчилль и был назначен.

Для всякого 36-летнего политика такое назначение было бы огромной честью, но в случае Черчилля формально оно было даже некоторым понижением – в 35 лет он уже был министром внутренних дел Великобритании (Home Secretary), что в Англии того времени означало, что он – третий человек в правительстве, сразу после премьера и лорда-канцлера Казначейства.

К 1911 году он был, вероятно, единственным английским политиком, которого звали просто по имени – Уинстон. Известность он приобрел во время бурской войны сенсационным побегом из плена, но и до этого случая успел проявить характер.

Когда Черчилль, в ту пору безусый 24-летний лейтенант гусарского полка, пожелал отправиться в Судан на войну с «махдистами», командовавший экспедицией лорд Китченер ему отказал – он не одобрял лейтенантов, критикующих действия генералов.

А лейтенант Черчилль как раз этим и занимался, повоевав на северной границе Индии и опубликовав свои заметки по этому поводу.

Что, казалось бы, можно было сделать в такой ситуации? Однако Черчилль нашел выход: он поговорил со своей матушкой, светской красавицей, несмотря на уже не юный возраст, та поговорила с принцем Уэльским – известным бонвиваном, первым денди Европы, тонким ценителем хороших вин и женской красоты и, по старой памяти, большим ее другом, тот замолвил словечко перед премьером, лордом Солсбери, премьер поговорил с генералом, высказав мягкое предположение, что мальчишка ничего особенно не напортит, – и генерал Китченер скрепя сердце взял свой отказ назад.

Он подписал назначение Черчилля в уланский полк, идущий в Судан, но сделал решительно все возможное, чтобы испортить торжество своему юному оппоненту со слишком высокими связями. Лейтенант был назначен «сверхкомплектным офицером», то есть без команды и без подчиненных, без права претендовать на отличие за участие в военной кампании и даже без права на военные похороны. Лейтенант Черчилль подписал бумагу, в которой принимал на себя ответственность за лечение в случае ранения и за расходы на похороны – в случае своей безвременной кончины.

Однако дело было сделано – в Судан он поехал. И написал об этой кампании книгу под названием «Речная война»¹.

Его сжигала жажда славы. В 1907 году, уже будучи членом парламента, он сказал за завтраком 19-летней дочери премьера, Асквита, что ему, увы, уже 32 года – жизнь уходит. Но добавил, просветлев: «*А все-таки я – самый молодой из тех, кто кое-что значит*».

Теперь, в 1911 году, получив полномочия Первого лорда Адмиралтейства, он сразу развил поистине вулканическую деятельность.

¹ Первое издание книги У. Черчилля «Речная война» о походе против «махдистов» в Судан сейчас продается примерно за \$3 000 000 за том.

Посол Германии Лихновский, который регулярно посылал в Берлин отчеты о всех сколько-нибудь значительных английских политиках, находил, что *«Черчилль человек, возможно, гениальный, но слишком амбициозный и тщеславный, что вредит ему в глазах окружающих»*.

Знал ли премьер Асквит о таком отзыве германского посла о новом министре флота, мы не знаем, но, вполне возможно, он с ним бы согласился.

Во всяком случае, для переговоров с Германией о возможном торможении в гонке вооружений был избран не Черчилль, а другой человек – военный министр Великобритании Холдэйн.

XXI

Лорд Ричард Холдэйн был на добрых двадцать лет старше своего коллеги Уинстона Черчилля и в качестве военного министра зарекомендовал себя настолько хорошо, что в 1911 году стал пэром Англии, получив титул виконта. В ходе серьезной дискуссии, развернувшейся в Британии по поводу строительства ее вооруженных сил, он твердо стоял за усиление армии, как бы это ни противоречило английским традициям. Он полагал, что помощь Франции не может быть ограничена только военно-морской мощью, и создал структуру подготовки резервов – территориальные войска, курсы подготовки офицеров и генеральный штаб для армии. Он же приложил немало усилий для создания В.И.Ф. – British Expeditionary Force, или Британского Экспедиционного Корпуса, полностью готовой к действию части английской армии, которая могла бы быть быстро переброшена на континент.

Если кто-то из англичан и мог договориться с Германией, это был именно Холдэйн – он учился в Геттингене, прекрасно говорил по-немецки и настолько увлекался германской философией, что коллеги его даже на этот счет поддразнивали.

В Германию он приехал с совершенно конкретными предложениями и сразу повидался и с канцлером, и кайзером, и с Тирпицем, которого как раз недавно благодарный кайзер назначил гросс-адмиралом – чин, соответствующий фельдмаршалу.

Идея об установлении мер взаимного доверия, вроде обмена информацией о характеристиках строящихся судов – скорости, вооружении и прочем, была отвергнута с порога. Как сказал Вильгельм II:

«Такие вещи происходят только между союзниками».

Предложение об ограничении морских вооружений было одобрено в принципе, при одном непременном условии – Великобритания должна была дать слово, что *«в случае европейского конфликта, в который будет вовлечена Германия, она останется нейтральной».*

С этим уже не согласился Холдэйн, и он уехал ни с чем. Германская программа, в том виде, в котором она была сформулирована Тирпицем, считала необходимым иметь флот в раз-мере не менее 2/3 от английского. Согласно теории, разработанной в его штабе, в этом случае риск потерпеть поражение в Северном море станет для Англии слишком велик, и она – волей или неволей – *«предоставит Германии свободу действий».*

Тирпиц был твердо убежден в правильности своего курса. Вот что он пишет в своих мемуарах:

«Если бы флот строить не хотели, предпочитая следовать по пути, избранному в девяностых годах, то следовало добровольно ограничить развитие торговли и промышленности, вновь организовать эмиграцию и отказаться от наших заграничных интересов. В таком случае мы, по выражению Лихновского, предоставили бы поле деятельности «англосаксам и сынам Иеговы», удовлетворившись своей старой славой соли земли, народа-удобрителя».

И добавляет – как аргумент в споре с людьми, критиковавшими его политику за создание конфронтации с Англией:

«Было и остается иллюзией думать, будто при отсутствии флота англичане помиловали бы нас и допустили бы дальнейшую экономическую экспансию Германии. В подобном случае они остановили бы нас еще раньше. В этом не мог сомневаться ни один человек, знающий англичан».

Переговоры окончились ничем – Холдэйн уехал с пустыми руками.

XXII

Дела в Адмиралтействе в 1912 году получили резкое ускорение. Новый министр оказался человеком с весьма неортодоксальными идеями.

Одной из них оказалась мысль о полном выводе флота с Мальты, что встретило резкий протест и в МИДе, и среди адмиралов средиземноморской эскадры, и даже на весьма высоком уровне в администрации колоний. Громче всех протестовал лорд Китченер, помнивший Черчилля еще по Судану и занимавший в настоящее время пост генерального посла-резидента в Египте. Титул «посла» не должен затемнять картины – правил Египтом именно он.

Черчилль – единственный человек в Англии, помимо короля, который имел, так сказать, *«служебную яхту»* размером с пароход, посетил лорда Китченера в Александрии. Лорд Китченер настаивал на том, что вывод флота из Средиземного моря поведет к потере и Египта, и Мальты, и вообще всех английских позиций в этом районе. Черчилль же утверждал, что *«глупо, спасая Египет, рисковать потерять Англию»*.

К соглашению они не пришли.

Выступая в парламенте, Первый лорд Адмиралтейства привел свои аргументы: после появления дредноутов вся ситуация на морях изменилась. Партнеры Германии по Тройственному союзу – Австрия и Италия – начали собственное военно-морское строительство. Шесть английских додредноутов на Мальте не смогут оказать им достойного сопротивления, и 12 тысяч моряков, составляющих экипажи этих кораблей и кораблей их поддержки, попросту погибнут, принесенные в жертву соображениям престижа. В то же время эти люди, снятые со старых кораблей, смогут стать ядром экипажей новой серии кораблей из пяти супердредноутов, заложенных в 1912 году.

Черчилль настоял на своем. Тем временем французские военные корабли, стоящие в Бресте, ушли оттуда в Тулон. Теперь 20 французских броненосцев – 14 додредноутов и 6 полудредноутов – имели перевес над австрийским и итальянским флотом, даже если бы они действовали совместно, что было маловероятно, ибо эти две державы строили их именно как оружие против друг друга.

Правительство Франции туманно высказывалось о том, что *«теперь атлантический берег Франции защитит флот дружественной державы»*.

Никакого соглашения с Англией на этот счет не было заключено – англичане очень опасались оказаться втянутыми в возможную франко-германскую войну против своей воли. Но при взгляде из Берлина оба этих шага – перевод французского флота из Атлантики в Средиземноморье и английского – из Средиземноморья в Атлантику – выглядели как согласованные действия фактических союзников.

На этом фоне Черчилль предложил свежую идею – соглашение о «морских каникулах». Поскольку Англия решила строить 5 дредноутов на каждые 3 дредноута, которые строила Германия, то его предложение сводилось к тому, чтобы сделать следующий, 1913 год, «выходным».

В этом случае соотношение сил останется прежним, обе стороны смогут сберечь значительные суммы денег, будет построено некое основание для взаимного доверия, а германской стороне предлагалось следующее соображение: если Германия НЕ построит 3 новых дредноута, Англия НЕ построит 5 новых дредноутов.

«Я думаю, что такого результата вы не достигли бы даже и после блестящей победы в морском сражении», – говорил он своим германским оппонентам.

В Германии, тем не менее, предложение было отвергнуто. Предполагалось, что англичане достигли дна своего кошелька и строить корабли в прежнем темпе уже просто не смогут. По крайней мере, кайзер придерживался именно такого мнения.

«Как только англичане поймут, что они с нами ничего поделать не смогут, мы опять станем лучшими друзьями», – говорил он.

Он был искренне признателен Тирпицу – раз уж сам глава английского министерства флота предлагает примирительные меры, то цель – гарантированный нейтралитет Англии – уже близка.

Но, помимо дипломатических предложений, Первый лорд Адмиралтейства делал в 1912 году и другие шаги: в частности, он своей властью решил спор о калибре орудий для новых супердредноутов типа «Queen Elizabeth».

Вместо 12-дюймовых пушек он выбрал 15-дюймовые.

XXIII

Это было очень рискованное решение – в тот момент, когда Черчилль его принял, эти орудия не существовали даже на бумаге. И тем не менее, Первый лорд считал необходимым торопиться: согласно прогнозам адмирала Фишера, которым он склонен был доверять, война могла грянуть в любой момент.

Фишер считал, что ключевым моментом будет окончание работ по вводу в строй углубленного Кильского канала, который обеспечил бы проход германских дредноутов с Балтики в Северное море и обратно. И еще он полагал, что это будет *«страшная война, Армагеддон, в которой ставкой будет сама жизнь Англии»*.

Так думал не только адмирал Фишер. К 1914 году это ощущение опасности буквально висело в воздухе. Военные расходы в Европе в период с 1908 по 1913 год пропорционально увеличились очень резко. Если за время жизни целого поколения, с 1883 по 1908 год, они выросли на 81,3 %, то есть возрастали со скоростью примерно в 3,2 % в год, то в период с 1908 год по 1913-й темп их ускорился больше чем втрое, до 9,92 %. Это был средний показатель по Европе, но в тех странах, которые чувствовали, что они отставали, он был еще выше. Россия, например, в этот период увеличила свой военный бюджет почти вчетверо.

«Кельнише Цайтунг» писала в начале года:

«Сейчас Россия не в силах добиваться своих политических целей силой оружия, но года через три ситуация будет иной. Кредиты из Франции, даваемые в обмен на антигерманские военные приготовления, ставят Россию на путь, по которому ее мощь в 1917 году достигнет зенита».

Вообще говоря, это была правда. Еще в 1898 году генеральные штабы Франции и России достигли соглашения, по которому в случае войны против Германии Франция выставляла против нее 1 300 000 солдат, а Россия – 700 000, с увеличением этого числа по мере разворачивания мобилизации. А скорость мобилизации в России, с ее огромными расстояниями и редким населением, напрямую зависела от наличия сети железных дорог на западе страны – и именно эта сеть и строилась сейчас лихорадочными темпами и на французские деньги.

Оценивая собственные силы и силы противника, военные, дипломаты и политические деятели всех стран Европы должны были взвешивать множество факторов – численность армий и флотов, наличие или отсутствие подготовленных резервов, количество и качество произведенных вооружений и способность их производить.

Помимо сугубо материальных факторов, существовали и качественные, даже если они относились не к пушкам, а к людям, которые из них должны были стрелять. Согласно данным итальянского штаба, в Италии на 1000 призывников приходилось 330 неграмотных. Во Франции эта цифра составляла 68 человек.

В Германии – 1 человек на 1000.

Сведений по России итальянцы не приводят, но можно предположить, что ее показатели были вдвое хуже итальянских – доля городского населения в России была чуть выше 13 %, а в Италии – около 30 %.

Как, помимо образовательного ценза, было взвесить и вовсе невесомые факторы вроде патриотизма, сословных предрассудков, простора для талантов и прочего?

Как следовало оценивать национальное сплочение страны? Державы Европы в этом отношении не были равны друг другу. Австрия по определению была сшита из «лоскутов» – немцев, мадьяр и славян, поделенных на добрую дюжину национальностей, а в России царь письменно выражал свою озабоченность *«избытком польского элемента в управлении железных дорог»*.

Как следовало решать проблемы автаркии, то есть независимости страны от ввоза иностранного сырья и товаров?

Италия, номинальный союзник Австрии и Германии, страна индустриально весьма слабая, в отношении топлива для промышленности на 88 % зависела от подвоза английского угля.

В Германии при огромной индустриальной базе для долгой войны не хватало продовольствия и многих видов сырья, в России, при огромных общих возможностях, ощущалась острая нехватка подготовленных кадров и оборудования для военной промышленности.

Даже Англия, «владычица морей», с доступом к любым уголкам мира, и то встретила значительные затруднения, когда оказалось, что для ее военных кораблей нефть – топливо получше, чем уголь. Причем перевод «дредноутов» именно на нефть самым энергичным образом проталкивал в жизнь Первый лорд Адмиралтейства Уинстон Черчилль. Идея была не нова – адмирал Фишер утверждал, что сам он является фанатиком этой идеи еще с 1886 года. Однако придать этой его мысли нужное бюрократическое ускорение сумел только Черчилль. Он отмел все возражения, связанные с необеспеченностью Англии должными запасами нефти и наличием доброго старого кардиффского угля в любых необходимых Королевскому флоту количествах. Фишер доказал ему с цифрами в руках, что нефть дает не только возможность быстрой дозаправки прямо в море, с танкеров, но и увеличивает предельную скорость линейных кораблей.

Это решило вопрос – с точки зрения Черчилля, увеличение боевой эффективности оправдывало любой риск. И то, что никак не удавалось сделать адмиралу Фишеру, Уинстону Черчиллю удалось. Вопрос о нехватке надежных источников снабжения он решил и вовсе кардинальным образом – по его инициативе палата общин огромным большинством голосов вотировала выделение фондов для покупки контрольного пакета акций Англо-Персидской нефтяной компании.

Что, кстати, сильно повлияло на дальнейшие решения, связанные с военным планированием: надежная связь с Ближним Востоком стала теперь для Англии не просто очень важной, а жизненно важной, от этого зависела боеспособность ее флота.

Расчеты штабов осложнялись еще и тем обстоятельством, что сырьевая зависимость часто шла, так сказать, поперек границ военных союзов. Германия зависела от ввоза французской железной руды и российского зерна, а Россия – от ввоза германского угля и машин. Более того, в случае войны Россия теряла возможность прямого морского подвоза и английского угля – германский флот надежно перекрывал Балтику, грузы могли идти только через Архангельск.

Военные теории всех стран Европы важнейшим фактором успеха единодушно считали скорость – сначала скорость проведения мобилизации, а потом – как можно более быстрый переход в наступление. Поскольку планирование согласованного движения миллионных масс войск требовало долгого и тщательного планирования военных перевозок, которое нельзя было модифицировать на ходу, вводился важный принцип – неостановимый автоматический процесс мобилизации.

Порох следовало держать сухим. К лету 1914 года его запасли немало.

XXIV

Утром 23 июня 1914 года так называемая «Вторая эскадра» английских дредноутов подошла к балтийскому порту Германии Килью для участия в Кильской регате. Адмирал Уоррендер нанес визит вежливости на германский флагманский корабль «Фридрих Великий».

Ответный визит, посетив британский флагман «Кинг Георг V», сделал сам кайзер Вильгельм. Среди множества вопросов, которые он задал английскому адмиралу, был и такой: *«Ругаются ли матросы в британском флоте?»*

Адмирал заверил своего августейшего гостя, что да, ругаются – и еще как...

Кайзер был одет в мундир британского адмирала, на что имел право, дарованное ему его дядей, недавно скончавшимся королем Англии Эдуардом, «дядей Берти», которого он терпеть не мог. Дядя отвечал ему тем же, но родственный долг и межгосударственные отношения требовали соблюдения декорума.

Кайзера принимали по высшему разряду дипломатического протокола, с подобающими церемониями и салютом. Любезные хозяева Кильской регаты не остались в долгу. Британские офицеры получили приглашения на все торжественные вечера, которые давали в Киле по случаю праздника, все желающие могли получить бесплатные билеты на поезд для посещения Гамбурга и Берлина – об этом позаботилось германское Адмиралтейство. Английский адмирал разрешил посещение своих кораблей всем желающим, закрыв свободный доступ только в центральный пост и в радиорубку.

При снятии с якоря для похода домой британские корабли подали сигнал:

«Дружба навек!»

В июне другая английская эскадра посетила также и Кронштадт. Командовал ею адмирал Битти. Их тоже принимали по высшему разряду. Император всероссийский Николай Второй побеседовал с адмиралом о международном положении и поделился с ним следующим своим впечатлением: *«Распад Австро-Венгрии – только вопрос времени. Южные славяне, вероятно, отойдут к Сербии, Трансильвания – к Румынии, а немецкие области Австрии – к Германии. Это сразу послужит делу общего мира, потому что тогда некому будет втягивать Германию в ссоры из-за Балкан».*

Кому именно принадлежала эта мысль, неизвестно. Может быть, министру иностранных дел России Сазонову? А может быть, генералу Жилинскому, который совсем недавно провел переговоры со своим французским коллегой генералом Жоффром – как раз на тему возможной войны с Германией?

Во всяком случае, это совершенно точно не была мысль российского самодержца, ибо у него собственных мыслей на эту тему никогда не водилось. Он обычно просто соглашался с тем авторитетным лицом, которое говорило с ним накануне.

Буквально за неделю до конфликта Николай Второй принимал у себя и других гостей – в Петербург прибыл с визитом президент Франции Пуанкаре. Наследник австрийского престола уже был убит в Сараево, и идея ультиматума Сербии была в Вене уже решена, но с ним немного подождали, чтобы не позволить Пуанкаре воздействовать на русского царя. Президента в Австрии и в Германии считали *«воинственным политиком»*, а царя – *«миролюбивым»*.

Все остальное известно из хрестоматий.

26 июля Австрия объявила войну Сербии. 29-го Россия объявила мобилизацию. 30-го объявила мобилизацию Австрия. 1 августа Германия объявила России войну. Утром 2 августа германский посол Лихновский явился к премьеру Великобритании Асквиту с вопросом: *«Что будет делать Англия в случае войны на континенте?»*

Асквит ответил, что многое зависит от обстоятельств конфликта, но не скрыл, что позиция Англии – на стороне ее партнеров по Антанте.

3 августа Германия предъявила ультиматум Бельгии, требуя права прохода через ее территорию.

Министр иностранных дел Англии Эдвард Грей, выступая в парламенте, сказал, что *«нейтралитет Бельгии не может быть принесен в жертву ни при каких обстоятельствах»*.

Уже после своего выступления, подойдя к окну, он сказал: *«Огни сейчас гаснут повсюду в Европе – и возможно, мы не увидим их зажженными на протяжении жизни нашего поколения»*.

Вскоре корабли военно-морских сил Великобритании получили приказ:

«4 августа 1914 года 11 часов пополудни.

Начинайте военные действия против Германии.

Черчилль».

«Гражданская война европейцев» (1914–1918)

I

Именно так – «*гражданская война европейцев*» – называли вспыхнувший конфликт в Японии. Вообще говоря, глядя из Азии – или даже просто глядя из сегодняшнего дня – все это выглядело странно. Государственные системы воюющих держав были сходны, правящие династии часто находились в родстве – как мы уже знаем, кайзер был родным внуком королевы Виктории, и элиты европейских монархий были переплетены друг с другом тесными связями. Тирпиц был женат на англичанке, русским флотом на Балтике командовал адмирал Николай Оттович фон Эссен, наступление одной из русских армий на Восточную Пруссию возглавлял генерал Павел Карлович Ренненкампф, а главой Королевских Военно-Морских Сил Великобритании, Первым Морским Лордом (First Sea Lord) с 1912 года был адмирал Луис Баттенберг, он же – светлейший принц Луис фон Баттенберг. «*Светлейший принц*» – это не фигура речи, а официальный титул.

Луис Баттенберг был отпрыском правящей гессенской династии от мorganатического брака, прав на титул гессенского принца не имел, жил в Англии, больше 40 лет прослужил во флоте, был истинным образцом офицера и джентльмена, и скорее всего стал бы Первым морским лордом и раньше, если бы не одно дополнительное обстоятельство: он был женат на внучке королевы Виктории. Королевский двор относился к нему как к родственнику, командование королевской яхтой по желанию королевы часто поручалось именно ему, и в результате командование ВМС смотрело на Луиса Баттенберга косо, подозревая в нем «*парадного адмирала*».

Что было совершенно несправедливо – моряк он был превосходный и сейчас, в 1914 году, стал главным сотрудником молодого главы Адмиралтейства Уинстона Черчилля. Вдвоем они возглавляли флот – Баттенберг как командующий операциями, Черчилль как глава министерства, отвечающего за всю организационную работу. Военным министром, ответственным за армию, стал лорд Китченер, тот самый, который командовал кампанией в Судане и который так неласково отнесся к честолюбивому юному гусару Уинстону Черчиллю. Теперь они были коллегами.

В августе 1914 года Черчиллю не было еще и сорока. Конечно, он сильно изменился с того уже далекого 1900 года, когда ему впервые удалось завоевать место в парламенте. Теперь он был женат, у него было двое детей – дочь Диана и сын, Рэндольф, названный так в честь деда. В 1914 году Уинстон и его жена Клементина ожидали третьего ребенка.

Репутация Уинстона Черчилля установилась на высоком уровне – он вошел в число тех пяти-шести людей в Англии, которые и принимали все важные решения.

О деятельности Первого лорда Адмиралтейства Уинстона Черчилля в первые месяцы Великой Войны (так ее в то время называли в европейских странах, общественное мнение которых, в отличие от японцев, ничего братоубийственного в войне не усматривало) мы можем судить по официальным правительственным документам, по парламентским отчетам, по газетам того времени.

Однако, в отличие от этого сухого материала, у нас есть источник и поживее: письма премьер-министра Великобритании Герберта Генри Асквита к некоей молодой даме Венеции Стенли, подруге его дочери. Асквит, надо сказать, был известный дамский угодник и к мисс Стенли чувства испытывал вовсе не отеческие. Виделись они чуть ли не ежедневно, и вдоба-

вок он ей часто писал, и при этом на самые разнообразные темы. Помимо обычных светских сплетен, дружеского поддразнивания и перемывания костей их общим друзьям и знакомым, особым предметом насмешек частенько служил Эдвин Монтегью, секретарь премьера, явно влюбленный в Венецию.

Они часто говорили и о Черчилле, любимом сотруднике премьера – дело тут в том, что мисс Венеция Стенли прекрасно его знала. Клементина Черчилль, жена Уинстона, была ее кузиной. В числе прочего Асквит писал мисс Стенли и такие вещи, которые упоминать в частной переписке не следовало бы.

Одно дело – передать ей слова министра иностранных дел Грея, сказанные им о Черчилле: *«Гений – это зигзаг молнии, разрывающий темноту»*, что даже и поэтично.

Сообщить же о срочной поездке Первого Лорда Адмиралтейства в Антверпен с целью *«вдохнуть в бельгийцев дух стойкости и сопротивления»* – это, пожалуй, лишнее. Все-таки речь шла о военной операции: Черчилль в Антверпене не ограничился речью, которую он произнес на французском, а вызвал туда части морской пехоты. Как глава Адмиралтейства, ими он мог распоряжаться без согласования с армейским командованием.

Он был намерен защищать Антверпен до конца и даже предложил Асквиту свою отставку в обмен на получение командования обороной города. Премьер это предложение отклонил – он был согласен предоставить Бельгии храбрость Уинстона Черчилля в качестве, так сказать, экспортного займа, но расставаться с самым энергичным министром своего правительства не захотел.

Первый лорд Адмиралтейства был нужен ему на его обычном месте, во главе флота.

II

Флот Германии строился Тирпицем для того, чтобы Англия не посмела вступить в войну против Германии. В решении этой своей главной задачи Тирпиц потерпел поражение еще до того, как был сделан первый выстрел – Англия вступила в войну.

Дела пошли совсем не так, как предполагали адмиралы германского Морского штаба.

Флот Англии строился для генерального сражения с флотом Германии. Английские дредноуты располагали самым быстрым ходом для кораблей своего класса и самыми мощными в мире орудиями. Все, что только можно было сделать, чтобы английский флот получил наилучшие условия для того, чтобы настичь и уничтожить врага, было сделано.

Но враг не вышел в море, а добраться до него в его укрепленных гаванях было невозможно.

У германских адмиралов хватало и отваги, и решимости, но они намеревались вступить в сражение, имея максимальные шансы на победу. Они исходили из того, что англичане прибегнут к их испытанной веками стратегии так называемой «ближней блокады». Со времен Нельсона английский флот в случае войны подходил к портам противника и закрывал их, предоставляя врагу выбор между бездействием, отдававшим открытое море в полное распоряжение Великобритании, и сражением, в котором флот, осмелившийся выйти на поединок с английскими эскадрами, попросту уничтожался. Тирпиц строил корабли, исходя из концепции «создания третьей возможности» – морского сражения, в котором английский флот в сражении понес бы такие потери, при которых утратил бы господство на морях при любом исходе сражения.

Поэтому германские корабли строились в соответствии с известной максимой Тирпица: «*Главное назначение военного корабля – не тонуть*».

Скорость была важна, но не первостепенно важна. Мощь артиллерии требовалась в высшей степени серьезная, но и она не имела безусловного приоритета. Главным было – не тонуть, и поэтому прочность брони была максимально возможной, внутренние отсеки разделены на множество разделенных и водонепроницаемых ячеек, а при обучении команды особое внимание уделялось мерам по обеспечению живучести корабля. При таких условиях бой вблизи от родных берегов считался наиболее выгодным – подбитый корабль имел бы максимальные шансы добраться до гавани, и нехватка скорости ему бы в этом не особо помешала. Напротив, бой вдали от своих портов представлялся опасным – более быстрый противник мог отрезать путь к отступлению и вынудить к бою, насмерть и до конца.

Английские корабли, однако, вблизи Килия и не показывались, и от ведения «ближней блокады» англичане отказались – драться флоту, созданному Тирпицем, было не с кем.

Почему же так получилось? Неужели наследникам Нельсона не хватало предприимчивости и отваги? Конечно же, это было не так – того количества драчливости, которое имелось, например, у Первого Лорда Адмиралтейства Уинстона Черчилля, легко хватило бы и на троих.

Однако, помимо агрессивного стремления к нападению, британские адмиралы располагали еще и рассудком – холодным и рациональным. Они рассудили, что времена парусного флота прошли. Парусные суда могли месяцами дрейфовать в море вблизи от неприятельских портов, закрывая врагу выход в море. Паровые же суда нуждались в топливе и в периодическом ремонте.

Периодическая отправка кораблей в свои порты на профилактический ремонт и перезагрузку топлива неизбежно влекла за собой временное ослабление блокирующего флота и предоставляла противнику инициативу в выборе дня сражения – он безусловно не стал бы нападать на английский флот в тот момент, когда он был в полном составе, зато немедленно напал бы на него тогда, когда его лучшие корабли были бы вынуждены уйти в свои базы.

К тому же крейсирование вблизи германских берегов было попросту опасно: всегда существовал риск нарваться на мину или на подводную лодку, которые в то время считались непригодными к действиям в открытом море, но зато прекрасным оружием для обороны гаваней.

Исходя из всех этих соображений была избрана стратегия «дальней блокады» – флот размещался далеко, на базе Скопа Флоу на Оркнейских островах, у северной оконечности Шотландии. Таким образом, перед германским военным флотом открывалась возможность выйти в Северное море и повернуть либо на север – навстречу английскому флоту, либо на запад, к Ла-Маншу. В этом случае английский флот выходил в море и отрезал противнику дорогу к возвращению – опять-таки вынуждая его к сражению.

И в результате к концу 1914 года в военно-морской войне образовалась патовая ситуация: и германский, и английский флот были отделены от противника всем пространством Северного моря и из своих баз главными силами не выходили.

Разумеется, последним человеком на свете, которого такое положение дел устраивало, был Уинстон Черчилль, Первый лорд Адмиралтейства Великобритании.

III

Прежде всего он собирался заставить немцев выйти из гавани и с этой целью собирался захватить тот или иной остров у побережья Голландии для устройства на нем передовой базы английского флота. Разумный аргумент, сводящийся к тому, что Голландия в войне не участвует и остается нейтральной, он сперва отвергал как несущественный, а потом стал использовать как дополнительный довод в пользу его предложения – по его мнению, это должно было подтолкнуть Голландию к тому, чтобы стать на сторону союзников. Почему при этом Голландия встанет на сторону именно союзников, а не Германии, он не пояснял. Его коллеги из штаба флота – сначала Баттенберг, а потом и сменивший его адмирал Фишер – предложения эти неизменно отвергали, ссылаясь на то, что они и непрактичны, и трудноосуществимы, что энтузиазма Первого лорда не уменьшало.

Энергия у него была через край, и он брался за самые неожиданные проекты. Когда его вниманию предложили идею помещать на трактор некую бронированную будку с установленным в ней пулеметом для прорыва проволочных заграждений, он загорелся и переправил ее Китченеру для рассмотрения. Тот ее одобрил и передал в особый комитет – опять для рассмотрения. Там она и застряла.

Когда через пару месяцев Черчиллю попала та же идея, но уже в улучшенном виде – трактор предлагалось брать не в изначальном, чисто сельскохозяйственном виде, а с улучшениями, позволяющими ему преодолевать траншеи, Черчилль не повторил ошибку с привлечением к делу армии, а взялся решать задачу силами Адмиралтейства. Он немедленно выделил из доверенных ему фондов 70 тысяч фунтов на разработку идеи и создал бюро для создания чертежей и постройки прототипов. Проект был засекречен под именем «*Water Carriers for Russia*» – «*Перевозчики воды для России*», или в аббревиатуре «WC», что потом стало трактоваться как «*Баки для воды*» – «*Water Tanks*», а вскоре было сокращено до простого слова «танки».

Слову этому в будущем было суждено стать наименованием для нового оружия, перевернувшего все военные теории, но это все – в будущем. А пока нетерпеливый Уинстон Черчилль непрерывно интересовался тем, как продвигаются планы постройки его «*сухопутных линкоров*», как он их называл.

Тем временем Китченер обратился к нему с запросом: не может ли флот сделать что-нибудь против Турции, желательно в районе Дарданелл?

Дело было в том, что Турция вступила в союз с Германией и Австро-Венгрией и теперь вела боевые действия на Кавказе против России, союзницы Англии. Русские хотели бы отвлечь часть турецких сил от их фронта, и морская демонстрация недалеко от турецкой столицы могла бы в этом отношении помочь.

Черчиллю идея понравилась – британский флот все еще имел в своем составе старые корабли, броненосцы додредноутного типа, которые в бою против германского флота были бы только обузой. Почему бы не использовать их для атаки на Константинополь? Если добавить к обстрелу еще и высадку десантов, то это может вообще выбить Турцию из войны и открыть проливы, что означало получение неисчислимых выгод для коалиции – открывалась прямая линия материального снабжения России, армии которой в начале 1915 года имели очень много солдат, но очень мало снарядов.

Но помимо улучшения снабжения уже существующей союзницы прорыв на Балканах мог означать и привлечение на сторону коалиции новых стран, Греции и Румынии, и перенесение военных действий в союзе с русскими в устье Дуная, что могло выбить из войны Австрию и, кто знает, вообще могло решить исход войны?

Однако Первый Лорд Адмиралтейства проявил не свойственную ему обычно осмотрительность и запросил мнение Первого морского лорда (начальника штаба ВМС) адмирала

Фишера. Тот ответил, что идея превосходна и что ее можно еще и улучшить. Новейший английский линкор «Queen Elizabeth», вооруженный теми самыми 15-дюймовыми орудиями, которые Черчилль на свой страх и риск пробил как основное вооружение нового поколения английских линкоров, должен был проводить тестовые стрельбы в районе Гибралтара.

Почему бы ему не пострелять для практики по фортам Дарданелл?

IV

В одном из последних своих писем к Венеции Стенли Асквит пишет, что получил послание от совершеннейшей психопатки. Письмо было одним из последних, потому что мисс Стенли, подумав, сочла, что секретарь Асквита, Эдвин Монтегью, и собой хорош, и умен, и богат, и влюблен в нее просто неистово – и коли так, то почему бы ей не выйти за него замуж? Так она и сделала, а Герберту Асквиту, премьер-министру Великобритании, дала отставку и писать ей в дальнейшем запретила. Он был страшно огорчен.

Что же до «совершеннейшей психопатки», то ею была кузина Венеции Клементина Черчилль. Она написала премьеру, что если он выгонит ее мужа, Уинстона, из возглавляемого им кабинета министров, то он ослабит и свое правительство, и свою коалицию в парламенте, и добавляла:

«Уинстон в ваших глазах и в глазах тех, с кем он вынужден работать, возможно, имеет недостатки, но у него есть качества, которыми мало кто из теперешних или будущих членов вашего кабинета могут похвастаться: силу, воображение и решимость. Если вы отошлете его прочь, туда, где он не будет сражаться, вы бесполезно растратите ценнейший военный материал и нанесете ущерб нашей стране».

Письмо это, конечно, было недипломатично до предела, но, говоря совершенно объективно, это была не истерика влюбленной женщины, а чистая правда.

Уинстон Черчилль в школе учился отвратительно, а уж латынь знал и вовсе плохо, но по крайней мере одному древнеримскому правилу – «*Что делаешь – делай*» – следовал свято. Придя к выводу, что атака на Дарданеллы может оказаться решающей для исхода войны, он взялся за ее осуществление со всем присущим ему пылом и со всей положенной важному делу серьезностью.

Проблема, однако, заключалась в том, что операция эта должна была быть комбинированной, с участием как армии, так и флота, и при этом обе стороны считали, что ответственность за успех несет другая сторона.

20 февраля 1915 года Черчилль написал Китченеру письмо с запросом на использование 29-й британской дивизии для десанта. В нее входило 18 тысяч солдат, в Египте имелось 30 тысяч австралийцев, и 8500 солдат из так называемой «Королевской Военно-Морской дивизии» (Royal Naval Division) он уже направил в Восточное Средиземноморье своей властью. Кроме того, Черчилль рассчитывал выколотить одну дивизию у французов, что дало бы еще 18 000 человек.

Китченер ему отказал. А в меморандуме Асквиту объяснил свой отказ тем, что дивизия ему пригодится в другом месте, а турки поднимут руки вверх сразу после бомбардировки с моря, и австралийцам останется просто прокатиться по морю из Египта в Стамбул.

Делать было нечего, и Черчилль велел адмиралу Гардену начинать бомбардировку, уверив его, что «*армия последует вслед за ним вскоре после достижения им первых успехов*», а покуда просил остерегаться мин и приложил к предостережению подробные инструкции, объясняющие, как это надо делать. Инструкции были подготовлены технической службой Адмиралтейства.

28 февраля 1915 года Черчилль узнал из письма русского главнокомандующего Великого князя Николая Николаевича, что, как только адмирал Гарден прорвется через Дарданеллы, Россия вышлет к Константинополю корпус числом в 47 тысяч человек. А дальше Великий князь объявил, что «*Россия не допустит греческой оккупации Константинополя*» – как раз в тот момент, когда англичане уговаривали греков примкнуть к нападению на город.

10 марта Китченер, ко всеобщему изумлению, сказал, что 29-я дивизия ему больше не нужна. Тем временем разведка сообщила, что на фортах Дарданелл серьезная нехватка снарядов и новые запасы подвезут из Германии только через пару недель.

Адмирал Фишер был твердо уверен в успехе, призывал начинать немедленно и собирался срочно отбыть к эскадре сам, чтобы лично командовать взятием Дарданелл, – его насилу отговорили. Адмирал Гарден сообщил Черчиллю телеграммой, что после подавления артиллерии фортов мины особой проблемы не представят. 12 марта генерал Гамильтон, командующий десантом, выехал из Лондона во Францию, а оттуда – в Марсель. Там его ждал военный корабль – Черчилль снабдил его быстрым крейсером для сокращения времени на пути в Александрию.

Он был в затруднительном положении – флот в лице Черчилля требовал от него быстрой атаки всеми силами, а армия в лице Китченера призывала к осторожности и «к продуманным действиям – не спеша».

Фишер послал к Дарданеллам еще два линкора. Адмирал Гарден сообщил, что протравливание мин не идет, как следовало бы, потому что турки стреляют по тральщикам. Черчилль предложил ему высадить десанты для очистки береговой полосы от турецких орудий. Гарден решил, что это будет слишком долго и слишком сложно, и решил начать прорыв 18 марта, силами только флота. 16 марта он сдал командование своему заместителю, адмиралу де Робеку, сославшись на нездоровье.

18 марта началась атака Дарданелл с моря.

V

Единственное определение, которое можно подобрать для объяснения действий адмирала де Робека – помрачение разума. Ему предстояло пройти узким проливом, не опасаясь тяжелой артиллерии защищавших пролив фортов, потому что она была уже подавлена, но опасаясь минных заграждений, поставленных турками загодя. Он попытался протралить мины – как и было ему предписано инструкциями Адмиралтейства. Тральщики обстреляла полевая турецкая артиллерия. Попаданий не было – пушки стреляли с закрытых позиций по подвижным целям, так что корректировка помогала им мало. Адмирал мог продолжать процесс расчистки или высадить на берег десант с целью подавить турецкую полевую артиллерию. Однако адмирал счел, во-первых, что продолжать траление слишком опасно, и тральщики отозвал, во-вторых, решил, что высадка десанта – это слишком долго. И приказал кораблям идти вперед по непротраленному проливу.

Эскадра у него была смешанной, англо-французской. Первым на мину налетел французский броненосец – погибло около шести сотен моряков. Адмирал продолжал операцию. Теперь на мины налетели один за другим два английских корабля. Когда адмирал приказал отходить, на мины угодили еще один. Выучка экипажей на английском флоте оказалась лучше, чем на французском – несмотря на то, что было подорвано три английских корабля, на них в сумме погибло только около 50 человек, в 12 раз меньше, чем на одном французском.

Новости о неудаче дошли до Лондона 19 марта. И Черчилль, и адмирал Фишер были уверены, что на следующий день де Робек повторит свою попытку. Фишер приказал отправить ему подкрепления и сообщил Черчиллю, что следует ожидать дальнейших потерь, вплоть до потери 10–12 кораблей. Почему это так, он не объяснял.

Де Робек второй попытки делать не стал. Сперва он сослался на плохую погоду, потом на то, что армия сперва должна очистить берег от турецких подвижных пушек, которые с кораблей он достать не мог. Броненосцам они были не опасны, но тральщикам могло и достаться – как он объяснил генералу Гамильтону, командиру армейских частей, назначенных на операцию.

Почему он отозвал тральщики, которым *«огонь МОГ быть опасен»*, но послал вперед броненосцы, которые от мин не были защищены вообще никак, он объяснять не стал.

Его поддержали адмиралы, составлявшие военный совет при Черчилле. Адмирал Фишер вдруг поменял свое мнение на противоположное и в ультимативной форме потребовал остановить операции флота до тех пор, пока армия не разберется с турками на берегу. Свою готовность идти на риск потери даже десятка кораблей, столь горячо выраженную меньше недели назад, он позабыл.

Армия, однако, сообщила, что напрасно с ней не посоветовались раньше и что она не готова начинать наступление без присылки 29-й дивизии, на что требовалось от трех до четырех недель. Проблема заключалась не в наличии или отсутствии 29-й дивизии, а в отсутствии единства командования. За общий исход операции не отвечал, в сущности, никто – ни армия не была подчинена флоту, ни флот – армии.

Но в парламенте обвинили Черчилля. Объяснялось это двумя причинами – во-первых, он был самым видным из сторонников проведения операции, во-вторых, в 1904 году он перешел из партии консерваторов в партию либералов и именно в качестве либерала и получил свои министерские назначения в правительстве лидера либералов Асквита.

Консерваторы-заднескамеечники клеймили Черчилля как *«изменника, предателя и перебежчика»*, что не очень его беспокоило. Он был человек очень независимый и в выборе между своими убеждениями и популярной в данный момент точкой зрения никогда не колебался. Однако сейчас его не просто бранили, а обвиняли в служебном упущении – в том, что он действовал через голову своих профессиональных морских советников, не считаясь с их советом.

Это была неправда, но защищаться посредством предоставления на парламентское рассмотрение документов он не мог – Асквит запретил передавать парламенту какие бы то ни было официальные документы, связанные с ведением войны. А защищаться от слухов, циркулирующих в газетах, он тоже не мог – адмирал Фишер внезапно подал в отставку. Что у него треснуло в голове, понять трудно, но он повел себя поистине как безумный. Он отказался принимать участие в совещаниях, заявил, что не может нести ответственность за «бессмысленную операцию у Дарданелл», которую он совсем недавно поддерживал всей душой и которой собирался командовать лично, а когда премьер форменным образом приказал ему не объявлять об отставке, нашел способ известить о ней главу парламентской фракции консерваторов, который немедленно поднял скандал в прессе. Тема была золотая – старый заслуженный воин, уходящий в отставку из-за разногласий с не считающимся с ним молодым Первым Лордом Адмиралтейства, толкнувшим флот на опасную операцию, не подготовленную должным образом, и которого защищает некомпетентное правительство. Асквит увидел опасность и сделал все, чтобы ликвидировать проблему в зародыше. Перед лицом парламентского кризиса он пригласил консерваторов войти в правительство и разделить с ним ответственность за ход войны. Консерваторы согласились, поставив условием немедленную отставку Черчилля с поста главы Адмиралтейства.

Условие это Асквит принял.

VI

В 1915 году Черчиллю должны были приходиться в голову невеселые мысли. Асквит отказался предоставить ему командный пост на фронте и не отпустил куда-нибудь в колонии в качестве губернатора. Он даже оставил ему место в кабинете – на посту «Канцлера герцогства Ланкастерского». Это был совершенно архаичный пустой титул, последний по рангу в министерской иерархии, и где-нибудь во Франции или в Италии соответствовал бы званию «министра без портфеля». Отец Черчилля, лорд Рэндольф, пример и образец, по которому он и мерил свое честолюбие, и оценивал свои достижения, в 37 лет стал канцлером Казначейства – а потом сорвался, потерял и пост и влияние и в возрасте 45 лет умер.

В середине 1915 года Уинстону Черчиллю шел 41-й год. Параллели просто напрашивались, и по-видимому, именно этим объяснялись и поистине истерический тон, и гневное содержание письма Клементины Черчилль премьер-министру страны Герберту Асквиту. Ее муж пребывал в глубочайшей депрессии. Его поносили последними словами во всех газетах – это стало своего рода эталоном хорошего тона.

Браня Черчилля, можно было продемонстрировать *«зрелость и независимость в суждениях»*, и пользовались этим очень широко.

Защищаться он не мог. Много позднее Черчилль напишет в своих мемуарах, что *«возможности правительства во время войны огромны и бесконтрольны, правительство может все»*. Разумеется, российскому читателю не следует понимать это буквально – правительство в Англии даже и во время войны *«может все»* не в абсолютных терминах, а исключительно в рамках незыблемых английских понятий. Но заткнуть рот одному человеку, засекретив все правительственные документы, связанные с войной, правительство могло и в Англии.

Дарданелльская операция продолжалась, теперь уже на суше. Высадка английских войск на полуострове Галлиполи успеха не принесла. Китченер говорил всем, кто соглашался его послушать, что он, Китченер, всегда был против этой сумасбродной затеи и что глупо тратить первоклассные войска в таком второстепенном месте. Австралийские и новозеландские солдаты, составлявшие основную часть галлиполийских десантов, обвиняли во всех своих бедах Черчилля, который был смещен задолго до их высадки, а к сухопутной операции не был даже и причастен.

К осени, однако, Уинстон Черчилль решил, что сожаления о прошлом бесполезны, а жаловаться на несправедливость – не его удел.

Он подал в отставку со своего чисто декоративного поста, написал Асквиту письмо, в котором говорил, что в минуту испытаний он не готов получать высокое жалование на службе, которая является чистой синекурой, и попросил о направлении его в армию – он надеялся на командование бригадой. Ему, правда, не дали бригады и отказали даже в командовании батальоном, но, тем не менее, он восстановил свой чин майора резерва и уехал на фронт. Его назначили во 2-й батальон полка гвардейских гренадеров, и новые сослуживцы встретили своего нового собрата с большой настороженностью – они предполагали найти в нем чисто декоративного офицера. Они ошиблись. Майор Черчилль оказался храбр, распорядителен и неприхотлив. Жене он писал часто и просил посылать ему время от времени продуктовые посылки. Еды ему хватало, но он хотел вносить свой вклад в офицерскую складчину своего батальона. Пребывание в траншеях, видимо, вернуло ему чувство внутреннего покоя. Полк стоял в обороне, так что потери были невелики, но пули в линии траншей ни чинов, ни званий не выбивали, риск был велик, и по сравнению с этим карьерные соображения казались чем-то мелким.

Клементина не была так уж уверена в душевном спокойствии супруга и писала ему, что, если он погибнет, все будут думать, что он нарочно искал смерти, поэтому ее дорогому Уин-

стону следует позабыть на время о своей обычной бравате и думать только о том, как он сможет в конце концов посрамить своих немилосердных критиков.

Миссис Черчилль была умной женщиной и знала, на какие точки души ее мужа надо нажать для того, чтобы получить желаемые результаты.

Она беспокоилась напрасно: Уинстон Черчилль смерти не искал. Он подал по начальству докладную, указывая, что идти в атаку на проволочные заграждения и пулеметы, *«используя в качестве средства прорыва только голую грудь храбрецов»*, – дело довольно глупое и что следует изготовить какие-нибудь передвижные бронешиты на колесах или, еще лучше, на гусеницах, снабженные парой-тройкой пулеметов, и наступление вести с помощью этих устройств, а кстати и напоминал, что нечто в этом роде уже проходило разработку в технической службе его Адмиралтейства.

Нет, он больше не был несчастен. В январе 1916 года его произвели в подполковники и назначили командиром 6-го батальона полка королевских шотландских стрелков.

VII

В частном письме Дэвид Ллойд Джордж написал однажды следующее:

«...Асквит слишком сильно беспокоится о мелких вещах. Если вы покупаете большой особняк, он способен прийти к вам и сказать: «А подумали ли вы о том, где разместит кошку?»»

К 1916 году примерно к этому же выводу пришли и английские избиратели. Его методы руководства войной в их глазах стали выглядеть совершенно не адекватными масштабу проблем, с которыми столкнулась Англия. Его популярность непрерывно шла вниз и вниз, и в середине декабря 1916 года коллеги Асквита сделали из этого факта соответствующие выводы.

Его поставили перед выбором: отставка или вынесение вотума недоверия правительству в парламенте, и его долгое премьерство – восемь лет и восемь месяцев, самое долгое со времен лорда Ливерпуля добрых сто лет назад – на этом окончилось.

Новым премьером стал Ллойд Джордж.

В конце марта Черчилль вновь появился в парламенте и произнес речь, связанную с военными ассигнованиями. Адмирал Фишер, успевший в очередной раз поменять свое мнение о Черчилле на прямо противоположное, назвал ее лучшей из всех, которые он когда-либо слышал.

Черчилль к этому времени вернулся на фронт. В мае его батальон попал под программу перетряски фронтовых частей английской армии ввиду нехватки «человеческого материала» – потери были высоки, а пополнения недостаточны. В результате батальон был расформирован, он потерял свой командный пост и вернулся в Англию.

Нельзя сказать, что его встретили аплодисментами. Тот же Ллойд Джордж, например, заметил: *«Однажды вы обнаружите, почему ваши суждения не пробуждают доверия к вам, хотя неизменно вызывают восхищение, – потому что из каждого вашего слова видно, что национальные интересы для вас совершенно заслонены личными амбициями».*

Новый премьер был человек зловещий – этим и славился.

Жена Асквита Марго, особа весьма колючая, говорила о Ллойд Джордже:

«Он еще ни разу не видел какого-нибудь пояса без того, чтобы не ударить ниже его».

Про него еще и не то говорили – он считался прохиндеем легендарной пронырливости, обманщиком, демагогом и неистовым бабником.

Тем не менее, всеми признавалось, что человек он способный и энергичный и в военное время показал себя замечательным министром, ответственным за производство боеприпасов, а потом – превосходным военным министром, куда лучше, чем был фельдмаршал Китченер, которого он после его гибели заменил.

В роли премьера Ллойд Джордж тоже обнаружил замечательные качества – и энергию, и ум, и воображение.

И ему были нужны энергичные сотрудники. Начиная с мая 1917 года он начал все чаще и чаще советоваться с Черчиллем. В июле он назначил его на пост министра производства вооружений – тот самый, который в 1916 году занимал он сам. И не пожалел о своем решении – хотя его поносили за это все консервативные газеты. Уинстон Черчилль извлек кое-какие уроки из своего падения с политического олимпа Англии – он перестал пытаться заменять собой все правительство. Вместо этого он взялся за доверенный ему участок и в три месяца реорганизовал его на диво эффективно: вместо полусотни автономных отделов он создал совет, всего из 11 человек, каждый из которых получил свой участок работы. Заодно к деятельности совета были привлечены промышленники, занимавшиеся самим производством боеприпасов, – дело они знали до тонкости и оказались прекрасными советниками и консультантами. Заодно Черчилль ликвидировал все трудовые споры, разрешив деятельность профсоюзов. За

более высокую квалификацию рабочим стали приплачивать дополнительные деньги. Грандиозной проблемой была стачка рабочих оружейных заводов. Черчилль встретился с Дэвидом Кирквудом, одним из лидеров забастовщиков. Они поговорили. Все уволенные забастовщики были восстановлены на работе, и через три дня забастовка прекратилась. Черчилль назначил Кирквуда управляющим на заводах Майлс Энд, ответственным за организацию оплаты труда, и тот разработал систему бонусов, которая казалась ему справедливой. Черчилль утвердил ее, не исправив и запятой, – и через три месяца Майлс Энд побил рекорд производительности, показав самый высокий в Британии результат по производству снарядов.

Новый министр вооружений Уинстон Черчилль оказался прекрасным руководителем, у Ллойд Джорджа не было причин сожалеть о сделанном им выборе.

11 ноября 1918 года было подписано перемирие с Германией, положившее конец военным действиям. Вечером этого дня Ллойд Джордж пригласил Черчилля на ужин. Присутствовало еще два человека – Ф.Е. Смит, приятель и Черчилля, и Ллойд Джорджа, и сэр Генри Уилсон, начальник имперского Генерального штаба и главный военный советник Ллойд Джорджа.

Сэр Генри в своем дневнике отметил интересный диалог, происшедший за этой дружеской беседой:

«Война окончена. Л.Дж. [Ллойд Джордж] предлагает расстрелять кайзера. Уинстон – против».

Кайзера не расстреляли.

Окончание Великой Войны в 1918 году Черчилль так и встретил на посту министра вооружений.

К концу войны в его жизни случился к тому же и чисто личный сюрприз. Второй муж его матушки ушел от нее к актрисе Стелле Патрик Кемпбелл, приятельнице драматурга Б. Шоу.

Однако и матушка Черчилля не осталась одинокой и вышла замуж в третий раз. Ее муж, его новый «отчим», был моложе Уинстона на три года.

Леди Рэндольф Черчилль и в 64 года не изменила себе.

Противник революций и делатель королей (1918–1922)

I

В 1918 году в Германии был опубликован философский трактат Освальда Шпенглера. По-немецки он назывался «Der Untergang des Abendlandes», что по-русски передавалось как «Закат Западного Мира» или «Закат Европы», и суть его сводилась к тому, что, во-первых, европейская цивилизация не единственно возможная, есть и другие, а во-вторых – она на ущербе, и конец ее уже недалек. Книга имела огромный успех, который наверняка не получила бы еще в 1914 году, какие-нибудь четыре года назад. Вообще говоря, это было довольно понятно.

В 1914 году богатая и процветающая Европа ощущала себя единым организмом, где границы были прозрачны, деньги взаимно конвертируемы на основе единого золотого стандарта, и где деньги, товары и люди в принципе довольно свободно циркулировали в едином цивилизационном пространстве.

Европейская «пентархия», известная со времен Меттерниха, в составе трех империй (Германской, Российской и Австро-Венгерской), одной империи, которая еще к тому же была и конституционной монархией (Великобритании), и одной республики (Франции) составляла пресловутый «концерт держав».

Этот «концерт» решал не только все европейские проблемы, но и едва ли не все проблемы мира.

В 1918 году Европа была совершенно другой – Германская, Российская и Австро-Венгерская империи рухнули. Германия стала крайне шаткой республикой, разоренной, обиженной и озлобленной, Австрия развалилась на несколько государств, границы которых были определены более или менее по этническим линиям, причем это «более или менее» было крайне неточным.

Хуже всего пришлось России. Помимо тягостной войны, которую она проиграла, она свалилась сперва в глубокую, очень хаотичную социальную революцию, а потом – в кровавую кашу Гражданской войны, в результате которой просто выпала из сферы европейской политической системы.

Номинальным победителям – Англии и Франции – пришлось ненамного лучше, они понесли огромные потери, и человеческие, и материальные.

Возможно, наиболее тяжелыми последствиями оказались социальная нестабильность и полный дисбаланс системы безопасности.

Когда все уже было окончено, Ллойд Джордж сказал, вспоминая август 1914 года, про тот момент, когда началась Великая Война: «...это были самые роковые минуты для Англии, с тех пор как существуют Британские острова. Мы вызывали на бой самую могущественную военную империю, которая когда-либо существовала... Мы знали, что Англии придется испить чашу до дна. Сможем ли мы выдержать борьбу? Знали ли мы, что до того, как мир в Европе будет восстановлен, нам придется пережить 4 года самых тяжелых страданий, 4 года убийств, ранений, разрушений и дикости, превосходящих все, что до сих пор было известно человечеству? Кто знал, что 12 миллионов храбрецов будут убиты в юном возрасте, что 20 миллионов будут ранены и искалечены. Кто мог предсказать, что одна империя [Британская] вынесет потрясения войны; что три других блестящих империи мира будут раздав-

лены вконец и их обломки будут рассеяны в пыль, что революции, голод и анархия распространятся на большую половину Европы».

Ллойд Джордж, исключительно умный человек, возглавивший Англию в качестве премьер-министра уже во время Великой Войны в 1916 году, писал это тогда, когда она окончилась.

Но даже он, при всем своем уме и огромном, несравненном политическом опыте и чутье, не мог предвидеть, что из *«дикости, хаоса, революций и анархии»* на свет родятся новые политические движения, немыслимые в старой, устроенной и уютной Европе, но вполне соответствующие мировоззрению повидавших все виды смерти фронтовиков.

Еще до войны 1914–1918 гг. были слышны рассуждения, что Европа напоминает Рим, который может быть разрушен варварскими нашествиями, а варвары как бы уже внутри системы – это европейский пролетариат.

После 1918 года такие рассуждения стали куда слышнее. Теоретические построения стали как-то очень неприятно получать все новые и новые практические подтверждения. Недаром книга О.Шпенглера имела такой успех – мало того, что установившийся социальный порядок шатался и во Франции, и в Англии, и в Италии, но на востоке, за теперешними сузившимися границами Европы, в России совершенно явно рождалось что-то новое и доселе не виданное.

«Призрак бродит по Европе – призрак коммунизма» – первые слова *«Манифеста Коммунистической партии»* (его преамбулы), изданного Марксом и Энгельсом в феврале 1849 года.

В ноябре (октябре по русскому стилю) 1917 года призрак совершенно явно начал обретать плоть.

II

В январе 1919 года Черчилль получил предложение от Ллойд Джорджа – возглавить военное министерство, то есть получить ту же должность, которую долгое время занимал Китченер, а потом сам Ллойд Джордж. Однако война была окончена, и важность и значение этого министерства соответственно понизились. Черчилль просил о назначении в Адмиралтейство – в выборе между управлением армией и управлением флотом все его симпатии склонялись к морю.

Ллойд Джордж, однако, просил его принять именно военное ведомство, и не потому, что нужны были какие-то экстраординарные меры по усилению военных структур. Совершенно наоборот – армию надо было быстро и организованно демобилизовать, а сделать это по целому ряду причин было нелегко. Потому-то он и обратился к Черчиллю – полтора года совместной работы, в тот период с июля 1917 и до конца 1918 года, когда Черчилль был министром вооружений, сильно их сблизили. Ллойд Джордж воззвал к патриотизму своего коллеги: коли он сумел управиться с 3 миллионами работников, производивших в годы войны оружие, и сумел и забастовки свести к минимуму, и трудовые конфликты уладить полюбовно, и уровень продукции значительно поднять, то он и есть человек, который сможет свести призывную армию численностью в 3 с половиной миллиона человек, которая стоит стране кучу денег, к разумной организации, способной и сохранить безопасность, и резко сократить расходы – деньги были нужны до зарезу.

Заодно Ллойд Джордж поручал ему еще и министерство военной авиации – флот заниматься делами этого нового вида оружия не захотел.

В итоге Черчилль согласился.

Согласно легенде, непримиримый враг большевизма, Уинстон Черчилль, военный министр Великобритании, сторонник интервенции, ненавидящий русских, стремился удушить в колыбели новорожденную Республику Советов.

Положение насчет *«удушения большевизма в колыбели»* можно даже и подтвердить собственными словами героя нашего повествования – он именно так и сказал. Насчет *«ненависти к русским»* – чистая неправда.

Он, как и все люди того времени, слабо понимал, что происходило в России после революции, но совершенно серьезно полагал, что и с Троцким, и с Лениным можно иметь дело, потому что они увидят опасность Германии и для их режима и на сепаратный мир не пойдут, и мнение свое переменял только после Брестского мира.

Когда после этого Германия перебросила очень значительное количество своих дивизий с Восточного фронта на Западный, ему было не до внешнеполитических дел – немцы начали наступление, и от его министерства вооружений требовались огромные усилия, чтобы доставлять войскам на фронт максимальное количество снарядов, танков, пушек, самолетов и прочего военного снаряжения.

Российскими делами он занялся только после назначения на пост военного министра и действительно – легенда тут не врет – делал все возможное, чтобы помочь белым. И Юденичу, и Деникину, и Колчаку – ему было все равно.

В Англии, кстати, его за это нещадно бранили. Лейбористы говорили, что он хочет *«слобить новое социалистическое правительство России»*, а консерваторы – что он *«тратит британские ресурсы на поддержку русских, сражающихся за свои интересы»*.

Лейбористам Черчилль не отвечал, а критикам справа сообщал, что, по его мнению, белые армии *«бьются за интересы цивилизации, а значит, и за Англию»*.

Командирам английских войск, размещенных в России, были даны инструкции помогать белогвардейцам всеми силами, вплоть до прямого участия в боях.

Что они и сделали по крайней мере один раз, поддержав наступление белых из района Архангельска на Котлас, на соединение с армией Колчака.

Почему же все вышеизложенное все-таки легенда, а не истина?

В английском суде есть формула, согласно которой свидетель клянется говорить *«правду, всю правду, и ничего, кроме правды»*.

Изложенные выше факты представляют собой правду, ничего, кроме правды, – но не всю правду. В них отсутствует контекст.

А контекст, отражающий ту реальную действительность, которая существовала в 1919–1920 годах, можно представить, просто приняв во внимание две цифры:

1. Численность английской армии, подлежащей как можно более быстрой и как можно более полной демобилизации, составляла 3 500 000 человек.

2. Численность английских частей, размещенных на территории бывшей Российской империи и распределенных между несколькими независимыми командованиями, составляла 14 000 человек.

Эти две цифры соотносились между собой как 250 к 1, или, иными словами, английские войска в России составляли 0,4 % от общей численности английской армии того времени.

Не много.

III

Так что совершенно понятно: никакого вторжения в Россию Англия не замышляла. Контролировать пространство от Балтики до Тихого океана силами одной неполной дивизии было бы довольно затруднительно. Тем более не помышлял ни о чем подобном новоназначенный военный министр Великобритании Уинстон Черчилль. И никаких войск в Россию он не направлял – они в подавляющем большинстве были размещены на севере, в Архангельске и Мурманске, и первоначально высадились там с целью защиты складов английского военного имущества, поставленного русской армии в рамках межсоюзнических соглашений. Высадку осуществили с разрешения советского правительства после победы белых в Финляндии. Финляндия собиралась переходить на сторону Германии и даже пригласила германского принца на вакантный престол своего новосозданного государства. Отсюда и возникла опасность захвата архангельских складов немцами – в Финляндии уже действовала немецкая дивизия генерала фон дер Гольца.

А дальше в России началась Гражданская война, и все симпатии англичан были, конечно, на стороне белых.

Новый военный министр Англии Уинстон Черчилль симпатии эти разделял.

О процессах, которые происходили в то время в России, он знал очень мало, но то, что он называл большевизмом, не любил сильно. Он рассматривал это как своего рода эпидемию жуткой социальной болезни. Если А.Блок в «Скифах» мог писать и про *«азиатскую розжу»*, которой *«скифы»* готовы обернуться перед *«Европою пригожей»*, добавляя жуткие подробности вроде *«и будем мясо белых братьев жарить»*, то Черчилль 26 ноября 1918 года в речи перед своими избирателями в Данди говорил, в частности, следующее: *«большевики, оставляющие за собой руины городов и груды трупов»*. Он напрасно отдавал все лавры в состязании в жестокости только «красным» – «белые», «зеленые», «самостийники», «петлюровцы» и всевозможные местные банды вели себя не лучше, но в представлении общей картины Гражданской войны великий русский поэт и крупный английский политик не слишком отличались друг от друга.

Разве что поэт смотрел на ужасающую картину со смирением и восторгом перед грандиозностью событий, а политик – как человек государственный и к тому же англичанин – был готов сделать все возможное для помощи *«силам порядка»*. В списке его приоритетов вопрос о помощи белым армиям России стоял довольно высоко.

Как уже было показано, английские контингенты в России по сравнению с общим числом английских солдат составляли четыре десятых процента.

Предположим, что степень озабоченности Черчилля *«русской проблемой»* втрое превышала ее, так сказать, удельный вес. Но даже и тогда она едва достигала 1 % забот, а остальные 99 % были связаны с внутренними проблемами.

Это положение – основные заботы нового военного министра Англии были связаны с Англией – можно проиллюстрировать наглядным примером. Черчилль должен был официально вступить в должность 9 января 1919 года. А 8 января толпы солдат, требующих немедленной демобилизации, подошли к Уайтхоллу – улице в самом центре Лондона, ведущей от парламента через Чаринг-Кросс к Трафальгарской площади. Она вся утыкана зданиями министерств, и само понятие «Уайтхолл» символизирует правительство Великобритании. В этом смысле оно было бы эквивалентно русскому слову «Кремль» – если бы только московский Кремль не совмещал в себе еще и английский Тауэр, старинную крепость столицы.

Уайтхолл от города Лондона стенами не отделен, и, надо полагать, городская полиция в тот январский день 1919 года об этом искренне сожалела.

Как бы то ни было, разбираться с ситуацией пришлось не министру внутренних дел, а военному министру Уинстону Черчиллю, который, кстати, на свой пост вступал только на следующий день. Что его не смутило.

Он вызвал к себе генерала Филдинга. По должности генерал был «*Commanding Officer of the London District*», что по-русски, вероятно, звучало бы как «*военный комендант Лондона*». Между ними состоялся следующий разговор.

Черчилль: «*Какие войска имеются в вашем распоряжении, генерал?*»

Филдинг: «*Батальон гвардии и три эскадрона Собственной Его Величества Кавалерии*».

Черчилль: «*Они надежны?*»

Филдинг: «*Надеюсь, что да*».

Черчилль: «*Можете вы арестовать мятежников?*»

Филдинг: «*Я не уверен*».

Черчилль: «*У вас есть какие-нибудь другие предложения?*»

Филдинг: «*Никаких других предложений нет*».

Черчилль: «*В таком случае – арестуйте мятежников*».

IV

Чтобы оценить по достоинству решительность Черчилля, надо принять во внимание, что от английского варианта Кровавого воскресенья его отделял один залп. К счастью, обошлось без выстрела. Однако храбрость – только одна сторона дела. Для разрешения проблемы недовольства армии нужны были не только решительные меры пресечения, но и устранение самой причины недовольства. Люди должны понимать, что правительство – это ИХ правительство, и власть свою использует рационально и в их интересах.

12 мая, через четыре дня после лондонского мятежа и через три дня после вступления в полномочия главы военного министерства, Черчилль опубликовал план схемы, по которой будет проходить демобилизация.

Она базировалась на возможности скорейшего трудоустройства – солдат, имеющий предложение на работу, уходил из армии немедленно, ему для этого достаточно было только предъявить соответствующую справку от работодателя. Срок уже пройденной службы значения не имел – солдат, призванный в армию всего четыре месяца назад, в этом случае увольнялся точно так же, как и тот, кто отслужил четыре года и прошел всю войну.

Немедленной демобилизации подлежали военные старших призывных возрастов – сорокалетние и старше.

Все солдаты, ушедшие в армию добровольцами, то есть до введения в 1916 году призыва, демобилизовывались первыми, до своих товарищей-призывников. Предпочтение в очередности отдавалось тем, кто имел ранения.

Честность и прозрачность схемы увольнения с военной службы были признаны моментально и повсеместно, напряжение в армии значительно спало. Что интересно: практически одновременно с программой быстрой демобилизации Черчилль предложил правительству и план быстрой мобилизации, вплоть до достижения цифры в 1 миллион военнослужащих, для обеспечения комплектования Рейнской оккупационной армии в Германии. Эту меру сквозь бюрократические и политические препоны ему пришлось буквально пробивать. Сам премьер Ллойд Джордж поначалу был резко против – 21 января он позвонил Черчиллю из Парижа, где проходила конференция держав по установлению условий мира с Германией, и сказал ему, что ввиду полной демобилизации германской армии сохранение призыва в Англии – полный абсурд.

Черчилль выговора не принял и немедленно вылетел во Францию. Он побеседовал с Ллойд Джорджем за обедом, представив ему детальные выкладки, на основе которых он и принял решение о размерах оккупационной армии, необходимых для ее успешной деятельности, и к концу обеда получил полное согласие премьера.

План демобилизации тем временем начал осуществляться, и с большим успехом – к концу января из армии было уволено 950 тысяч человек.

Но 31 января в Кале вспыхнул мятеж – 5000 солдат, направленных из Англии во Францию по предыдущим военным планам, отказались выполнять приказы и требовали немедленного возвращения домой и демобилизации.

С беспорядками справился командующий английскими войсками во Франции генерал Хейг. Но Черчиллю пришлось вмешаться еще раз – на этот раз для того, чтобы предотвратить расстрел зачинщиков. Хейгу было объяснено, что поскольку мятежники никого не убили и дело закончилось без кровопролития, *«применение смертной казни в мирное время не будет поддержано публикой»*.

Генерал Хейг полагал, что требования дисциплины стоят выше *«поддержки публики»*, но министру своему подчинился и настаивать на расстреле не стал.

В начале февраля 1919 г. Черчилль отверг предложение о выводе английских войск с Дальнего Востока. Они состояли всего из 1000 человек и были заняты службой по охране складов английского военного снаряжения, которое поставлялось России через Владивосток. Отказ был делом вполне разумным – он объяснил своему подавшему это предложение сотруднику, что вывод этих нескольких сот английских военных из русских дальневосточных портов существенно затруднит все и без того нелегкие интендантские задачи белых армий в Сибири, и дело того не стоит. Однако инициативы Черчилля, связанные с *«активизацией действий английских войск в регионе рек Двины и Онеги»*, разумными признать трудно. В Сибири на стороне белых действовала армия Колчака с номинальной численностью под 200 тысяч человек. На юге армия Деникина имела похожую численность. Но на севере силы белых не превышали 10 тысяч, дорог там не имелось, что-то делать англичане могли только на воде, при поддержке канонерок, а солдаты их белогвардейских союзников непрерывно дезертировали или просто переходили на сторону красных.

Попытки Черчилля уговорить Деникина согласиться на совместные действия с новой Польшей или убедить Ллойд Джорджа отправить 500 тысяч бывших русских военнопленных, освобожденных в Германии и в Австрии, не просто домой в Россию, а в распоряжение белых военных властей в Сибири и на юге России с целью формирования из них боевых частей говорят скорее о богатой фантазии, чем о трезвом суждении. Если уж английским солдатам война надоела до такой степени, что их бунты надо было подавлять военной силой, то что говорить о русских военнопленных, которым вместо репатриации предлагалось снова идти на войну, в защиту старого режима? Конечно, из этого ничего не вышло. Но, как бы то ни было, *«русская проблема»* для Черчилля вскоре и вовсе отошла на задний план.

Ее заслонила ирландская.

V

В 1877 году дед Черчилля, герцог Мальборо, был направлен в Ирландию в качестве вице-короля. Он взял с собой лорда Рэндольфа, а тот прихватил и трехлетнего Уинстона. Детей в английских аристократических семьях учили ездить верхом с раннего детства, но Уинстон был еще слишком мал даже для пони. Тем не менее, лорд Рэндольф нашел выход из положения, и мальчика посадили на ослика. Что обычно смирному ослику взбрело в голову, сказать невозможно, но он вдруг начал брыкаться, маленький Уинстон слетел с него и в итоге получил сотрясение мозга.

Впоследствии он приводил этот эпизод как «*свое первое знакомство с особенностями ирландской политики*» – и, по-видимому, шутил только наполовину. Ибо ирландская политика в 1919 году переживала бурные времена.

Ллойд Джордж в конце 1918 года провел парламентские выборы.

Состав парламента после выборов оказался довольно странным и заслуживает отдельного рассмотрения. Партия консерваторов раскололась на две части – «коалиционных» консерваторов, стоящих за сотрудничество с либералами, и просто консерваторов, сотрудничество это отвергавших.

В парламенте оказалось 332 сторонника коалиции и 47 ее противников.

Либеральная партия тоже раскололась на сторонников Ллойда Джорджа, желавших продолжать коалицию с консерваторами, и сторонников Асквита, коалиции не желавших. В итоге группа сторонников Асквита получила 36 мест, а Ллойд Джорджа – 127.

Лейбористы завоевали 57 мест из 361, на которые они претендовали.

Ллойд Джордж победил – его коалиция либеральной и консервативной партий одержала внушительную победу над лейбористами и отколовшимися «асквитовскими» либералами, возглавляемыми в парламенте бывшим премьером Асквитом.

Более того, несмотря на то, что его собственная фракция в парламенте уступала консерваторам в его коалиции больше чем вдвое, премьером избрали именно его. Лидер консерваторов Бонар Ло был прекрасным человеком, но соревноваться с Ллойдом Джорджем как политик просто не мог. Тот был слишком яркой личностью – его не зря называли «*валлийский колдун*».

Однако наибольший всплеск после выборов произвели не лейбористы, не либералы и не консерваторы, а 73 депутата от ирландской партии Шин Фейн – они объявили, что не признают заседающего в Вестминстере (как по установившейся в русском языке традиции называют «Westminster»), а образуют собственный, ирландский парламент с местопребыванием в Дублине. Иными словами, они откалывали Ирландию от Великобритании, причем настолько радикально, что даже себя они называли не парламентом, а «Ирландской Ассамблеей» – «Assembly of Ireland» (или «**Dail Eireann**» на старинном ирландском наречии, которое они изо всех сил старались возродить).

В сущности, все это было не так уж и неожиданно – в 1916 г. в Дублине случилось ни много ни мало как вооруженное восстание. Его подавили, и руководители восстания были повешены, но ситуация в Ирландии лучше не стала. В 1916 г. вместо старой системы набора в армию по найму в Великобритании ввели призыв – меру, весьма непопулярную повсеместно.

Когда весной 1918 г., в преддверии ожидаемого германского наступления, призыв попытались ввести и в Ирландии, это вызвало огромное и массовое недовольство. Теперь дело не ограничивалось одним только Дублином. Теперь недовольство охватило всю южную часть «*второго острова Джона Булля*» – как иной раз называли Ирландию в отличие от Британии, так что поведение делегатов от Шин Фейн было в известной мере предсказуемым.

Что при этом следовало делать новому британскому кабинету, возглавляемому Ллойдом Джорджем, личностью весьма неординарной, да еще при наличии в составе кабинета военного

министра по имени Уинстон Черчилль, с решительным характером которого мы уже в известной степени знакомы, оказалось вопросом открытым.

Выбор был широк – от переговоров до гражданской войны, с целью *«подавления ирландского мятежа»*.

Черчилль предлагал примерно тот же набор мер, что и тот, который он использовал при беспорядках в армии: твердый ответ, восстанавливающий авторитет правительства, а потом – переговоры с целью установить честные правила, которые будут признаны справедливыми обеими сторонами конфликта. В январе 1919 года Ирландская Ассамблея провозгласила Ирландию независимой республикой. 21 января было совершено нападение на конвой Королевской ирландской полиции (Royal Irish Constabulary), и два констебля были убиты. Теперь уже никакого выбора не было, события обогнали решения правительства.

В Ирландии началась партизанская война.

VI

По извечной своей привычке совать нос в дела, не входящие в сферу ответственности того министерства, которым он в данный момент управлял, Уинстон Черчилль в 1919–1920 годах занимался доброй полудюжиной проектов, имевших весьма косвенное отношение к его прямым обязанностям. Ну, скажем, после того, как последние британские войска были выведены из России и материальная поддержка белых армий была Англией прекращена, он сделал все возможное, чтобы помочь Польше в ее войне с Советской Россией. Помимо оказания ей помощи оружием, заводил даже разговоры о посылке туда группы английских добровольцев-инструкторов. Французы в этом смысле были с энергичным военным министром Великобритании вполне солидарны и сами делали то же самое, только более действенно, потому что Черчилль в Англии был одинок, а во Франции идея организации «Малой Антанты», состоящей из Румынии и из новообразованных европейских государств, вроде Чехословакии и Польши, стала делом государственной политики. На военные действия в Ирландии – которые в наши дни называли бы «восстановлением конституционного порядка», будь у Англии записанная на бумаге конституция – он непосредственно не влиял, войну вели в основном части вспомогательной полиции, но вот политическим аспектом проблемы интересовался очень активно. Он полагал, что дело надо урегулировать на основе какого-то взаимоприемлемого договора, потому что, во-первых, все это стоило казне очень дорого, а во-вторых, серьезно отравляло отношения с американцами с их огромной ирландской общиной. Американские ирландцы были главным источником политической и материальной поддержки партии Шин Фейн, стоявшей за ирландскую независимость, и ненависть к Великобритании в их среде начинала носить уже просто ритуальный характер.

Наконец, Черчилль озаботился проблемами переустройства Ближнего Востока. Во время войны англичане и французы заключили тайное соглашение о разделе турецких провинций, согласно которому Франции доставалась «большая Сирия», а Англии – Палестина и Месопотамия. Соглашение было проведено в жизнь под довольно формальным юридическим прикрытием – Англия и Франция получали эти свои доли в турецком наследстве не как колонии, а как так называемые «подмандатные территории», мандат на управление которыми им выдала Лига Наций.

И оказалось, что в условиях послевоенной нехватки и войск, и денег территории эти становились все больше и больше не захваченным призом, а тяжелым грузом – там постоянно шли мятежи, и что с ними делать, было совершенно непонятно. К тому же возникали непрерывные трения с французами – во время войны англичане обещали восставшим против турок арабам независимое арабское государство. Но когда в Дамаск вошли бедуины повстанческой армии эмира Фейсала, французы выставили их оттуда без всяких церемоний. Это была не единственная проблема – в надежде получить поддержку своих военных усилий в Америке англичане произвели на свет документ, называемый Декларацией Бальфура, по которому обещали помочь евреям создать в Палестине свой «национальный очаг». Теперь, когда война окончилась, оказалось, что обещания, данные французам, арабам и евреям, противоречат друг другу – эмир Фейсал считал, что Палестина входит в обещанное ему арабское государство.

Все эти проблемы служили источником серьезной головной боли, и главные деятели правящей в Англии коалиции: Ллойд Джордж, канцлер Казначейства Остин Чемберлен и военный министр Уинстон Черчилль – вынуждены были их обсуждать чуть ли не на еженедельной основе. Черчилль предлагал создать специальный департамент по Ближнему Востоку, который мог бы в централизованном порядке разбираться со всем перепутанным клубком ближневосточных проблем, а вместо создания специального министерства включить этот департамент в Министерство колоний.

Меру эту, надо сказать, его коллеги нашли разумной, и в итоге в конце 1920 года Ллойд Джордж сделал Черчиллю предложение – оставить военное министерство и взять на себя Министерство колоний.

Черчилль согласился.

В начале января 1921 года он оставил свой пост в Военном министерстве, а в обмен получил полномочия государственного секретаря по делам колоний – по-английски эта должность именовалась «*Secretary of State for the Colonies*».

Он становился теперь чем-то вроде британского проконсула.

VII

В воскресенье 6 февраля 1921 года Черчилль был гостем Ллойд Джорджа в Чеккерс, просторном сельском доме, месяц назад подаренном правительству Великобритании лордом Ли, виконтом Файрхэмом. Лорд был видным политиком, человеком богатым и просвещенным, одно время занимавшим должность Первого Лорда Адмиралтейства, и подарок свой он сделал не лично Ллойд Джорджу, а всем будущим премьерам Англии в качестве их загородной резиденции.

Черчиллю дом понравился. Он даже написал об этом жене и предположил, что однажды и она будет там хозяйкой.

Разговор же с Ллойд Джоржем был сугубо деловым, и касался он поездки Черчилля на Ближний Восток с ознакомительной миссией. Британская империя была очень сложным агрегатом, состоящим из чрезвычайно разных компонентов. Скажем, понятие «*колония Британской империи*» не распространялось на самоуправляемые доминионы, вроде Австралии или Канады, которые имели собственные правительства и парламенты и в состав Британской империи входили на базе родства, как входят в семью взрослые, живущие своим домом дети. Индия управлялась отдельно, для нее было создано специальное министерство, не являвшееся частью министерства колоний.

Колонии, в свою очередь, делились на категории – подмандатных территорий вроде Палестины, просто колоний вроде Родезии и как бы независимых государств вроде Египта, которыми фактически управлял, однако, британский министр-резидент. Ну и наконец, были территории с неясным статусом, например, север Месопотамии, на который претендовали турки. Была еще и Ирландия. Она могла бы легко получить статус доминиона, но раскол ирландских партий по этому вопросу сделал введение самоуправления невозможным. Протестанты-юнионисты не хотели выходить из состава Великобритании вообще, а католики, поддерживающие Шин Фейн, стояли за полную независимость.

Новый министр колоний Уинстон Черчилль для своей ознакомительной поездки направлялся в Каир – совещание с британскими чиновниками администраций Палестины и Месопотамии он собирался устроить именно там. А пока, перед отъездом, он настойчиво рекомендовал Ллойд Джорджу две вещи: настаивать на введении самоуправления в Ирландии и оставить попытки помочь грекам в их стремлении отнять у турок часть Малой Азии.

Поездка в Каир планировалась на март 1921 г., но до этого Черчилль успел съездить в Париж. Там открылась выставка малоизвестного художника, имя которого было Шарль Морин – Charles Morin. Черчилль интересовался его работами по довольно понятной причине – под этим именем выступал он сам, и выставка была для него первой попыткой показать свою живопись публике.

Ну, грандиозного успеха не получилось, но он был доволен. Выставка – тоже своего рода способ отвлечься и отдохнуть.

Каирская же конференция оказалась делом весьма плодотворным.

В запутанных арабских делах Черчилль ориентировался хорошо – его советником был сам знаменитый Лоуренс Аравийский, который в качестве английского военного агента арабским восстанием и руководил.

Очень помогла советом и Гертруда Белл. Об этой даме впору писать отдельную книгу. Она была археологом, много путешествовала по Ближнему Востоку, хорошо владела арабским и фарси, свободно говорила по-французски и по-немецки, превосходно разбиралась в местной политике и была, вероятно, единственной женщиной своего времени, имевшей официальную должность «*офицера связи, приписанного к каирскому бюро британской дипломатической службы*».

Ведомство это и разведкой занималось очень активно, и услуги мисс Гертруды Белл ценило очень высоко.

С таким аппаратом советников Черчилль и взялся за дело переустройства британских подмандатных территорий. Они располагали глубокими и точными сведениями о местных делах, а Уинстон Черчилль – фантазией, распорядительностью и властью.

Римские проконсулы в принципе имели право двигать войска и объявлять войны – ну, если войны были не слишком большие и могли сойти за *«подавление местных беспорядков»*.

Черчилль в качестве государственного секретаря по делам колоний обладал в 1921 году властью пошире проконсульской, и использовал он ее без колебаний.

Он создавал королевства. На что римские проконсулы, право же, не покушались.

Росчерком пера Черчилль создал Королевство Ирак.

Эта странная конструкция объединяла в одном государстве три малосочетаемых элемента: арабов-суннитов, живущих вокруг Багдада, арабов-шиитов, живущих вокруг Басры, и курдов-суннитов, живущих в районе Мосула. Зато решались две насущные проблемы: во-первых, королем новой страны делался английский союзник Фейсал, который, таким образом, получал Багдад вместо Дамаска, во-вторых, недавно открытая в Мосуле нефть получала естественный выход к мировым рынкам через порт Басры.

А поскольку надо было куда-то пристроить и младшего брата Фейсала Абдаллу, то Черчилль разделил подмандатную территорию Палестины на две части и одну из них, восточную, отдал Абдалле в качестве так называемой Трансиордании, которая с течением времени оформилась как эмират.

Строго говоря, раздел Палестины был оформлен через Foreign Office, МИД Англии, тогдашним министром иностранных дел лордом Керзоном, но измыслил и протолкнул идею именно Черчилль.

23 марта 1921 года Черчилль выехал из Каира в Иерусалим. Англичане не даром потратили время с тех пор, как в 1918 году генерал Алленби взял Иерусалим. В 1921 году, когда новый министр колоний посетил Каир, была уже устроена железная дорога из Египта до Палестины.

В Иерусалим Черчилль отправился поездом.

VIII

В 1901 году вышла пьеса Б.Шоу «Цезарь и Клеопатра». В то время Европа все еще представляла собой единое целое, так что к 1909 году пьеса была поставлена и в Петербурге, а тот факт, что ее английский автор для консультаций воспользовался трудами знаменитого германского историка Теодора Моммзена, казался делом само собой разумеющимся.

Это немецкая публика рассматривала его работы о Римской империи как пророчества будущности новой империи, на этот раз – Германской. Всем прочим, и русским, и англичанам, они казались просто превосходно написанными историческими сочинениями.

Своего Цезаря Шоу писал по Моммзену, которым восхищался. Но Шоу не был бы самим собой, если бы он не внес в рисуемый им образ щепотки иронической соли. Пьеса кончается тем, что великий Цезарь, успешно выпутавшись из всех интриг египетской политики и одержав очередную блестящую военно-дипломатическую победу, готовится к отплытию домой.

Его ждут на пристани Александрии приближенные, но его все нет и нет.

А между двумя второстепенными персонажами происходит следующий разговор.

Бельзенор: *Поистине удивительный муж, этот Цезарь! Скоро он будет здесь, как ты думаешь?*

Аполлодор: *Когда я уходил, он только что взялся улаживать еврейский вопрос.*

Из чего косвенно вытекает, что вопрос этот тянется уже очень долго и что Цезарь взялся за патентованно безнадежное дело. Шоу прекрасно чувствовал театр – сценка устроена с тем расчетом, что зал в этом месте начнет смеяться.

Пьеса замечательная, почитайте, очень рекомендую.

Однако должен заметить – вопроса не решил даже Цезарь. Впрочем, министру колоний Британской империи Уинстону Черчиллю повезло с решением этого вопроса ничуть не больше.

В Иерусалиме арабские нотабли обратились к нему с настойчивой просьбой немедленно прекратить еврейскую иммиграцию в Палестину, а еврейские уполномоченные не менее настойчиво просили эту иммиграцию не трогать. Заодно они попросили Черчилля посадить символическое дерево на горе Скопус – они собирались заложить там свой университет.

Дерево там он действительно посадил, но это было его единственное положительное достижение в Палестине. Представители арабской общины сказали ему, что *«если они окончательно откажутся добиться справедливости от Великобритании, они обратятся за содействием к Германии или даже к России»*.

Тогда, в 1921 году, это выглядело как чистая фантастика, украшенная цветами восточного красноречия. В России догорала Гражданская война, ей было не до далекой Палестины. Германия голодала в удавке английской морской блокады вплоть до подписания ею в 1919 году Версальского договора, лишившего ее и колоний, и флота – так что Черчилль вряд ли отнесся серьезно к их словам. Даже он не мог знать, чем все это обернется...

В общем, поездка в Иерусалим оказалась неудачной.

С Ирландией, однако, повезло больше. Он долго уговаривал Ллойд Джорджа согласиться на объявление перемирия с Шин Фейн, и в июле 1921 года оно было действительно заключено. 11 октября 1921 года в Лондоне начались переговоры между британской и ирландской делегациями. Англию представляло семь человек, и одним из них был Уинстон Черчилль.

6 декабря 1921 года *«Англо-Ирландское Соглашение»* было подписано.

Днем позже Черчилль предложил кабинету помиловать ирландских террористов, сидевших в английских тюрьмах в ожидании казни. Он сказал, что война окончена:

«Теперь мы становимся союзниками и партнерами и устанавливаем мир между двумя нашими народами и двумя нашими островами».

Задачу провести *«Соглашение»* через очень скептически настроенный парламент Ллойд Джордж поручил Черчиллю.

По договору Ирландия разделялась на Ольстер, с протестантским большинством, остающимся в составе Великобритании, и собственно Ирландию, получающую полное самоуправление, но сохраняющую некоторые связи с бывшей метрополией и разрешающую использование ее юго-западных атлантических портов Королевскому Военно-Морскому Флоту.

Зимой 1921 г. Черчилль начал еще один обширный проект, на этот раз не политический, а чисто личный – он задумал написать историю Первой мировой войны. Он взялся за работу со всем своим пылом, и в течение едва ли не 10 месяцев 1922 года его не отвлекали от нее даже непрерывные стычки в Ирландии между фракциями, лояльными к заключенному соглашению, и теми, кто его не принимал, интенсивностью временами сильно напоминавшие гражданскую войну. Но 19 октября 1922 года политическая ситуация в Англии резко изменилась.

В этот день над правительством Дэвида Ллойд Джорджа грянул гром.

Политические качели на английский лад (1922–1932)

I

Черчилль впоследствии говорил, что *«в конце 1922 года остался без места в правительстве, без места в парламенте, без политической партии и без аппендицита»*.

И все перечисленное – если не считать аппендицита – он потерял 19 октября 1922 года. В этот день члены парламента, консерваторы, входящие в правительственную коалицию и собравшиеся в клубе «Карлтон», решили, что из коалиции они выходят. Дискуссия была жаркой, и «гранды» коалиции – например, Остин Чемберлен – уговаривали их не горячиться.

В консервативной партии он пользовался большим уважением – после того, как Бонар Лоу отказался от поста лидера консерваторов в палате общин, консерваторы выдвинули на освободившееся место именно Чемберлена.

Но сейчас он ничего не мог поделать – в партии произошел настоящий бунт рядовых депутатов, так называемых «заднескамеечников», которые требовали немедленного расторжения соглашения с либералами о коалиции.

Как все на свете, их бунт имел причины. Консерваторы в целом были страшно недовольны англо-ирландским соглашением, заключенным в основном усилиями либералов, таких, как Черчилль. Консервативная фракция палаты лордов требовала немедленного «развода».

К тому же всплыли разные неприятно пахнущие истории, связанные с личными делами Ллойд Джорджа. Дело было в том, что любой премьер-министр в силу своей должности имел «право патронажа» – он мог представлять королю на утверждение списки людей, которых, по его мнению, следовало бы наградить пожалованием от Короны: либо «званием рыцаря» – «kighthood», что давало награжденному право именоваться «сэром», либо наследственным титулом, возводящим его обладателя в пэры – «peerage» – с правом называться «лордом» и с гарантированным местом в палате лордов. Списки, представленные премьером, по заведенной издавна традиции утверждались монархом без дальнейшего обсуждения.

Попасть в такие списки было высокой честью, и издавна существовала еще одна традиция – как следует эти списки составлять.

В них включали людей выдающихся, добившихся в своей профессии значительных успехов либо оказавших правительству и государству какую-то крупную услугу, политическую или даже финансовую.

Крупные филантропы всегда могли рассчитывать получить титул в обмен на свою щедрость.

Так вот, Ллойд Джордж, человек большой изобретательности, решил, что пожертвования значительных сумм ему лично тоже могут рассматриваться как *«услуги правительству»*.

Что интересно – технически закон не был нарушен, потому что до сих пор никому ничего подобного в голову не приходило.

Остин Чемберлен был человеком чести. Ллойд Джорджа он не одобрял, возможно, еще больше, чем его коллеги-консерваторы с задних скамей парламента. Но он считал необходимым *«поставить интересы страны выше интересов партии»*. К чему расторгать коалицию, если можно договориться с партнерами по коалиции, либералами, о том, что либералы сами сменят своего партийного лидера? Вполне возможно, что он договорился бы обо всем с руководством либералов и сам, но говорить ему было в тот момент не с кем. Ллойд Джордж по понятным причинам сам себя свергать не хотел, а второй человек в партии, Уинстон Черчилль,

во-первых, мог и не захотеть ставить своего премьера в безвыходное положение, во-вторых, даже если бы и захотел, то не смог бы физически – он лежал в больнице с острым аппендицитом, и как раз накануне, 18 октября 1922 года, ему сделали операцию по его удалению.

В итоге консерваторы-заднескамеечники победили – коалиция была расторгнута. 23 октября Ллойд Джордж подал королю прошение об отставке, и были назначены новые общие выборы.

Тут надо отметить еще два дополнительных обстоятельства:

1. «Мятеж» рядовых членов фракции консерваторов против их руководства организовал некто Стенли Болдуин, секретарь прежнего лидера партии Бонара Лоу.

2. Остин Чемберлен не уступил своим коллегам по вопросу, который он считал принципиальным, и ушел с поста лидера консервативной партии в палате общин, хотя этот пост сам по себе в то время практически гарантировал ему место премьер-министра. В результате лидером, а потом и премьером стал Бонар Лоу.

Своим заместителем в партийном руководстве он сделал Стенли Болдуина. А став премьер-министром, его же и назначил на пост министра финансов, по традиции – второй по значению и иерархии после самого премьера.

Стенли Болдуин сделал большой *шаг вверх*.

II

По своему расположению в спектре британской политики 1922 года либеральная партия занимала место *«благоразумного центра»*. Выборы, назначенные на ноябрь, поставили ее в тяжелое положение – ее атаковали с обоих флангов, и справа, и слева. Если консерваторы ставили правительству в вину компромиссное соглашение с Ирландией, то лейбористы – воинственную политику и вмешательство Ллойд Джорджа в греко-турецкий конфликт, в чем лейбористы видели *«имперские наклонности»*.

А найти человека более воинственного, чем Черчилль, и со столь явно выраженными имперскими наклонностями было невозможно – он был министром колоний и занимался империей просто по должности. В его избирательном округе Данди, расположенном на севере страны, Уинстона Черчилля крыли последними словами, тем более, что поначалу он не мог защищаться или даже просто принимать участие в избирательной кампании – он был все еще в больнице.

Встречаться с избирателями пришлось его верной супруге Клементине – это ей надо было исполнять все положенные по уставу ритуалы демократии, вроде встреч с рядовыми избирателями, выступлений на митингах и пожимания рук – непрерывный процесс, останавливаемый на минутку только для раздачи поцелуев младенцам.

Черчилля обвиняли в том, что он наделал ошибок под Дарданеллами, *«отправив наших мальчиков на убой»*, а также в том, что он *«попытался удушить в колыбели первую в мире страну, управляемую рабочими»*.

Это второе обвинение охотно тиражировали в советской прессе, но не в 1922 году – было не до английских выборов, а позднее, когда клеймился британский империализм.

Клементина рисовала супруга *«добрым ангелом»*, чему в ее глазах немало способствовало его круглое лицо – по крайней мере, так она ему не без юмора писала. О том, что ее освистали, увидев на ней нитку жемчуга, она не сообщала – наверное, не хотела расстраивать. Мы знаем об этом происшествии не от нее, а из дневника некоего Спирса, местного сотрудника избирательной кампании Черчилля. Он сообщил, что женщины-избирательницы при этом даже плевались...

В итоге выборов консерваторы получили 344 места в парламенте, а либералы (обе фракции) – только 115 из тех 485 округов, где они выставляли своих кандидатов. Лейбористы опередили их и вышли на второе место, со 142 местами.

Черчилль выборы проиграл. Он умудрился пройти все те избирательные митинги, в которых он, сменив наконец жену, все-таки поучаствовал, и при всем свисте и криках *«Долой!»* удержать полное равновесие духа.

Сорвался он один-единственный раз – когда ему в очередной раз крикнули из зала: *«Как насчет Дарданелл?»*, он ответил:

«Что вы знаете о Дарданеллах? Это могло сократить войну на год или два и спасти миллионы жизней. Я горжусь этим делом...»

Зал на минуту притих, но переломить настроение на митинге Черчиллю не удалось. Он по количеству собранных голосов показал четвертый результат по округу среди четырех кандидатов. С точки зрения прессы – результат был безнадежный.

В 1922 году в ноябре ему исполнилось 46 лет. К этому времени он успел побывать в правительстве Асквита на трех министерских постах: министра внутренних дел, министра военно-морского флота и на пустой синекуре – министерской должности *«канцлера герцогства Ланкастерского»*, с которой он ушел в армию командовать батальоном. В следующем правительстве, у Ллойд Джорджа, он последовательно занимал должности министра вооружений, военного министра и министра колоний.

У него за плечами был парламентский опыт, начинавшийся с 1900 года.

С 1911 и по 1922-й (с перерывом в 1915–1916 гг. после краха операции в Дарданеллах) неизменно входил в число тех пяти или шести людей, которые определяли весь ход правительственных дел. Если говорить не о правительстве в целом, а только о либеральной партии, Черчилль с 1918 и по 1922 год мог считаться вторым человеком – сразу после Ллойд Джорджа.

Он похоронил мать, которая в 67 лет скончалась от гангрены в сломанной ноге, и маленькую дочь. В 1922 году у него родилась другая дочка, которую он и Клементина назвали Мэри, и купил себе *«деревенский дом»* – на самом деле что-то вроде небольшой усадьбы в Кенте – под названием Чартуэлл. Жена страшно беспокоилась по поводу покупки – дом был большим, и его содержание должно было стоить существенных денег, которых в наличии у семьи Черчиллей не было. Уинстон успокаивал супругу и говорил ей, что беспокоиться не о чем. Деньги – пустяки, он всегда сможет заработать на жизнь журнализмом. Теперь, совершенно неожиданно лишившись министерской должности, оказавшись в политической партии на грани полного краха, а заодно и проиграв выборы в парламент, он задумался и решил, что пока что с него хватит.

Уинстон Спенсер Черчилль взял себе длинный отпуск.

III

Про нового премьера Бонара Лоу говорили, что он *«выскочил между двух стульев»*, что было ловкой перелицовкой идиомы, известной и в английском языке – *«сесть между двух стульев»*. Шутка заключалась в том, что как бы менялось направление движения – не вниз и с грохотом, а вверх и внезапно. Одним из этих *«стульев»*, бесспорно, был Остин Чемберлен, по поводу второго можно только гадать. Бальфур? Керзон? В консервативной партии хватало авторитетных политиков, и даже то, что кое-кто из них носил титул лорда и поэтому не мог сам заседать в палате общин, необязательно было непреодолимым препятствием – работу с парламентом можно было поручить другому лицу, а самому сосредоточиться только на правительственной деятельности.

Как бы то ни было, Бонар Лоу через несколько месяцев после вступления в должность сдал ее своему заместителю Болдуину – здоровье уже не позволяло ему работать. Он вскоре умер, оставшись в английской истории в качестве *«неизвестного премьера»*, что тоже своего рода шутка – калька с выражения *«неизвестный солдат»*.

Сменил его Стенли Болдуин, тоже человек сам по себе не слишком авторитетный. У него не было опыта работы в правительстве. Уже в январе 1924 г. он нарвался на вотум недоверия, вынесенный ему палатой общин, и должен был передать свой пост премьера Р.Макдональду, лидеру лейбористов. В первый раз за всю историю Англии к власти пришла рабочая партия, но уже в октябре 1924 г. их правительство пало – в немалой степени благодаря *«Письму Зиновьева»*. Письмо это содержало подробные инструкции Коминтерна о том, как рабочим следует готовиться к захвату власти в Англии.

Текст письма, скорее всего, был фальшивкой, но эффект его публикации оказался сильным.

Черчилль между тем, после шестимесячного перерыва во всякой своей политической деятельности, снова начал предпринимать попытки попасть в парламент.

В его старый избирательный округ в Данди не было смысла и обращаться, но у него были другие возможности. Тут дело в том, что английская система выборов в парламент имеет одну особенность: кандидату не обязательно жить в том округе, который он хотел бы представлять. В Америке это не так. Выставить свою кандидатуру на выборах в Конгресс может только человек, живущий в данном избирательном округе – или в данном штате, если речь идет о выборах в Сенат. В Англии же у Черчилля был широкий выбор – избирательных округов было много, и они были открыты для любого кандидата. Второе благоприятное для него обстоятельство заключалось в том, что партии в Англии куда дисциплинированнее американских, и партийное руководство всегда могло подобрать нужному человеку такой округ, где его шансы на избрание были бы максимальны.

А Черчилль был нужным человеком. Либералы как политическая партия сходили со сцены, это было совершенно очевидно, и их выдающиеся деятели могли послужить ценным приобретением для победителей, в данном случае – консерваторов. Проблема – а в случае с Черчиллем без проблем дело не обходилось никогда – была в том, что он в свое время, в 1904 году, перешел из партии консерваторов в партию либералов и министерскую карьеру делал именно в сформированных либералами правительствах Асквита и Ллойд Джорджа. Рядовые депутаты от консервативной партии питали к нему глубокое недоверие, и поношение *«изменника и перебежчика»* было в их рядах прямо-таки ритуалом.

«Гранды» партии смотрели на дело совершенно по-иному. Бальфур говорил, что *«надо сделать все возможное для того, чтобы человек столь блестящих дарований присоединился к консерваторам»*.

Черчилль, в принципе, был готов это сделать. Но он был политик, ходы свои рассчитывал и портить себе репутацию резким разрывом с либералами не хотел. В итоге он пошел на выборы как независимый кандидат, имея, однако, договоренность с лидерами консерваторов о том, что они кампанию против него вести не будут.

Консерваторы свои обязательства перевыполнили. Под Лондоном имелся избирательный округ Эппинг, весьма консервативный. Черчилль там свою кандидатуру и выставил как «независимый», а лидеры консерваторов намекнули своим сторонникам, что выдвижение в Эппинге другой кандидатуры, скажем, от собственно консервативной партии, было бы нежелательно.

Черчилль держался на платформе *«всеобщего единения всех здоровых сил страны перед угрозой социализма»*, воплощенного в партии лейбористов, – то есть против консерваторов больше не выступал, а как бы призывал бывших избирателей-либералов голосовать «вправо».

11 сентября 1924 года, выступая в Шотландии, в Эдинбурге, на митинге консерваторов – впервые после 1904 года, – Черчилль сказал про лейбористов, что их политика сближения с Советской Россией и займ, выделенный лейбористским правительством Макдональда, для него неприемлемы:

«...Наш хлеб – змее большевизма, наша помощь – иностранцам, наши услуги – социалистам всего мира, не имеющим отечества, но братским странам за океаном, говорящим на нашем языке, от дружбы с которыми зависит вся будущность нашего острова и нашего народа – им только холодные камни безразличия и пренебрежения».

На платформе рядом с ним – не на условной политической платформе, а на совершенно конкретной и материальной платформе избирательного митинга – стояли Бальфур, лорд Карсон, сэр Роберт Хорн, люди в консервативной партии авторитетные и уважаемые. Так что на всеобщих выборах, проведенных в конце октября 1924 года, Черчилль победил без всяких проблем.

Консерваторы получили в парламенте 419 мест, лейбористы – 151, либералы – всего 40. Их электорат разошелся кто «влево», кто «вправо». Большинство ушло «вправо», в немалой степени благодаря Черчиллю.

Премьер нового правительства Болдуин пригласил к себе Черчилля для беседы. Черчилль не думал, что ему предложат пост во вновь формируемом кабинете – еще 10 месяцев назад он был для консерваторов политическим врагом и соперником.

Болдуин, однако, его удивил. Он спросил Черчилля, не хочет ли он получить пост канцлера.

«Канцлера герцогства Ланкастерского?» – спросил Черчилль. Эта должность в иерархии министерств стояла в третьем десятке, сразу перед заместителем министра.

«Нет, – ответил ему Болдуин. – Канцлера Казначейства», что означало министерство финансов.

Второе место в кабинете.

IV

Репутация Болдуина в то время, в 1924 г., была невысока. Наиболее примечательной частью его биографии считалось родство с Редьярдом Киплингом – их матери были родными сестрами, так что слово «кузен» в данном случае было не эвфемизмом для обозначения какого-то родства, а просто фактом. Болдуин, кстати, этим фактом очень гордился и говорил о нем при каждом удобном – или неудобном – случае. Политически, однако, он был в начале своего пути величиной невеликой. В Англии в то время был действительно крупный политический деятель – лорд Керзон, тот самый, известный в России по «Линии Керзона» как предполагаемой этнической границе между СССР и Польшей, а также лозунгу с удалого плаката *«Наш ответ Керзону!»*, изображавшего военный самолет, у которого вместо пропеллера красовался увесистый пролетарский кукиш, адресованный лорду.

Так вот, в 1923 году лорд Керзон высказался по поводу Болдуина следующим образом: *«Человек без всякого опыта и при этом совершенно незначительный»*.

Ну, лорд ошибался. Уже потом, позднее, очень его не любивший Остин Чемберлен дал Болдуину определение получше:

«Он создал себе образ простого, совсем не амбициозного человека, серьезного работника, которого в его неблагодарной деятельности политика поддерживает только глубокое чувство долга, человека широкого и свободного ума, который, можно сказать, просвещает в этом смысле партию консерваторов. Но мы знаем его поближе и видим полностью эгоцентричного человека, озабоченного только своим успехом, ловчайшего политика и манипулятора, но без единой собственной идеи в голове, и с удивительным незнанием дел за рубежом, ничего не понимающего в истинном смысле жизни политика – в стремлении к достижению какой-то цели».

Так вот – почему в 1924 году Болдуин по отношению к Черчиллю проявил вдруг такую щедрость?

Как ловкий политик, о своей репутации среди коллег он знал и поэтому решил, что ему надо добавить вес своему кабинету, и что надо иметь в своем ближайшем окружении человека с идеями, и что человек этот должен работать в правительстве охотно и с энтузиазмом, и что искомый человек – это Уинстон Спенсер Черчилль.

Соперничества с его стороны он особо не опасался, потому что в махинациях в парламенте и в формулировании успешной предвыборной стратегии он Черчилля равным себе не считал.

Какие соображения двигали Черчиллем, мы, конечно, сказать не можем.

Но у него были свои серьезные резоны согласиться: всего два года назад он был выброшен с политического ринга, а теперь мог вернуться, и не просто вернуться, а занять важное место, которое однажды занимал его отец. Для Черчилля, человека, как ни странно, сентиментального, сознательно старавшегося повторить путь своего отца к славе, это был факт немало важный.

И он действительно взялся за дело. Описывать его деятельность в деталях в следующие пять лет, вплоть до выборов 1929 г., довольно трудно, потому что надо влезать в особенности банковского и налогового законодательства Англии тех времен, и в приоритеты в распределении правительственных расходов, которые в ту пору существовали, и надо знать структуру долговых обязательств Великобритании – и прочее, и прочее, и прочее.

Мы этого делать не будем. Просто упомянем, что новый министр финансов урезал расходы на флот, чем глубоко шокировал Адмиралтейство, но увеличил расходы на авиацию, чем порадовал армейских летчиков. Сообщим, что Черчилль умудрился уладить вопрос выплаты английских внешних долгов – он убедил Соединенные Штаты, которым Англия была

должна колоссальную по тем временам сумму в один миллиард фунтов стерлингов, рассрочить выплату в зависимости от того, насколько успешно удастся Великобритании получить деньги со своих должников – Франции, Италии и прочих, которые были должны ей вдвое больше, два миллиарда фунтов, и зависели к тому же от выплаты репараций, получаемых с Германии. У него были значительные достижения – например, он сумел провести через парламент законодательство о социальном страховании, которое тщетно пытался протолкнуть министр здравоохранения Невилл Чемберлен, сводный младший брат Остина Чемберлена.

Были неудачи: Черчилль решил держаться политики «дорогих» денег и «золотого стандарта» для фунта стерлингов, хотя его друг, лорд Бивербрук, советовал ему обратное, говоря, что «дорогие» деньги хороши для финансов, но плохи для производства. То же самое говорил Черчиллю и сам основатель «кейнсианства» Кейнс, но Черчилль их не послушал. И оказался неправ.

Но Черчилль проявил себя как замечательный политик в период всеобщей забастовки, остановившей в Англии производство. Он умудрился заменить бастующие типографии, парализовавшие газеты, выпуском правительственной газеты, типографию которой он поставил под охрану военных и в которую он сам редакционные статьи нередко и писал.

Правительство провозгласило лозунг «*Открыты все двери!*», нацеленный на общенациональное примирение. Политический курс – на примирение – разработал Черчилль, и даже лозунг придумал он сам.

Он даже нашел время для парламентских дебатов, и в ответ на реплику министра финансов «теневого кабинета» лейбористов, назвавшего отмену государственной наценки на чай «*взяткой избирателям перед выборами*», с самым невинным видом прочел вслух пламенную речь против этой наценки, в которой говорилось, что она «*выжимает последние соки из несчастных рабочих*». Речь принадлежала его оппоненту – в пылу полемики он забыл, что Черчилль осуществил ту самую меру, которую предлагал годом назад он сам.

Его трехчасовые отчеты парламенту по вопросам сведения бюджета выслушивались в полном напряженного внимания молчании – чисто бухгалтерские вопросы баланса расходов и доходов он преподносил так, что парламентарии собирались на его доклады, как на концерты.

А потом, в 1929 году, случились всеобщие выборы – и консерваторы их проиграли.

V

На выборах 1929 года консерваторы получили всего 260 мест в парламенте, на 152 места меньше, чем имели в 1924 г. Лейбористы обошли их, получив 287 мест вместо 151, которые они имели раньше. Всеобщая забастовка 1926 года и последовавшая за ней безработица ударили по консерваторам очень сильно, и не в последнюю очередь потому, что политика «дорогих» денег, внедренная Черчиллем, сильно ударила по занятости.

Он напрасно не послушал лорда Бивербрука – лорд ему советовал дело. Была предпринята попытка договориться о коалиции консерваторов и либералов – те выступили на выборах сравнительно неплохо, получив 59 мест, на 19 больше, чем в 1924 г. Черчилль даже провел на эту тему переговоры с Ллойд Джорджем – Болдуин думал, что если кто и сможет договориться с Ллойд Джорджем, то только Черчилль.

Но из этого ничего не вышло. Правительство сформировали лейбористы, новым премьером стал их лидер Рамзей Макдональд.

Черчилль со своим братом Джеком уехал в Канаду, планируя оттуда съездить и в Америку. Оба взяли с собой своих сыновей, так что получился как бы долгий семейный отпуск. Тем же лайнером в Канаду плыл и Лео Эмери, и они с Черчиллем долго говорили о прошедших выборах и о будущих перспективах. Черчилль был настроен довольно мрачно – он опасался того, что в Англии сложится парламентский союз лейбористов и либералов, и «тори», то есть консерваторы, останутся в меньшинстве надолго.

Эмери оставил в своем дневнике интересную запись: Черчилль сказал ему, что неудача операции у Дарданелл, случившаяся из-за цепочки непостижимых промахов командования, навела его на мысль, что так было предопределено Провидением. И с улыбкой сказал:

«Дарданеллы могли резко сократить время военных действий, а Господь в мудрости своей этого не захотел, потому что хотел внушить роду людскому к войне глубокое отерячение. А дополнительным доказательством воли Божьей является возникновение Ленина и Троцкого – для которых Ад и был создан».

Эмери записал, что, по его мнению, Черчилль шутил только наполовину.

Черчилль съездил поездом из Квебека в Ванкувер, через всю Канаду, от Атлантики до Тихого океана. Путешествие было предельно удобным – он ехал в частном спальном вагоне, предоставленном ему Чарльзом Швабом, «стальным королем» Америки. Фирма Шваба строила в 1915 г. подводные лодки для британского флота по заказу Черчилля, и Адмиралтейство осталось очень довольным этим сотрудничеством, потому что лодки строились за шесть месяцев вместо четырнадцати, нужных для этого в Великобритании.

Теперь же Шваб снабдил своего гостя «отелем на колесах», где к его услугам была даже радиосвязь.

Из Ванкувера Черчилль отправился в Калифорнию и погостил в доме у газетного магната Херста в Сан Симеоне, под Сан-Франциско.

Жене он написал:

«Херст производит странное впечатление – великолепный замок, набитый произведениями искусства, отобранными по принципу «что попало», огромные доходы, которых ему постоянно не хватает, полное безразличие к общественному мнению, две очаровательные жены, живущие под крышей его резиденции, одна из которых – его законная супруга, а вторая – любовница, и при этом хозяин дома имеет строгую внешность почтенного патриарха-квекера».

Не знаю, как насчет двух жен сразу, но, по-видимому, идея хороших заработков при полном безразличии к общественному мнению в каком-то смысле Черчиллю понравилась. Во вся-

ком случае, он задумался о том, что хорошо бы уйти из политики совсем и заняться литературой и журнализмом.

Он в это время уже начал свою книгу о Джоне Черчилле, первом герцоге Мальборо, и думал об «Истории англо-говорящих народов», и читал лекции, на которых в три месяца заработал в полтора раза больше, чем его потерянное теперь министерское жалование, и даже сговорился было с Чарли Чаплином о том, что Черчилль напишет ему сценарий для нового фильма «Молодой Наполеон».

Было бы интересно посмотреть ленту Чарли Чаплина, где в титрах было бы скромно обозначено имя сценариста – Уинстон Черчилль.

К сожалению, проект не был осуществлен. Жаль.

VI

Крах биржи в Нью-Йорке, вошедший в историю под названием «*Черного вторника*» и положивший начало Великой депрессии, ударил не только по Соединенным Штатам. Экономика европейских стран, разоренных войной и державшихся на американских заказах и на американских кредитах, зашаталась еще и побольше американской – по крайней мере, в Германии. Если в США уровень безработицы превысил 20 % уже в 1930 году и подошел вплотную к 23 % в 1932-м, то в Германии он достигал трети всей рабочей силы.

Экономика Англии провалилась вниз в похожих масштабах – число безработных за один только год увеличилось с 1 миллиона человек до 2 с половиной миллионов – 20 % всех работающих по найму. На северо-востоке страны безработица достигала 70 %, судостроение сократилось до одной десятой того уровня, на котором оно было всего пару лет назад. Как всегда в таких случаях, в бедах обвинили то правительство, которое в момент катастрофы было у власти. В данном случае – правительство лейбористов. Доверие к нему было подорвано, и в 1931 году были проведены досрочные выборы в парламент.

Премьер Макдональд провел переговоры с консерваторами и либералами об образовании национальной коалиции – и этим расколол свою партию так, что ее исполнительный комитет исключил его лидера из рядов лейбористов. Выборы дали консерваторам огромное большинство. У них было 473 места в парламенте, а у лейбористов – только 65, причем с Макдональдом оставалось только 13 из них. Либералы, расколотые на сторонников национальной коалиции и на ее противников, совместно завоевали 68 мест, и 35 из них были готовы присоединиться к Макдональду, игнорируя мнение номинального главы своей партии Ллойд Джорджа.

В итоге было сформировано так называемое «*национальное правительство*», состоявшее из консерваторов, национальных лейбористов и национальных либералов. Консерваторы по числу мест в парламенте превосходили своих партнеров по коалиции вчетверо, но премьером остался Макдональд.

Конечно, лидер консерваторов Стенли Болдуин оставил за ним этот пост, исходя только из собственных соображений. Надо было принимать непопулярные меры – так почему бы не сдвинуть ответственность за них на плечи Макдональда?

Так что «*национальное правительство*» формировал практически Болдуин. И Черчилля из него он исключил – самым дружеским образом.

Он его попросту туда не пригласил. Болдуин ничего не делал просто так, не стал исключением и 1931 год.

Кошкой, пробежавшей между ним и Черчиллем, стал вопрос об управлении Индией.

После сипайского восстания 1857–1858 годов Англия прилагала самые серьезные усилия для того, чтобы дать индийскому административному слою, на котором держалось управление, английское образование.

И поистине преуспела в этом начинании – лидер индийских националистов Джавахарлар Неру оканчивал ту же самую школу Хэрроу, в которой учился в свое время Черчилль, разве только учился Неру несравненно лучше. Махатма Ганди, духовный вождь национального движения, и вовсе был юрист, учившийся в Лондоне и принятый в «*Достопочтенное Общество Юристов Миддл-Темпл*» – «*The Honourable Society of the Middle Temple*» – одну из четырех профессиональных юридических лиг, на которые опирался английский верховный суд.

Но теперь «ученики» выросли и требовали самостоятельности и независимости, к великому негодованию Черчилля. Он соглашался передать индийцам местное управление, но настаивал на сохранении верховной власти в Индии за Британией и был категорически против предоставления Британской Индии статуса доминиона.

По его мнению, то, что было прекрасным решением для Канады или Австралии, для Индии категорически не годилось. Хотя бы потому, что местное правление неизбежно приведет к дикой коррупции, а может быть, и к резне. Надо сказать, очень многие консерваторы Черчиллю сочувствовали.

У Болдуина на этот счет – как и на любой другой – особых убеждений попросту не было. Но он знал, что бескомпромиссная позиция консерваторов в вопросе об Индии ослабит их избирательные позиции и подорвет возможность создания коалиции, а в чисто личном плане Черчилль начинал выглядеть не как сотрудник лидера консерваторов Стенли Болдуина, а как его соперник.

Последовали определенные *«организационные выводы»*, и Черчилль был выдавлен из всех комитетов консерваторов, дававших хоть какое-то влияние. Все, что он сохранил, было его место в парламенте.

Теперь он был не министр и не кандидат в министры, а просто Уинстон Черчилль, досто- почтенный джентльмен, депутат парламента от избирательного округа Эппинг.

Сельский джентльмен на покое (1932–1940)

I

Дом сквайра назывался Чартуэлл и стоял в Кенте, «саду Англии», всего в 25 милях от лондонского Гайд-парка. Это был именно деревенский дом – а вовсе не центр родового поместья, вроде особняка лорда и леди Астор. Дом не был *«бывшей резиденцией герцога Вестминстерского»*, с садами, устроенными итальянскими художниками.

Но дом не был и коттеджем – *«последним прибежищем благородной бедности»*, куда, всего лишь с двумя служанками, временно удалялись разорившиеся было героини Джейн Остин.

Нет, это был вполне добротный дом – вовсе не роскошный, но достаточно просторный и для семьи сквайра, и для обслуживающего персонала: 9 слуг, 2 бонн для детей, 3 садовников, а также для секретарей и стенографисток, помогавших сквайру в его труде.

Ибо сквайр много работал – ему были нужны деньги. Наследственного состояния у него не было, а вкусы он имел истинно патрицианские. И он не любил экономить – как он сам говорил: *«Я легко довольствуюсь всем самым лучшим»*.

Деньги он добывал пером.

Он был, вероятно, наиболее высокооплачиваемым журналистом Великобритании. Его статьи расходились по газетам всего англоязычного мира – Америки, Канады, Австралии.

Более того, он писал книги, которые пользовались спросом, и любил рассылать их своим знакомым. Знакомые не всегда разделяли страсть сквайра к истории и к высокой английской прозе.

Например, вот письмо, которое он получил – в конверте с королевским гербом – от герцога Глостерского:

«Дорогой Уинстон,

Благодарю Вас за посылку мне Вашей новой книги.

Я поставил ее на полку вместе с другими книгами».

Политическая карьера сквайра была окончена – его отставили с позиции министра финансов в теновом кабинете партии тори, сменив на трезвого и рационального человека по имени Невилл Чемберлен.

В 57 лет сквайр оказался не у дел. Хотя он и сохранил свое место в парламенте, но потерял всякое значение и всякое влияние, и для него, занимавшего в свое время чуть ли не все возможные посты в правительстве, сознание своего бессилия было тяжело.

Теперь он редко бывал в Лондоне на заседаниях парламента. Проводил много времени в Чартуэлле, много писал. Ездил на лето в Европу, обычно на юг Франции. Его общества за границей все еще искали, в основном по старой памяти.

В Германии в 1932 г. он чуть было не встретился с вождем национал-социалистического движения Германии – их общий знакомый Эрнст Ханфштенгль очень хлопотал о том, чтобы их познакомить. Но вождь уклонился от встречи – сквайр выразил герру Ханфштенглю свое искреннее недоумение, *«как можно обвинять человека в том, что он родился евреем?»* – и лидер национал-социалистов не захотел говорить с британским политическим деятелем, который настолько не разделял его заветные глубокие убеждения.

Сквайр не расстроился.

Вернувшись домой, он взялся за постройки. Умея класть кирпичи как заправский каменщик, он начал возводить стенку вокруг своего нового бассейна. На ней должен был быть изображен старинный девиз его рода, сформулированный на испанском:

«Верен, но несчастлив».

Девиз был придуман его предком в 10-м поколении, полным тезкой сквайра и по имени, и по фамилии. Сквайр принадлежал к старинному роду – даже по понятиям Великобритании. Предок сражался за дело короля против Кромвеля, был разорен и изранен, а после Реставрации вознагражден за верность, но, по его мнению, очень недостаточно, отсюда и вторая часть девиза **«...но несчастлив».**

Сквайр не был несчастлив. Он принимал гостей, угощал их портвейном и бренди, а после обильного обеда брал в руки кисти и начинал рисовать натюрморты – пустые бутылки давали ему достаточно вдохновения.

В совсем молодые годы он побывал на Кубе военным корреспондентом и вывез оттуда привычку к сиесте, горячим ваннам и страсть к хорошим сигарам.

За ужином он любил поговорить, особенно с Ф.Е.Смитом, своим давним приятелем, а ныне – эрлом (графом) Биркенхедом, блестящим юристом – единственным человеком, который рисковал *«скрестить рапиры остроумия»* с хозяином дома. Им с восторгом внимал мистер Брэкен, сумевший в совсем молодые годы, начав без гроша, нажить миллионы. Теперь он был членом парламента и учеником сквайра в политике. Его единственным недостатком было утверждение, что он – незаконный сын владельца дома, и он до того упорно держался этой линии, что сумел рассердить жену сквайра, которая однажды спросила мужа в упор:

«Уинстон, это правда?»

«Конечно, нет», – ответил ей супруг.

И после паузы:

«Конечно, неправда. Я сверял все даты – этого просто не могло быть...»

Он любил поддразнить жену. Она, в свою очередь, не оставалась в долгу и объясняла привычку своего мужа появляться на вокзале в самую последнюю минуту тем, что *«Уинстон, как истинный спортсмен и охотник, всегда оставляет поезду шансы уйти».*

Жизнь в Чартуэлле шла своим чередом – до тех пор, пока хозяин дома не узнал из правительственных сообщений, что *«Правительство Его Величества отменило в этом, 1932 году, «правило 10 лет».* Правило это гласило, что военные ведомства должны составлять свои бюджетные заявки, исходя из принципа, что *«в следующие 10 лет большой войны не будет».*

Правило это было известно владельцу Чартуэлла, и известно очень хорошо – в 1919 году он-то его и составил, будучи военным министром Великобритании.

Более того. Именно он, Уинстон Черчилль, предложил, чтобы *«правило 10 лет»* автоматически возобновлялось каждый год, если только оно не отменялось специальным распоряжением правительства.

23 марта 1932 года правительство правило НЕ возобновило.

II

Формально решение правительства об отмене *«правила 10 лет»* было вызвано *«маньчжурским инцидентом»* – началом необъявленной войны между Японией и Китаем. Но зрело оно давно. Недостаток средств в казначействе – после Великой Войны 1914–1918 гг. Англия сильно обеднела – вел к систематическому урезанию расходов на оборону. Военный бюджет за 12 лет сократился почти в 7 с половиной раз – с 766 миллионов фунтов в 1920 году до 102 миллионов в 1932 году.

В апреле 1931 года сэр Фредерик Филд, начальник Главного морского штаба (в Англии, крепко державшейся за традиции, должность называлась на старинный манер и очень звучно – «Первый лорд моря» – «First Sea Lord»), утверждал в своем отчете Совету Имперской Обороны, что *«святая святых»*, флот, потерял в силе настолько, что *«в случае войны не сможет адекватно защищать торговлю Великобритании»*.

То есть нужды оборонительных ведомств признавались, но денег в казне было мало. Военные получили инструкции не увлекаться и *«держат расходы под строгим контролем»*.

Новые ассигнования – не щедрые, на уровне 5 % от GNP (суммы всего, что страна производит) – были направлены в основном на подготовку флота. Армия после отмены призыва была резко сокращена и пополнялась наймом.

Смена правительства в Германии волнения не вызвала. Даже такой шаг, как выход Германии в 1933 году из Лиги Наций, и то встретил в Англии понимание.

Джеффри Доусон, главный редактор «The Times», наиболее уважаемой британской газеты, полагал, что Гитлер хоть и немного резок, но абсолютно нормален или, вернее, станет таким, как только его страна *«встретит со стороны Великобритании должное уважение»*.

В Берлин в 1933–1936 годах шел непрерывный поток высокопоставленных английских паломников, восхищавшихся достижениями режима – автобанами, чистыми городами, порядком и ликвидированной безработицей.

Бывший премьер-министр Англии, Ллойд Джордж, называл Гитлера *«величайшим из ныне живущих немцев»* и сообщал читателям газеты «Дейли Мэйл», что этот *«прирожденный лидер только и мечтает о том, чтобы удалиться от мира для духовного возрождения»*.

Ллойд Джордж горько сожалел, что в Англии нет человека такого же калибра.

Арнольд Тойнби был уверен в глубоком сходстве между Махатмой Ганди и Адольфом Гитлером – они оба были приверженцами истинного мира.

Так что наскоки Черчилля в парламенте на правительство Его Королевского Величества и лично на премьера, Стэнли Болдуина, *«добротного старого викария»* – как его звали его многочисленные поклонники, были встречены неодобрительно.

Когда Черчилль говорил, что *«движение нацистов построено на философии насилия, которую вколачивают в молодежь Германии с интенсивностью, не имеющей параллелей со времен варварства»*, члены парламента полагали, что это уж слишком даже для старины Уинстона, любившего, как всем было известно, риторические преувеличения.

Его не стали бы и слушать, если бы он не говорил также об опасности открытых и скрытых программ перевооружения Германии и не задавал премьеру весьма острых вопросов, связанных с британскими вооружениями – или, скорее, с их отсутствием. Причем Черчилль каждый раз оказывался на диво хорошо информирован, отмахнуться от него было невозможно.

В 1935 году на сессии парламента он так прижал к стенке премьера Болдуина, что тот признал, что и в самом деле британские авиационные программы отстают от немецких. Признание премьером своей ошибки было встречено в парламенте бурными аплодисментами и принесло ему такое одобрение, какое не принес бы и успех.

Все только и говорили, что об откровенности и честности премьера.

Желчная острога Черчилля: *«Болдуин время от времени наталкивается на истину; тогда он говорит – извините – и идет дальше»* – успеха не имела, ее сочли *«не великодушной»*.

Болдуин, *«добрый старый викарий, снисходительный и терпеливый, которого невозможно рассердить»* – такой образ он усердно формировал среди коллег и публики – не остался в долгу и поделился с окружающими следующим мнением о своем оппоненте:

«Колыбель Уинстона окружало много фей, и они наделили его многими дарами – воображением, красноречием, трудолюбием, живым умом, а потом пришла еще одна фея, сказала, что один человек не должен иметь так много дарований, и лишила его мудрости и правильного суждения».

«Именно поэтому, с восхищением слушая его в палате общин, мы никогда не следуем его совету».

И правительство действительно не следовало совету Черчилля. Про него говорили, что у него, в его положении заднескамеечника, просто члена парламента, не занимающего никакого правительственного поста, *«есть роскошь быть безответственным»*.

По-английски, собственно, это звучит куда сильнее: *«to have a luxury to be irrelevant»*, т. е. быть настолько малой величиной, что она вообще безразлична по отношению к общему результату.

А ответственные люди – такие, как премьер-министр Болдуин и как его Канцлер Казначейства Чемберлен, – вели прежний курс, направленный на отказ от войны и на сближение с Германией.

Они имели для этого очень веские причины.

III

Великая война 1914–1918 гг. разорила Англию. Собственно, Британия оставалась великой державой, со стратегическими интересами по всему миру и с производственной базой, которая была вдвое больше французской. Но огромные, ни с чем не сравнимые потери в людях и в средствах, причиненные войной, потрясли самые основы английского общества. Отвращение ко всему, что напоминало милитаризм, было всеобщим – и столь же всеобщим было требование установления более справедливого устройства общества.

После демонстраций безработных в Лондоне и форменного мятежа на флоте в 1932 году, когда некий административный гений сократил на четверть денежное довольствие военных моряков, даже правительство консерваторов увидело необходимость в улучшении «классового баланса» в стране. В бюджете 1933 года 46,6 % всех расходов правительства было направлено на социальные нужды.

Денег, однако, не было. Доля Великобритании в мировом производстве неуклонно снижалась: с 14,15 % в 1913 году она опустилась ниже 10 % в 1936 г. Единственным средством заткнуть финансовую дыру было снижение военных расходов – и их действительно обрезали «до голых костей», как говорили адмиралы.

Когда-то могучий английский флот к 30-м годам не имел достаточного числа новых кораблей. Согласно отчету Главного морского штаба, сделанному в 1932 году, «у флота нет ни одной базы, защищенной должным образом».

А поскольку угрозы империи намечались сразу в трех районах – в Европе со стороны Германии, в Средиземноморье – со стороны Италии и на Дальнем Востоке со стороны Японии, то военные настойчиво советовали правительству поискать дипломатические средства и либо уменьшить количество возможных противников, либо увеличить количество возможных союзников.

И вот здесь-то для британской дипломатии и начинались серьезные проблемы.

Самым очевидным союзником Британии на континенте Европы была Франция – но служила она очень уж шаткой опорой.

Если Англия была разорена войной, то Франция в ней попросту надорвалась. Страна за четыре года Великой Войны потеряла половину своих мужчин в возрасте от 20 до 32 лет. Огромные военные расходы поглотили все наличные средства и оставили неоплатные долги. Стандарт жизни упал до 70 % довоенного, что вызвало острый социальный конфликт, серию разорительных забастовок, и как следствие этого – бегство капиталов из страны.

Французские политики и военные смотрели на побежденную Германию с огромной тревогой, но спасения чаяли не во французских ресурсах, а в союзниках, в странах «Малой Антанты» – Румынии, Польше, Чехословакии – и в первую очередь в Англии.

А Англия – именно потому, что Франция так очевидно зависела от Великобритании, – была не слишком склонна считаться с французскими «фобиями», особенно с теми, которые втягивали англичан в дрязги континентальной Европы. Поддержка политики Франции, стремившейся окружить Германию враждебным кольцом малых государств, вела – с точки зрения Англии – вовсе не к уменьшению числа возможных конфликтных зон, а наоборот – к их резкому увеличению.

Нет, Франция была ненадежной опорой, и сближение с ней никак не способствовало выполнению настойчивой рекомендации Адмиралтейства – переброске главных сил флота в Сингапур.

Правительству Его Величества оставалось искать альтернативы.

Альтернативой союзу с Францией было широкое соглашение с Германией.

IV

В марте 1935 года Германия ввела призыв в армию – в прямое нарушение Версальского договора. Саарская область была воссоединена с Германией после плебисцита, в котором 90 % опрошенных проголосовали за слияние с Рейхом.

Было открыто объявлено о программе развития Люфтваффе.

Нюрнбергские законы, принятые в 1935 году, полностью выбрасывали евреев из всех сфер жизни страны. Вводилась официальная дефиниция самого понятия «еврей». Иметь еврейскую бабушку стало государственным преступлением.

Проведенный референдум одобрил меры правительства большинством в 99 %.

Воспитание юношества в духе национал-социализма было поставлено на государственную основу. Все, что не способствовало этой цели, подлежало выпалыванию. Как говорил министр пропаганды Рейха доктор Йозеф Геббельс, *«за разрушающую душу переоценку сексуальной жизни и во имя благородства человеческого духа – предаю пламени работы некоего Зигмунда Фрейда»*.

Берлин между тем готовился принять Олимпиаду.

В июне 1935 года было подписано долгожданное соглашение с Великобританией, пока что говорящее только о морских вооружениях, но предполагалось, что это только начало, только первый шаг в ожидаемом пакете англо-германских договоров.

Англия соглашалась на создание германского военного флота в размерах в 35 % от британского. Квота на подводные лодки была больше – 45 %.

Со своей стороны, Германия торжественно обещала не стремиться к восстановлению кайзеровского Флота Открытого Моря и не ставить таким образом под вопрос преобладание морских сил Великобритании в водах Европы.

Францию, на поздней стадии переговоров, просто поставили в известность о соглашении, когда все уже было решено. Германии таким образом удалось вбить клин между недавними союзниками по Антанте...

И этот огромный успех германской дипломатии был ею немедленно использован.

Летом 1936 года Гитлер сделал очень рискованный шаг – в нарушение положений Версальского договора германские войска вошли в демилитаризованную Рейнскую область.

Риск был велик не только с внешнеполитической точки зрения. Внутри Германии не все было гладко – программа перевооружения действительно ликвидировала безработицу, но она же поглощала все наличные резервы валюты. Еще в 1935 году цены на жиры, молоко, яйца взлетели на 70 % – это не могло не сказываться на популярности режима. Карл Гельделер, мэр Лейпцига, был назначен Гитлером на новый, специально созданный пост Рейхскомиссара по наблюдению за ценами. Распоряжением фюрера ему были выделены средства в драгоценной конвертируемой валюте – на закупки подсолнечного масла за рубежом, для производства маргарина.

Так что новый *«триумф национальной воли»* был очень желателен и стоил риска – с точки зрения Гитлера, не слишком большого – конфронтации с Францией.

И он оказался совершенно прав. Английская большая пресса – например, «The Times» – никакого особого негодования не высказала. Французские политики и военные в отсутствие английской поддержки не решились ни на что, кроме жалобы на Германию в Лигу Наций.

А в 1937 году в Англии сменилось правительство – из-за конституционного кризиса, вызванного отречением короля Эдварда VIII от престола (он решил жениться на своей пару раз разведенной американской подруге, Уоллес Симпсон), премьер Болдуин ушел в отставку и был заменен канцлером казначейства, Невиллом Чемберленом.

V

28 мая 1937 года Невилл Чемберлен стал премьер-министром Великобритании, а спустя несколько дней – избран лидером консерваторов.

Новый премьер имел широкую поддержку как в стране, так и в парламенте. Будучи канцлером Казначейства в правительстве Болдуина, он провел новый налог – *«Взнос на национальную оборону»* – и настолько подрезал прибыли индустриалистов, что вызвал их яростное сопротивление.

Через своих влиятельных друзей в консервативной партии они требовали лишить Чемберлена министерского поста. Однако он сумел настоять на своем.

Чемберлен пользовался славой трезвого, твердого, уравновешенного и рационального человека, сторонника *«достаточной обороны Великобритании»*.

Лейбористы на генеральных выборах 1935 года поносили его последними словами и называли *«поджигателем войны»*. Это обвинение было совершеннейшей неправдой.

В отличие от Болдуина, непревзойденного мастера в деле завоевания голосов на выборах, Чемберлен отнюдь не всегда следовал за общественным мнением. Свое суждение он вполне искренне ставил выше, а саму идею войны – ненавидел.

Было известно его высказывание: *«победителей в войне не бывает – есть только побежденные»*.

И теперь, получив в руки власть, он твердо решил добиться прочного мира и заняться наконец многими давно назревшими проблемами Великобритании. Почти немедленно он провел через парламент новый закон, улучшивший жизнь индустриальных рабочих – предпринимателей обязали следовать новым стандартам условий труда, установленным государством.

Было положено начало политике так называемой *«рационализации»* – выкупу устаревших фабрик вкуче с их немедленным сносом. Идея была в освобождении предпринимателей от теряющей свою ценность собственности и в снабжении их стартовым капиталом для устройства новых предприятий. Надо сказать, что эта мера очень пригодилась Англии позднее, в 1939 и 1940 годах – ее обновленная индустрия оказалась весьма производительной.

Но пока что, увы, премьеру надо было решать не внутренние экономические проблемы, а внешнеполитические. Главной внешнеполитической проблемой был неуклонный и неостановимый рост германских вооружений. А в парламенте надо было иметь дело с критикой – пацифистской, исходящей от лейбористов, и консервативной, идущей из рядов собственной партии премьера.

Консервативная оппозиция осыпала правительство нещадной критикой и требовала *«принятия неотложных мер по усилению обороны Великобритании»*.

Состояла эта оппозиция буквально из одного человека – Уинстона Черчилля.

VI

Жалящее остроумие Черчилля было известно. Он славился своими колкостями в адрес своих оппонентов. Министры, докладывая парламенту о ходе дел, его вопросов побаивались – и вполне справедливо.

Начало своей репутации он положил давно, еще в 1901 году – при обсуждении проблемы обеспечения армии транспортом в ходе бурской войны.

Черчилль во время парламентских слушаний задал премьеру вопрос:

«Известно ли уважаемому джентльмену, сколько вьючных животных было отправлено в Южную Африку?»

Он получил подробный ответ. Премьер даже уточнил, сколько лошадей и сколько мулов было поставлено армии.

На что Черчилль с самым невинным видом и под хохот палаты общин поинтересовался: *«А как в этом случае учтены ослы?»* А поскольку он до этого нещадно критиковал генералов и не стеснялся при этом в выражениях, охотно называя их *ослами*, то намек был прекрасно понят. Палата разразилась хохотом.

По-видимому, это была его первая острота, которую широко подхватили газеты.

Черчиллю шел тогда 27-й год.

И, надо сказать, в последующие 30 лет он свою репутацию остролова не ухудшил. Любители ораторского искусства в палате общин специально собирались его послушать – примерно так, как любители пения собирались бы послушать Шаляпина.

Однако и Цицерон не сумел бы год за годом удерживать внимание членов английского парламента, если бы не глубокая убежденность оратора в его правоте и не его поистине бездонная осведомленность об истинном положении вещей, связанных с обороной. Откуда эта осведомленность бралась?

Информация шла из самых верных источников.

Десмонд Мортон, глава разведывательного центра, входившего в Комитет по имперской обороне и ответственного за сбор и обработку сведений о производстве вооружений в иностранных государствах, информировал Черчилля обо всем, что знал сам, а знал он много.

Дипломатическая информация из Германии поступала от посла Великобритании в Берлине, сэра Хораса Рэмболда. Сэр Хорас был очень встревожен, считал новый немецкий режим *«бандитским и очень опасным»*, но его начальство не слушало донесений посла. Он стал делиться своими мыслями с Черчиллем вполне неофициально – зять Черчилля, Дункан Сэндис, был личным помощником посла...

Истинным кладезем важнейших сведений оказался лорд Роберт Ванситарт – карьерный дипломат, служивший в качестве *«permanent under-secretary of the Foreign Office»* – т. е. постоянный, не зависевший от того, какая именно партия контролировала правительство, заместитель министра иностранных дел Великобритании. Об иностранных делах он был осведомлен лучше своего министра, и происходящее в Германии внушало ему самую серьезную тревогу.

Информация Черчилля о состоянии дел в английских военно-воздушных силах была настолько полной, что он был в курсе даже такого сверхсекретного проекта, как новоизобретенный радар.

Вообще, все информаторы Черчилля – офицеры, дипломаты, государственные служащие – сознательно нарушали служебные инструкции и правила, охраняющие государственную тайну, и сильно рисковали.

Нет, не жизнью – Англия не была тоталитарным государством вроде Германии или СССР, – но пенсией и добрым именем они рисковали безусловно.

Великое преимущество демократии – законность существования оппозиции – давала им возможность действовать так, как подсказывала им совесть и профессиональное суждение.

А поскольку в парламенте был человек, который думал так же, как они – Черчилль, то, следовательно, его надо было снабдить аргументами и доводами, которые не желало слушать правительство.

И Чартуэлл из обычного деревенского дома понемногу стал превращаться в настоящий запасной правительственный центр...

VII

Черчилль однажды сказал:

«Я никогда не критикую правительство своей страны, находясь за границей, но с лихвой возмещаю это по возвращении».

В 1935–1937 годах он находился в основном в Англии, и кабинетам министров – сперва Болдуина, а потом и Чемберлена – доставалось от него в полной мере.

Он не ограничивался просто использованием доставляемой ему информации. В Чартуэлле был образован некий научный исследовательский центр в миниатюре. В качестве советника Черчиллю служил профессор Линдемман – женоненавистник, вегетарианец, страстный американофил и не менее пылкий антисемит.

Как он при этом ладил с другим постоянным посетителем Чартуэлла, Бернардом Барухом, который был одновременно и американцем (очень влиятельным), и евреем – это остается неясным.

Но Линдемман имел редкий дар: он был в состоянии объяснить техническую проблему, не прибегая при этом к научному жаргону.

Черчилль это очень ценил.

Помимо технических, в Чартуэлле шли непрерывные политические дебаты. Постоянным оппонентом хозяину дома служил его в известной мере наниматель, лорд Бивербрук – Черчилль был автором постоянной колонки в газетах лорда.

При дружеских – в общем – отношениях, они резко расходились во взглядах. Лорд Бивербрук был ярким сторонником политики *«умиротворения»*.

Парадокс английской системы: родившийся в бедности Макс Айткин, а ныне барон, лорд Бивербрук, обязанный состоянием и титулом только самому себе, представлял в Чартуэлле как бы палату лордов – и именно как лорд особых политических полномочий не имел.

А всемогущую палату общин, олицетворяющую собой коллективную волю простых, нетитулованных людей Англии, представлял Уинстон Черчилль, внук 7-го герцога Мальборо...

Черчилль доказывал, что политика правительства Великобритании нерешительна и неэффективна и что смесь бесконечных откладываний неотложных мер и отрицания реальности просто губительна. Он говорил, что *«правительство решило быть нерешительным, оно твердо в стремлении быть нетвердым, и могущественно в сохранении своей упорной беспомощности»*.

Заявление это относилось к кабинету, возглавляемому Болдуином.

Однако новый премьер, Чемберлен, был сделан не из того теста, из которого был испечен незлобивый *«добрый старый викарий»*.

Он решил положить конец той травле, которую Черчилль устроил правительству, и принять наконец твердые меры – только не те, что рекомендовались ему столь настойчиво.

Премьер-министр решил начать с наведения порядка в собственном доме.

VIII

Прежде всего следовало позаботиться о министерстве иностранных дел. Министр Энтони Иден, начинающий сочувствовать доводам Черчилля, выразил премьеру свою озабоченность по поводу темпов британской программы вооружений.

Чемберлен вспыхнул и предложил Идену *«уйти домой и принять аспирин»*. Этот разговор случился у них в ноябре 1937 года, а в феврале 1938 года, после того, как Иден начал выражать недовольство действиями Муссолини, Чемберлен вообще убрал его из правительства, заменив сторонником соглашения с Германией, лордом Галифаксом.

Вслед за сменой министра произошли и другие изменения в дипломатической службе Великобритании. Сэр Хорас Рамболд, посол Англии в Берлине, которому не нравился Гитлер, был заменен на сэра Невилла Гендерсона, которому Гитлер нравился.

Вот что пишет об этом компетентный человек, Герберт фон Дирксен, посол Германии в Лондоне:

«В своем отношении к наиболее важным вопросам британской внешней политики, как и в отношении к недавно возникшим авторитарным государствам, Чемберлен руководствовался твердыми и честными идеалами. Он приступил к делу, будучи твердо убежден, что люди поверят ему и пойдут за ним и что им удастся достигнуть modus vivendi.

Таково было его убеждение, и Чемберлен предпринял все необходимые шаги для его осуществления. Он заменил тех, кто придерживался других взглядов, отличных от его собственных, людьми по своему выбору.

Энтони Иден ушел из Форин Офис. Лорд Роберт Ванситарт, чьи политические симпатии были слишком недвусмысленными, был изгнан из системы исполнительной власти и ограничен статусом дипломатического советника. Управление Форин Офис взял на себя лорд Галифакс. Сэр Невилл Гендерсон был назначен послом в Берлин.

Но еще до всех этих перемен Чемберлен уже искал контакта с Гитлером, и контакт этот был установлен лордом Галифаксом на охоте в Берлине в ноябре 1937 года».

Лорд Галифакс и впрямь посетил Германию, и отчет о его встрече с фюрером 19 ноября 1937 года в Оберзальцберге был запротоколирован.

Вот выписки – в том виде, в котором они были представлены фон Нейратом, тогдашним министром иностранных дел Германии, президенту Рейхсбанка, Ялмару Шахту.

«Лорд Галифакс согласился с фюрером – далеко идущее сближение может быть достигнуто только тогда, когда все стороны станут исходить из одинаковых предпосылок и будет достигнуто единство взглядов.

Он подчеркнул, что в Англии все смотрят на Германию, как на великую и суверенную страну, и что переговоры с ней должны вестись только на этой основе.

Все остальные вопросы можно характеризовать в том смысле, что они касаются изменений европейского порядка, которые, вероятно, рано или поздно произойдут.

К этим вопросам относятся Дания, Австрия и Чехословакия.

Англия заинтересована лишь в том, чтобы эти изменения были произведены путем мирной эволюции и чтобы можно было избежать методов, которые могут причинить дальнейшие потрясения, которых не желали бы ни фюрер, ни другие страны».

В Англии сложилось впечатление, что соглашение почти достигнуто – все возникающие вопросы будут решаться мирно и путем договоренностей.

В Германии, однако, сам факт визита Галифакса и тон, которого он держался, привели фюрера к мысли, что Англия помехой ему не будет и что надо дерзнуть.

И в марте 1938 года грянул гром: в Австрии был произведен нацистский переворот, правительство свергнуто, и стремительно произведенный «аншлюс» поставил британскую дипломатию перед свершившимся фактом, протестовать против которого было поздно...

IX

Операция по захвату Австрии была проведена так быстро и в таком секрете, что о ней не знал даже новоназначенный министр иностранных дел Германии фон Риббентроп, как раз в тот момент отбывавший из Лондона домой, в Берлин – и потому на вопрос Чемберлена относительно планов оккупации Австрии он ответил, что никаких планов нет. Post factum это выглядело как намеренное оскорбление.

Впечатление в Англии было сильным. Престижу премьера был нанесен сильный удар. Черчилль – который, предсказуемо, произнес в палате громовую речь – вдруг оказался не одинок. К нему примкнула группа «заднескамеечников», возглавляемая Иденом. Она была невелика, но некоторые ее члены политикой занимались между делом, а главные их интересы – и, соответственно, влияние – были в промышленности и банковском деле...

Германия между тем начала новую бурную пропагандистскую и дипломатическую кампанию – на этот раз направленную против Чехословакии. Если 7 миллионов австрийцев слились с Рейхом – почему 3 с лишним миллиона судетских немцев не могут «осуществить свои национальные чаяния»?

Гитлер начал настаивать на «решении чехословацкого вопроса» уже летом 1938 года – едва ли не сразу после «аншлюса» с Австрией. Это оказалось слишком даже для прогермански настроенного Галифакса. Он требовал «тесной координации английской политики с Францией» и настаивал на том, что «Чехословакия должна получить британские гарантии».

Чемберлен, однако, стоял на своем. Война – это безумие. Что бы ни случилось – ее надо избежать. Конечно, как разумный человек, он принимал меры предосторожности.

В оборонную промышленность, несмотря на протесты Казначейства, были переведены дополнительные фонды. Военные расходы Великобритании возросли резко, рывком – на 40 % по сравнению с 1937 годом.

Начали разрабатывать планы эвакуации населения из больших городов – предполагалось, что в случае войны они подвергнутся удару Люфтваффе. Черчилль в Чартуэлле пришел к тем же выводам, что и правительственная комиссия, и даже оценил – с помощью профессора Линдемана – размеры возможных потерь. Линдеман полагал, что бомбежка Лондона будет стоить 60 тысяч жизней.

К осени 1938 года война выглядела не просто возможной, а очень даже вероятной.

27 сентября 1938 года Чемберлен произнес речь, обратившись к нации по Би-би-си. В частности, он сказал следующее:

«Как ужасно, фантастично, невероятно то, что мы должны рвать траншеи и примерять газовые маски из-за ссоры, происходящей в далекой стране между людьми, о которых мы ничего не знаем».

28 сентября, давая свою оценку ситуации в палате общин, Чемберлен, получив записку от помощника, прервал свою речь и сообщил палате, что «получил приглашение от герра Гитлера посетить его в Мюнхене». Он сказал, что приглашение это он принимает. Кто-то из депутатов воскликнул: «Вознесем благодарение богу за нашего премьера!»

Депутаты всех партий – за очень немногими исключениями – вскочили на ноги и устроили Чемберлену овацию.

Уинстон Черчилль, бывший министр внутренних дел, бывший первый лорд Адмиралтейства, бывший министр военного снабжения, бывший военный министр, бывший министр по делам колоний, бывший Канцлер Казначейства, а ныне «достопочтенный джентльмен» – так полагалось обращаться к депутатам парламента, – представлявший избирательный округ Эппинг от консервативной партии, не встал со своего места.

Он остался сидеть и премьеру не аплодировал...

X

На встрече в Мюнхене присутствовали главы правительств четырех европейских держав – Чемберлен, Гитлер, Муссолини и Даладье, но Италия была просто младшим партнером Германии, а Франция уже давно играла роль второй скрипки при Англии. Так что бремя решения пало целиком на Чемберлена, и, надо сказать, он встретил в Германии полное понимание. Поскольку почти все условия Германии были приняты, стороны пришли к соглашению очень быстро.

Договорились, что *«1 октября чехи будут информированы, что они должны склониться перед неизбежным и начать эвакуацию Судет»* – в то время как германские войска смогут начать свое движение на новую территорию Рейха.

Чемберлен сказал фюреру, что *«если чехи будут настолько безумны, что окажут сопротивление, – он поймет необходимость применения силы»*, но будут ли германские ВВС бомбить Прагу?

«Конечно же, нет, – сказал Гитлер, – я всегда стараюсь сделать все для того, чтобы гражданские лица не пострадали». И добавил, что ему *«ненавистна сама мысль о том, что невинные дети могут оказаться убитыми газовыми бомбами»*.

После этого заверения Чемберлен вынул бумагу со следующим текстом:

«Мы, фюрер и канцлер Германии и английский премьер-министр, продолжили сегодня нашу беседу и единодушно пришли к убеждению, что вопрос англо-германских отношений имеет первостепенное значение для обеих стран и для Европы».

Мы рассматриваем подписанное вчера вечером соглашение и англо-германское морское соглашение как символ желания наших обоих народов никогда не вести войну друг против друга».

Мы полны решимости рассматривать и другие вопросы, касающиеся наших обеих стран, при помощи консультаций и стремиться в дальнейшем устранять какие бы то ни было поводы к разногласиям, чтобы таким образом содействовать обеспечению мира в Европе».

Гитлер прочел эту записку и подписал ее немедленно и без возражений.

Чемберлен вернулся домой спасителем европейского мира. В аэропорту Хестон его встречала огромная ликующая толпа, которой он и показал бумагу, подписанную Гитлером. Стоя перед публикой на балконе Букингемского дворца, рядом с королем и королевой, он был встречен криками горячего одобрения и традиционной песней, которой в Англии встречали героев: *«For he's a jolly good fellow»* – *«Потому он такой замечательный парень»*.

Огромному количеству людей, явившихся поздравить премьера в его резиденции на Даунинг-стрит, номер 10, он повторил слова, которые за 60 лет до него, в 1878 году, произнес после Берлинского конгресса другой премьер-министр Англии, Бенджамин Дизраэли:

«Я вернулся из Германии и принес с собой почетный мир. Я думаю, это мир для нашего времени».

Пресса ликовала. «The Times» напечатала статью своего главного редактора Джеффри Доусона, где говорилось, что *«ни один победитель не возвращался в столицу с лаврами, более заслуживающими похвалы, чем премьер-министр, принеший нам мир»*.

В начале октября 1938 года в парламенте начались прения – обсуждалось заключенное с Германией соглашение. Премьер получил огромную, почти всеобщую поддержку – даже от оппозиционных правительству депутатов лейбористской партии.

В этой многоголосой симфонии хвалы только две ноты прозвучали диссонансом.

Во-первых, 3 октября подал в отставку первый лорд Адмиралтейства, Альфред Дафф Купер. Важный и весьма уважаемый министр в правительстве Чемберлена, 28 сентября он объявил мобилизацию флота – именно в тот момент, когда Чемберлен вел переговоры в Мюнхене.

Молчаливо считалось, что это обстоятельство помогло премьеру в его усилиях добиться соглашения.

А во-вторых, 5 октября Уинстон Черчилль в палате общин сказал, в частности, следующее:

«Я нахожусь невыносимым сознанием, что наша страна входит в орбиту нацистской Германии, подпадает под ее власть и влияние, и что наше существование начинает зависеть от ее доброй воли или прихоти.

Именно чтобы помешать этому, я всеми силами настаивал на укреплении всех твердынь обороны: во-первых, на своевременном создании военно-воздушных сил, которые превосходили бы любые другие, способные достигнуть наших берегов; во-вторых, на сплочении коллективной мощи многих стран и, в-третьих, на заключении союзов и военных конвенций, конечно, в рамках Устава, для того, чтобы собрать силы и хотя бы задержать поступательное движение этой державы.

Все это оказалось тщетным.

Однако народ должен знать правду. Он должен знать, что нашей обороной недопустимо пренебрегали и что она полна недостатков. Он должен знать, что мы без войны потерпели поражение, последствия которого мы будем испытывать очень долго. Он должен знать, что мы пережили ужасный этап нашей истории, когда было нарушено все равновесие Европы и когда на время западным демократиям вынесен ужасный приговор: «Тебя взвесили и нашли легким» [цитата из Священного Писания].

И не думайте, что это конец. Это только начало расплаты. Это только первый глоток, первое предвкушение чаши горечи, которую мы будем пить год за годом, если только мы не встанем, как встарь, на защиту свободы, вновь обретя могучим усилием нравственное здоровье и воинственную энергию».

Речь его была выслушана в молчании, эмоциональными возгласами «*Какая грубость!*» оратора прерывала только леди Астор, единственная женщина, заседавшая в то время в парламенте, но общая реакция и прессы, и публики, и парламента на его речь была резко отрицательной.

Лорд Моэм, Лорд-Канцлер и глава Канцлерского Суда Великобритании, говорил, что «*Черчилля как злого агитатора следовало бы арестовать и повесить*». Неплохое мнение в устах столь выдающегося юриста...

Лорды попроще высказывались радикальнее: один из них предложил «*спустить на Уинстона свору гончих*».

«*Свора гончих*» была не столь архаичной фигурой речи, как могло бы показаться – псовая охота в Англии в конце 30-х годов двадцатого века была еще жива.

Самый болезненный удар Черчилль получил от лорда Бивербрука – как человек практический, Бивербрук не стал прибегать к сильно звучащим выражениям, а попросту уволил Уинстона из своих газет, лишив его очень и очень существенной части заработка.

Примерно в середине сентября 1938 года, еще до Мюнхена, в письме к лорду Мойну Черчилль написал следующее – приведем эту фразу в оригинале:

«... We seem to be very near the bleak choice between War and Shame. My feeling is that we shall choose Shame, and then have War thrown in a little later on even more adverse terms than at present...»

«По-видимому, в самом скором будущем нам предстоит незавидный выбор между Войной и Позором. И мне кажется, что мы выберем Позор, но немного погодя не уйдем и от Войны, и в условиях даже хуже теперешних».

Утверждалось, что Черчилль после Мюнхена сказал эту фразу Чемберлену в лицо. Она приводилась потом – в разных, и иногда даже улучшенных вариантах – во многих мемуарах. Но, похоже, это просто легенда...

После дебатов палата общин приняла следующую резолюцию:

«Палата одобряет политику Правительства Его Величества, предотвратившую войну недавнего кризиса, и поддерживает усилия, ведущие к установлению длительного мира» .

XI

Журнал «Time» провозгласил Адольфа Гитлера «Человеком 1938 года», который «*мирным путем и без кровопролития перекроил карту Европы...*».

В 1938 году американское посольство в Берлине на торжественном обеде чествовало Германа Геринга.

Помимо дипломатов, приглашены были выдающиеся деятели, создавшие германскую авиационную программу – Хейнкель и Мессершмитт. Американскую авиацию представлял Чарльз Линдберг, прославившийся первым в истории полетом через Атлантику.

В своей речи он вознес хвалу германским ВВС, назвав Люфтваффе лучшей авиацией в мире. Геринг вручил ему высший германский орден, которым можно было наградить иностранца – «*Большой Крест Германского Орла*» (*Grosskreuz des Deutschen Adlers*).

Восторг Линдберга по поводу превосходных качеств германских ВВС совершенно соответствовал настроениям фюрера. Он считал – и стремился продемонстрировать, – что сила на его стороне.

В марте 1939 года грянул гром. Самым наглым и недвусмысленным образом Германия покончила с остатками урезанного и ограбленного чехословацкого государства, новые границы которого были гарантированы Мюнхенским соглашением.

Словакия – как бы самопроизвольно – откололась.

Чехия же была разделена на две провинции – Богемию и Моравию, оккупирована немцами и включена в Рейх как протекторат.

Чемберлен выступил в парламенте с речью, в которой объяснил, что «*после выхода Словакии из союза с Чехией государства, называемого Чехословакией, больше нет, поэтому британские гарантии его независимости и неприкосновенности тоже больше не существуют*».

Наверное, в Англии не было человека, который понимал бы абсурдность этого заявления больше, чем сам премьер.

Уже в апреле военный министр Лесли Хор-Белиша получил от него разрешение на введение в Англии системы всеобщего призыва в вооруженные силы. Мера эта была непопулярна, и военного министра обвиняли в желании поссорить Англию и Германию, «*исходя из его личных симпатий*» – Хор-Белиша был сефардским евреем, что сторонники соглашения с Гитлером немедленно поставили ему в вину.

Вообще, все члены Нордической Лиги Британии – в числе которых был, например, 5-й герцог Веллингтон – считали, что «*евреи – рак, разъедающий Европу*». Другой видный член лиги, генерал Фуллер, создатель теории молниеносной танковой войны, съездил в апреле 1939 года в Германию.

Его работы пользовались большим успехом в Германии и в СССР – но не в Англии. Гитлер лично пригласил британского генерала на свой день рождения и показывал ему на маневрах действия немецких танковых частей.

Он любезно спросил генерала: «*Как ему нравятся его дети?*», имея в виду немецкие танки. Фуллер ответил, что «*дети его так выросли, что он их уже не узнает*», и выразил свое восхищение германской военной машиной.

Правительство Великобритании этих чувств не разделяло.

Как написал впоследствии Черчилль в своих мемуарах:

«*Чемберлен не любил, когда его обманывали*».

XII

«Такова уж судьба государственного деятеля, чьи цели опорожены и приговорены к забвению и замалчиванию – подвергаться критике со стороны мирового общественного мнения, которое задним числом безжалостно присваивает себе право бросить камень в человека, имевшего мужество проявить инициативу, особенно если его инициатива оказалась неудачной и бесплодной. Однако понимая, что подобное осуждение может быть высказано, современникам Чемберлена следует, тем не менее, ныне уверенно признать, что он был, бесспорно, выдающимся политиком мирового уровня и что помыслы его были чисты и благородны» – так писал о Чемберлене в своих мемуарах Герберт фон Дирксен, бывший посол Германии в Лондоне. Мемуары эти, однако, вышли из печати в 1949 году.

Но вот цитата [январь 1939] из дневника Чиано, зятя Муссолини, а заодно и его министра иностранных дел:

«Эти люди, – сказал Муссолини [о Чемберлене], – сделаны из другого материала, чем Фрэнсис Дрейк и другие великопленные искатели приключений, создавшие империю. В конечном счете это – утомленные потомки многих поколений богачей».

А Гитлер – в своем кругу и не для печати – говорил, что *«если к нему еще раз заявится этот старичок с зонтиком, он спустит его с лестницы».*

Престижу Великобритании «чехословацким кризисом» 1938 года был нанесен серьезнейший урон, и Чемберлен стремился поправить ситуацию, и как можно скорее.

Если в середине марта 1939 года немецкие танки вошли в беззащитную Прагу, то уже через две недели, в конце марта, Великобритания и Франция дали гарантии Польше, обещали их Румынии, Греции и Турции и объявили, что в случае необходимости они будут готовы воевать с Германией, но не допустят ее дальнейшей экспансии.

Шаг этот был сделан второпях и совершенно необдуманно.

Вот цитата из мемуаров Черчилля:

«Англия, ведя за собой Францию, предлагает гарантировать целостность Польши – той самой Польши, которая всего полгода назад с жадностью гигиены приняла участие в ограблении и уничтожении чехословацкого государства».

Имело смысл вступить в бой за Чехословакию в 1938 году, когда Германия едва могла выставить полдюжины обученных дивизий на Западном фронте, когда французы, располагая 60–70 дивизиями, несомненно, могли бы прорваться за Рейн или в Рур».

Однако все это было сочтено неразумным, неосторожным, недостойным современных взглядов и нравственности. И тем не менее теперь две западные демократии наконец заявили о готовности поставить свою жизнь на карту из-за территориальной целостности Польши».

В истории, которая, как говорят, в основном представляет собой список преступлений, безумств и несчастий человечества, после самых тщательных поисков мы вряд ли найдем что-либо подобное такому внезапному и полному отказу от проводившейся пять или шесть лет политики благодушного умиротворения и ее превращению почти мгновенно в готовность пойти на явно неизбежную войну в гораздо худших условиях и в самых больших масштабах».

В Германии в неожиданную твердость англичан просто не поверили.

Геринг, который любил выражаться на народный манер, говорил:

«Англия – собака, которая лает, но не кусает».

XIII

Почему поворот в политике Англии совершился так внезапно и совершился именно в апреле 1939 года?

В прекрасно написанной книге «Армагеддон» английский историк Клайв Понтинг предлагает следующее объяснение: в 1938 году английские военные представили правительству доклад, в котором утверждалось, что никакой эффективной помощи Чехословакии оказать будет нельзя, и она неизбежно падет под германской атакой, а следствием выполнения гарантий Чехословакии была бы большая европейская война.

Приготовления к ней начались еще в 1934 году. Казначейство предупреждало правительство о нехватке фондов – если в 1936 году Англия имела лишь небольшой дефицит, то в 1937 г. он достиг цифры в 55 миллионов фунтов стерлингов и 250 миллионов – в 1939 г. Запасы золота и свободно конвертируемой валюты – в первую очередь долларов – снизились к середине 1939 г. до 60 % от уровня 1938 г.

Предполагалось, что война потребует около трех лет, что экономически Великобритания способна продержаться без помощи извне тоже около трех лет и что пик военной готовности Англии будет достигнут в апреле 1939 г. – отсюда и решение о *«польской гарантии»*, сделанное в самом конце марта.

Недостатком этой стройной теории – с моей точки зрения – является именно ее стройность.

Трудно себе представить, что английские штабы сумели с точностью до месяца предсказать время начала конфликта. Почему, собственно, Казначейство решило, что война продлится именно три года, а не, скажем, четыре?

Расчеты надо было менять по мере корректировки планов. Еще в 1938 году предполагалось, что английская армия на континенте Европы не превысит 4 дивизий. Но французы потребовали, чтобы *«Англия не возлагала всю тяжесть наземной войны на французскую армию»*, угрожая в противном случае заключить с Германией сепаратное соглашение, и планы пришлось менять на ходу.

Теперь в Европе собирались задействовать 32 английских дивизии, а расходы на их снаряжение и подготовку, конечно же, отсутствовали в первоначальной смете.

Приоритет в вооружениях – по необходимости – надо было отдавать авиации.

Но в 1938 году выяснилось, что Германия закладывает два новых мощных линкора. Английской флот имел в строю 12 линкоров, но только два из них были построены в 1927 году, остальные – в 1916–1918 гг. У них не было бы никакого шанса в бою с современным кораблем такого же типа.

Поэтому на английских верфях заложили сразу целую эскадру – 5 новых линкоров типа «Принс оф Уэллс».

Мало того, что они стоили очень дорого, но их нельзя было и изготовить в короткий срок, первый корабль этой серии должен был вступить в строй не раньше 1940 года.

Гитлер, в свою очередь, ошибался в своих расчетах и предположениях.

Конечно, оппозиция в Германии была придушена, и фюрер правил вполне самовластно, игнорируя иной раз и собственный Генштаб, но законы экономики действовали и в Германии тоже.

Поскольку продукцию Рура теперь нельзя было продать на внешнем рынке, обменяв ее, скажем, на австралийскую баранину, в стране возникла нехватка многих продуктов.

Запасы золота Германии в 1938 г. составляли 1 % от мировых – по сравнению с 11 % у Англии, 11 % у Франции и 54 % – у Соединенных Штатов.

Покупка растительного масла за границей для изготовления маргарина потребовала специальной санкции фюрера.

Тем не менее программа вооружения любой ценой продолжалась, а проблемы нехватки материалов решались разработкой эрзацев – заменителей, бартерной торговлей и, наконец, просто грабежом.

В Австрии было захвачено 200 миллионов в золоте и в валюте. Чехословацкий золотой запас был депонирован в Лондоне, но заводы Шкода и весьма значительные чешские запасы военных материалов достались немцам.

Немецкая угроза Польше имела ту же подоплеку. Предметом спора был не Данциг, а ресурсы, которые Германия рассчитывала захватить.

И в Англии это понимали: *«польские гарантии»* гарантировали *«независимость Польши»*, но не ее территориальную целостность.

Германию предупреждали: проблема немцев Данцига может быть решена полюбовно, но дальнейшие захваты Германии делают положение уже самой Англии опасным. И, чтобы предотвратить это, она будет, если понадобится, воевать.

Гитлер во внезапную храбрость Чемберлена не поверил – но меры предосторожности принял.

XIV

23 августа 1939 года было объявлено о подписании советско-германского договора о ненападении. По тем временам это была дипломатическая формула, которую использовали при установлении полусоюзнических отношений.

Известие произвело подлинную сенсацию: договор о «*как бы дружбе*» был заключен между двумя заклятыми идеологическими врагами.

Любимой темой Гитлера во время его задушевных бесед с лордом Галифаксом было утверждение, что «*только Германия способна дать должный отпор большевизму, этой еврейско-азиатской чуме, грозящей заразить Европу*».

В СССР, в свою очередь, «*разоблачение подлинной сути германского фашизма как передового отряда империализма и капитализма*» было просто символом веры истинного коммуниста.

Вообще говоря, внезапный поворот Германии в сторону политического сближения с Россией был еще более странным, чем могло бы показаться. Дело было в отношении к понятию «империя»...

В Великобритании – такой, какой она была на стыке XIX и XX веков – империя была чем-то понятным и естественным.

Юный лейтенант-гусар Уинстон Черчилль, сразившись с пуштунскими племенами на северной границе Британской Индии, присоединился к военной экспедиции, направлявшейся в Судан, и уже после суданских приключений стал национальным героем, сбежав из плена во время англо-бурской войны в Южной Африке.

То есть на протяжении где-то десяти лет английский офицер, состоявший в армии в невысоких чинах, сумел поучаствовать в трех колониальных войнах – на афганской границе, в верховьях Нила и в Трансваале.

В Германии же в тот период империя была несбыточной, прекрасной мечтой.

Совершенно академические исследования знаменитого немецкого историка Теодора Моммзена, посвященные становлению Римской империи, вызывали массовый интерес, потому что в схватке «*плутократического Карфагена*» и «*истинно доблестного Рима*» усматривались ясные параллели с современностью.

Ожидался поединок между коварным британским Альбионом и Германией, полной доблестей и добродетелей.

Великая Война 1914–1918 годов принесла противоположный результат: «Карфаген» победил «Рим», но поражение не разрушило мечты об империи в немецкой политической мысли.

Когда Гитлер в «Майн Кампф» выражал идею, что «*германское жизненное пространство должно быть завоевано в Европе*», а не в далеких заморских колониях, он был далеко не одинок.

Пространство же это лежало на востоке – на Украине, например, и его предстояло отнять, и именно у СССР...

Так что договор между СССР и Германией, заключенный в августе 1939 года, был соглашением парадоксальным, хотя и нельзя сказать, что совсем новым.

В 20-е годы, времена Рапалло и Ратенау, два изгоя – Германия и Россия – тесно сотрудничали друг с другом, и прежде всего – в военной сфере.

Августовское соглашение 1939 года тоже давало Германии чрезвычайные выгоды – истинный триумф ее дипломатии.

Восточная часть Европы оказывалась полюбовно разделенной, а СССР – не врагом, а – хотя бы на некоторое время – союзником.

Что касается англо-французских гарантий, то они становились пустым и бессмысленным жестом – просто листком бумаги...

Английских политиков Гитлер презирал. Он говорил Герингу: *«я видел наших противников в Мюнхене – это черви»*.

Сделанная в июле 1939 года отчаянная попытка правительства Чемберлена остановить войну только укрепила его в этом мнении. Германии предлагалось взаимное разоружение и очень существенные займы на перестройку экономики на мирный лад.

1 сентября 1939 года немецкие войска вторглись в Польшу.

XV

Вторжение началось 1 сентября на рассвете. Днем посол Великобритании в Берлине вручил германскому правительству ноту, в которой говорилось, что *«если Германия немедленно не выведет войска из Польши, Великобритания выполнит свои обязательства»*. Ответа он не получил.

На следующий день парламент в Лондоне собрался на заседание. Чемберлен выступил с речью. Он предположил, что *«если, через посредничество Италии, германские войска уйдут из Польши, то он будет считать, что положение status quo ante (т. е. прежнее, довоенное положение вещей) восстановлено, и конференция представителей Франции, Англии, Польши, Германии и Италии соберется и уладит кризис посредством переговоров»*.

Речь была встречена ледяным молчанием палаты. Лидер лейбористской оппозиции Артур Гринвуд встал, чтобы ответить премьеру, и начал обычными в таких случаях словами: *«Я говорю от имени партии лейбористов...»*

Договорить он не успел – Лео Эмери, депутат от консерваторов, крикнул ему с места: *«Говорите от имени Англии, Артур!»*

Подразумевалось, что премьер-министр от имени Англии НЕ говорил.

И заявление это было встречено шумными криками одобрения со скамей и лейбористов, и консерваторов.

Перед явной угрозой мятежа в рядах собственной партии Чемберлен согласился обозначить срок, в течение которого Великобритания ожидала ответа на свою ноту – тем самым нота превращалась в ультиматум.

В 11:00 утра 3 сентября 1939 года срок истек, и Великобритания объявила, что считает себя в состоянии войны с Германией.

Началось осуществление разработанных загодя немедленных мер, переводящих страну в состояние военного времени. Над Лондоном завывли сирены воздушной тревоги – пока как проба, налета на самом деле не было. Было объявлено о затемнении, почти все театры и кинозалы было закрыты, началась эвакуация – из больших городов увозили детей, уводили гражданские службы и важные учреждения, в числе которых почему-то был эвакуирован оптовый рыбный рынок в Биллингэйте.

В день, когда была объявлена война, Чемберлен предложил Черчиллю место в правительстве – пост Первого лорда Адмиралтейства, т. е. министра военно-морского флота.

Адмиралтейство, даже не дожидаясь формального объявления о его назначении, передало на корабли срочный сигнал – *«Уинстон возвращается!»*

XVI

Война в Польше прошла с молниеносной скоростью – теории танковой войны британского генерала Фуллера, проведенные в жизнь немецким генералом Гудерианом, доказали свою высокую эффективность.

17 сентября 1939 года в дело вступил СССР, двинув войска через польскую границу с объявленной целью – *«взять под защиту Красной Армии украинское и белорусское население бывшей Польши»*.

Как сказал В.М. Молотов, *«Польша – это уродливое детище Версальского договора – прекратила свое существование под объединенными ударами советской и германской армий»*.

На Западном фронте между тем не происходило ничего.

Бельгийцы, голландцы и швейцарцы отчаянно клялись в своем строгом нейтралитете. Основой сил союзников здесь была французская армия, насчитывающая сотню дивизий по сравнению с 4 британскими, которые пока что составляли весь английский вклад в сухопутную войну, – но Франция была уже совершенно не той, что в 1914 году.

Наступательные действия считались нежелательными – предполагалось, что они поведут к огромным и ничем не оправданным потерям. Танки рассматривались как средства поддержки пехоты, их не концентрировали, а распределяли по всему фронту.

Опасения, связанные с бомбежками городов, пока что не оправдывались – обе стороны от такого рода действий воздерживались.

Боевые действия шли только на океанах. Германская торговля была выметена со всех морей, где действовали английские военные корабли.

Уинстон Черчилль развил поистине бурную деятельность в своем министерстве с первого дня вступления в должность.

Стиль его руководства можно продемонстрировать, просто цитируя его меморандумы.

Назначение Черчилля состоялось 3 сентября 1939 года, было утверждено 5-го, а вот запрос нового министра, датированный 4 сентября:

«Начальнику разведывательного управления военно-морского министерства:

«Представьте мне доклад о том, какими силами располагает немецкий подводный флот в настоящий момент и какими он будет располагать в ближайшие несколько месяцев. Сообщите отдельно данные об океанских и малых подводных лодках. Укажите предполагаемый радиус действия в днях и милях для тех и других».

Хлопот у нового Первого лорда Адмиралтейства хватало: ему надо было заниматься оборудованием защищенных баз для флота, организовывать движение конвоев через ставшую опасной Атлантику, переделывать гражданские лайнеры в импровизированные дозорные крейсера (используя их высокую скорость хода), и так далее.

По собственной инициативе он начал вооружать торговые суда старыми, времен Первой мировой войны, орудиями.

«Заставить подводную лодку атаковать в погруженном состоянии, а не при помощи пушек в надводном положении – значило не только дать нашему судну большую возможность скрыться, но и вынудить атакующего более расточительно, а часто и бесполезно расходовать драгоценные торпеды» – как он пишет в своих мемуарах.

Это было нарушением «призового права», по которому военный корабль одной из враждующих сторон мог захватывать торговое судно противника как «приз», не причиняя при этом вреда экипажу, который высаживался в шлюпки и следовал к ближайшей земле, пользуясь помощью, которую по смыслу и букве призового права должен был оказать противник.

Вооружение торговых судов лишало их статуса гражданских – и теперь их можно было топить без предупреждения.

Так что заявление Черчилля, тоже взятое из его мемуаров:

«Моряки торгового флота с решимостью глядели в лицо неизвестному будущему. Не довольствуясь пассивной ролью, они требовали оружия.

Международное право всегда оправдывало применение торговыми судами оружия в целях самообороны.

Оборонительное вооружение всех торговых судов дальнего плавания наряду с обучением их команд представляло собой неотъемлемую часть планов военно-морского министерства, к осуществлению которых оно немедленно приступило» – следует рассматривать с долей здравого скептицизма.

Первая его часть сомнительна – надо полагать, далеко не все капитаны требовали оружия, которое ставило их суда в столь опасное положение.

Вторая – просто неверна. Международное право НЕ оправдывало вооружение торговцев.

Вот только третья часть – связанная с тем, что его министерство по его приказу взялось за это дело с энтузиазмом, сообщаемым ему самим министром, – вполне справедлива.

XVII

Приглашая Черчилля в правительство, Чемберлен не только давал родине энергичного и компетентного министра военно-морского флота. Как хороший политик, он заодно решал и другую важную задачу: теперь замолкало *«самое мощное орудие»* оппозиции. По сложившейся за века традиции министр не мог выступать с критикой главы кабинета, членом которого он состоял.

Однако и Черчилль был политиком. Вступая в должность, он терял право на критику премьера, но получал важные преимущества.

Он получал фракцию.

Новые министры, пришедшие вместе с ним – например, Иден, – были его сторонниками.

Он получал трибуну.

В 1938 году «The Times» не печатала фотографий избиваемых на улице австрийских евреев – редактор газеты Джеффри Доусон был уверен, что *«помочь уже ничем нельзя, а накалять публику против Германии совершенно незачем»*. Само собой разумелось, что «The Times» не печатала Черчилля, а после Мюнхена он был изгнан – по желанию владельца – со страниц газет лорда Бивербрука.

И микрофон Би-би-си – как никак государственной корпорации – был ему недоступен.

Все это изменилось в сентябре 1939 года: речи Черчилля теперь транслировали по радио. Оказалось, что рядовые британцы оценили его ораторское мастерство – и не меньше, чем члены парламента. Когда он говорил, у репродукторов собирались толпы...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.